

**ИМПЕРИАЛИЗМ:
хроника
преступлений**

П. Хлебников

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ США

• Мысль •

**ИМПЕРИАЛИЗМ:
хроника
преступлений**

П. Хлебников

**НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ
ВОЙНЫ США**

**МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1984**

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент
кандидат исторических наук
А. В. Крутских

На первой стороне обложки:

Ливан, 1983 год. В поисках противника: американские морские пехотинцы занимают позиции на крыше Бейрутского университета

На второй стороне обложки:

Американцы воюют — такой заголовок вынесен на обложку журнала «Ньюсуик», поместившего эту фотографию солдата парашютного десанта, который высадился на Гренаде в октябре 1983 года

На третьей стороне обложки:

Фото вверху: 1984 год. Дипломатия «канонерок» в действии: американские суда у побережья Ливана

Фото внизу: Еще один американский офицер вернулся из Сальвадора в цинковом гробу под звездно-полосатым флагом

На четвертой стороне обложки:

1983 год. «Освободительная миссия» морской пехоты США на Гренаде — так восстанавливают «демократию» и «справедливость»

Фотографии взяты из американских журналов «Тайм» и «Ньюсуик»

Риторика и политика

Каждые четыре года в разгар президентской избирательной кампании в Соединенных Штатах претенденты на Белый дом изощряются в риторике, апеллируя к канонам морали и этики, нормам международного права, принципам гуманизма и справедливости. Немало усердствует в этом и Рональд Рейган.

Составители речей Р. Рейгана, как правило, снабжают их разного рода ссылками и цитатами. Цитируются Линкольн и Джефферсон, известные философы и политические деятели других стран. Но особенно часто и охотно они обращаются к священному писанию, как бы подкрепляя «правоту» главы Белого дома внешним авторитетом.

Чуть ли не каждому своему выступлению новоявленный мессия из Вашингтона придает религиозный акцент, как если бы он был не президентом США, а по меньшей мере пророком, которому дано возвещать слово божие и толковать его волю. Присваивая себе исключительное право предавать анафеме целые народы и раздавать индульгенции на интервенции против неугодных Вашингтону государств, Рейган характеризует современные международные отношения как борьбу между добром и злом, между справедливостью и несправедливостью и тут же «благословляет» человечество на «священную войну» с «коммунистической ересью», этим, по его мнению, «источником зла в современном мире».

Живописуя свою заботу о «печальной» участи «страждущих» и «порабощенных» народов социалистических государств, он цитирует библейского пророка Исайю: «Исцеляйте страждущих, провозгласите свободу порабощенным». Однако народы стран социализма отнюдь не жаждут быть облагодетельствованными американским военно-промышленным комплексом. Более того, они надежно защищены от посягательств извне. Вашингтон никак не волен изменить их внутренние порядки. Они живут так, как сами того

хотят, какие бы громы небесные ни призывал на их голову Белый дом.

Подлинный смысл «набожных» проповедей американского президента раскрывается со всей очевидностью, как только они подкрепляются практическими делами. Народы обширных регионов земного шара — Ближнего Востока и Южной Африки, Центральной Америки и Юго-Восточной Азии — познали на собственном опыте «благоденствия» американских «радителей» добра и справедливости.

Обратимся к хронике событий 80-х годов.

К побережью Ливана стянуты крупные военно-морские силы США, американские морские пехотинцы высаживаются в Бейруте. В Египте и в районе Африканского Рога проходят маневры американских сил быстрого развертывания. В Чаде не утихает кровопролитная гражданская война, раздуваемая Вашингтоном. Цель — «наказать» независимые страны и народы Ближнего Востока и Северной Африки, «провинившиеся» перед Вашингтоном тем, что отвергают его диктат.

В другом районе земного шара — в Центральной Америке — приведены в действие мощные военно-морские силы США, направленные против Никарагуа. У ее границ в Гондурасе проводятся маневры американских сухопутных войск. ЦРУ минирует никарагуанские порты, вооружает и инструктирует банды контрреволюционеров, вторгающиеся на территорию республики из Гондураса и Коста-Рики. Американские советники делают искусственное дыхание режиму Сальвадора, который пытается подавить освободительное движение собственного народа. Американские силы быстро развертывания вторгаются на Гренаду. И все потому, что Вашингтону не нравятся внутренние порядки в странах Центральной Америки.

Да разве только это? За пределами США находится четверть американских вооруженных сил, постоянно готовых вмешаться в дела суверенных народов и государств. Америка Рейгана потакает южноафриканским расистам, нагло попирающим права коренного населения страны, покровительствует палачу чилийского народа Пиночету, южнокорейскому диктатору Чон Ду Хвану и другим главарям прогнивших режимов.

4 Вопреки воле народов Западной Европы здесь размещаются американские ракеты «Першинг-2» и

крылатые ракеты. Игнорируя единодушное мнение мировой общественности о необходимости скорейшей демилитаризации космического пространства, Белый дом разрабатывает концепции «звездных войн» и ассигнует Пентагону миллиарды долларов на системы космического оружия. И всюду, где Вашингтон пытается навязать свою волю, добиться своих целей, царит насилие и льется кровь.

Поставив перед собой заведомо недостижимую цель построить «мир по-американски», возводя политику диктата и шантажа в норму международных отношений, правительство Рейгана пытается размыть рубеж между самими понятиями «мир» и «война», заставить народы жить по законам военного времени.

В известном смысле такая практика представляет собой новое явление в мировой политике. Культ силы, ставка на войну всегда составляли основу внешней политики эксплуататорских государств. Но если в прошлом войны, несмотря на то что они нередко следовали одна за другой, были все же крайним средством политики, то теперь дамоклов меч военной угрозы американский империализм стремится навечно подвесить над головами людей.

На протяжении всей истории существовали две формы использования военной силы — прямая, т. е. война, и косвенная, т. е. угроза войны. Как, по всей видимости, полагают американские стратеги, они нашли третью форму, когда водораздел между войной и миром становится все более условным, а угроза применения военной силы превращается в постоянный фактор внешней политики. По признанию помощника президента по национальной безопасности Р. Макфарлейна, США находятся сегодня в своеобразной «серой зоне» — где-то посередине между «тотальной войной» и «абсолютным миром». На «тотальную войну» правящие круги США пойти не рискуют, поскольку она означала бы глобальное самоубийство. Но и к «абсолютному миру» Вашингтон не стремится, так как мир не устраивает американский империализм, который не хочет существовать без экспансии и агрессии.

Прямым следствием такой установки во внешней политике США является беспрецедентное наращивание гонки вооружений, провоцирование международных кризисов и конфликтов, экономическая война

против всех стран — как «врагов», так и «друзей» Америки, развертывание тайных операций во всем мире, покровительство диктаторам и реакционерам, активное ведение «психологической войны» против всех государств, проводящих самостоятельный курс в международной жизни.

Кризисные ситуации в различных регионах мира превращаются при таком подходе в своего рода фон и для подготовки войны, и для политической, экономической и идеологической конфронтации в мирное время. Они используются для того, чтобы разрушать экономические связи между государствами противоположных социальных систем, провоцировать политику антикоммунизма и антисоветизма под флагом «крестового похода за свободу», организовать новое широкомасштабное наступление против народов освободившихся государств.

Как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, последние годы «были отмечены резкой активизацией политики наиболее агрессивных сил американского империализма — политики откровенного милитаризма, претензий на мировое господство, сопротивления прогрессу, нарушения прав и свободы народов. Примеров ее практического применения мир видел немало»*.

То, что именно такое развитие событий отвечает замыслам Вашингтона, подтверждает и сам президент Рейган. Летом 1982 года, встречаясь со своими союзниками по НАТО в Бонне, он немало озадачил и даже шокировал их заявлением, что, на его взгляд, Советский Союз находится-де в состоянии войны с Соединенными Штатами. Многие западные обозреватели справедливо расценили этот демарш как провокационную акцию, рассчитанную на дальнейшее обострение советско-американских отношений, а также как сигнал к возобновлению «холодной войны».

В самом деле: если СССР и США противостоят друг другу как прямые враги, то о какой нормализации международных отношений можно говорить, на какие изменения к лучшему можно надеяться? Видимо, логичнее предположить обратное — Белый дом непосредственно заинтересован в том, чтобы как можно сильнее дестабилизировать международную жизнь,

умножать очаги международной напряженности, придавать любой конфликтной ситуации угрожающе острый характер.

Именно такая линия и зафиксирована в принятой ныне Пентагоном стратегии «прямого противоборства». Как известно, она дополняет концепцию «ограниченной» ядерной войны планами ведения затяжной войны или даже одновременно нескольких войн в различных районах земного шара с применением как ядерных, так и обычных средств.

Стратегия «прямого противоборства» предполагает новое наращивание Соединенными Штатами вооружений, дальнейшее расширение военного присутствия США в различных районах земного шара, максимально возможное вовлечение в подготовку к войне союзных стран. Иначе говоря, эта стратегия выражает политику глобальной агрессии, политику всестороннего и многообразного использования военной силы. При этом США ведут себя так, будто они уже вступили в войну или даже чуть ли не победили в ней и принудили своих противников к капитуляции. Эта явно несостоятельная посылка порождает столь же несостоятельную политику.

Как же все эти факты укладываются в фарисейские проповеди Белого дома о добре и зле? Или в Вашингтоне всерьез полагают, что ссылаясь на Библию можно уверить мир в том, что, попирая элементарные нормы этики и международного права, проводя аморальную политику, Соединенные Штаты пекутся о благе народов?

В данной работе речь пойдет о необъявленных войнах США — о многочисленных случаях военно-политического вмешательства в различных регионах мира, осуществляемых Вашингтоном с помощью сил специального назначения, о подрывной деятельности американских спецслужб, о поддержке террористических группировок и контрреволюционных формирований в Африке, Азии и Латинской Америке, о финансировании и вооружении реакционных режимов и правительств. Особое внимание автор уделяет политике США в годы правления администрации Рейгана, когда Вашингтон окончательно отошел от курса разрядки и вернулся на «круги своя» — к массовой гонке вооружений, нагнетанию международной напряженности и использованию военной силы во всех ее формах.

Индальгенции на интервенции

МЕТАМОРФОЗЫ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

Это произошло в Филадельфии осенью 1775 года. II Континентальный конгресс, заседавший в этом городе в момент, когда только-только закладывались основы американского государства, принял поразительное решение. Представители тринадцати североамериканских колоний, отложившихся от британской короны, постановили начать военную экспедицию в Канаду, жители которой не захотели по доброй воле стать четырнадцатой восставшей колонией и имели смелость открыто игнорировать призывы своих южных соседей. На завоевание Канады был отправлен огромный по американским масштабам тех времен экспедиционный корпус — 9 тыс. человек. Две колонны американских войск под командованием генерала Шайлера и полковника Арнольда должны были захватить Монреаль и Квебек. Вторжение в Канаду стало первой не объявленной войной США.

Экспедиция на север не принесла захватчикам ни военных лавров, ни политических дивидендов. Тяжелые потери, нехватка боеприпасов и продовольствия, нескрываемая враждебность населения вынудили американские войска убраться восвояси. Летом 1776 года канадская кампания завершилась унижительным поражением.

Авантюристический поход в Канаду скоро заслонили другие, более важные события американской истории. По понятным причинам о нем старались не вспоминать. Но сегодня, в свете двухсотлетней ретроспективы, канадская экспедиция выглядит в высшей степени поучительным уроком.

Как могло государство, которое еще и государством-то не стало, отважиться на столь рискованную военную операцию? Как могло политическое руководство, громогласно провозглашавшее священные принципы свободы, равенства и братства народов, пойти

на открытую попытку подавления своих соседей? Наконец, как мог конгресс, требовавший от английской метрополии и лично от короля Георга III соблюдения норм права в отношении североамериканских колоний, начать необъявленную войну против Канады?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к идеологическим основам американской государственности. Со времен Войны за независимость 1775—1783 годов государственные и политические деятели США неизменно утверждают, что Америка — это нечто большее, чем просто государство. Американскому опыту, американским ценностям и идеалам приписывается универсальное значение. Американский социолог Натан Глейзер и вовсе заявляет, что «Соединенные Штаты — это единственная в мире страна, которая, говоря о собственных национальных ценностях, не отделяет себя от других наций; рас и народов». Подобное убеждение в глобальной значимости социально-экономического, политического и культурно-духовного опыта США — явление, не утратившее своего значения на протяжении всей американской истории.

Есть немало свидетельств того, что «отцы-основатели», стоявшие у колыбели американского государства, мыслили наднациональными масштабами. Например, Джон Адамс, второй президент США, говорил, что американская революция должна распространять Свободу и Просвещение во всем мире. Автор знаменитого трактата «Здравый смысл» Томас Пейн провозглашал, что американцы имеют возможность начать историю всего мира заново. А третий президент США Томас Джефферсон утверждал, что обязанности американцев не ограничиваются рамками их общества и сами они считают создание нового государства на Американском континенте делом, существенно важным для всего человечества.

А где есть обязанности, там должны быть и права. И Соединенные Штаты еще у колыбели своей истории провозглашают право Америки учить другие народы уму-разуму, совершать военные авантюры против своих соседей, разумеется, «для их же блага».

Другой идеологической концепцией, косвенно оправдывающей ведение необъявленных войн, стала концепция «исключительности американской цивилизации». Традиционное представление об «американской

исключительности» отчасти опиралось на ряд объективных факторов, таких, как географическая удаленность и изолированность Северо-Американского континента, необходимость строительства нового общества почти «с нуля», отсутствие в основном феодальных установлений, препятствующих буржуазному развитию.

Особенности исторического развития Америки создавали определенные географические, социально-политические и религиозно-культурные предпосылки, которые способствовали укоренению представлений об исключительности американского пути развития, самой Америки, а следовательно, и ее положения в системе международных отношений. Идея исключительности, замечает известный американский социолог Дэниэл Белл, утверждает не только то, что Америка «сама имеет право определять свою судьбу, но что американский народ обладает особыми добродетелями, отличными от всего известного Европе и даже всему человечеству». С самого начала предполагалось, пишет в этой связи американский историк Р. Най, что Америка будет не только моделью, но и лабораторией, в которой люди всего мира научатся управлять собой.

Представления об эксперименте порождали своеобразный патернализм во взаимоотношениях американского общества с остальным миром. В самом деле, раз в американском эксперименте оказались как бы сконцентрированными судьбы будущего мирового развития, то и сама Америка в определенной степени ответственна за остальное человечество. Она должна заботиться не только о том, чтобы сохранить благоприятные внешние условия для американского развития, но и о том, чтобы форма устройства американского общества — «американская модель» воспроизводилась другими странами и народами. Таким образом, в соответствии с этими традиционными, но сохраняющимися и по сей день представлениями Америка считалась страной, призванной в качестве лидера вести за собой другие народы.

Эти претензии образно выразил один из духовных отцов идеологии американизма, сенатор А. Беверидж: «Всевышний... одарил нас духом прогресса... чтобы мы могли управлять дикими и пришедшими в упадок народами. Из всей человеческой расы он выделил американский народ как нацию, способную в конечном

счете руководить духовным возрождением мира. Такова божественная миссия Америки...»

Попытки навязывания другим народам американского образа жизни крупнейший американский либеральный историк Артур Шлезингер-младший впоследствии обозначил метким термином «сентиментальный империализм». Он пояснил: имеется в виду слепая вера в то, что американцы лучше, чем другие народы, знают, что для этих народов хорошо, а что — плохо. Эта вера, замечает Шлезингер, превратила отношения Америки с остальным миром в политику односторонних акций, зачастую приходящих в явное столкновение с общепризнанными нормами международного права.

Конечно, концепция «универсальности американского опыта» не всегда играла роль лишь ширмы для прикрытия экспансионистских устремлений Соединенных Штатов. Идеология первых американских борцов за свободу и независимость была проникнута революционным пафосом, стремлением к универсализации своего революционного опыта. Тот же Томас Пейн, не прельстившись всеобщим почетом и высоким общественным положением у себя на родине, вскоре после победного завершения Войны за независимость отправился в Европу, где принял активное участие в событиях Великой французской буржуазной революции XVIII века, не раз подвергая опасности свою жизнь. Да и официальное руководство молодой американской республики выступало в поддержку борьбы латиноамериканских колоний за независимость.

Однако уже на ранних этапах американской истории концепция «универсальности американского опыта» и «американской исключительности» часто использовалась для маскировки вполне конкретных экспансионистских устремлений Соединенных Штатов, для оправдания необъявленных войн против коренного населения Северо-Американского континента — индейцев и соседей США. Стратегию борьбы против аборигенов сами американские военные историки называют «стратегией уничтожения».

«К концу XIX века вся культура американских индейцев, по-видимому, была уничтожена вслед за уничтожением американской армией военных сил индейских племен», — пишет американский историк Рассел Уичли. Что же касается соседних стран, то история XIX века полна примеров агрессивных акций США

против государств Латинской Америки и Карибского бассейна, каждая из которых оправдывалась «божественным предначертанием» или «универсальностью американского опыта» и преподносилась американцам и всему миру в качестве «крестового похода в защиту свободы» — не иначе!

«Как миссионеры американского опыта, мы предлагали нашу помощь другим, и последние были вольны принять или отвергнуть ее,— писал, комментируя «американский опыт», патриарх политологов США Ганс Моргентау.— Как крестоносцы, мы стали навязывать нашу помощь остальному миру, в случае необходимости — огнем и мечом. Фактическими границами такого крестового похода оказывались пределы американской мощи, ее потенциальными пределами — пределы земного шара. Американский пример трансформировался в формулу всемирного спасения, на которое правильно мыслящие нации согласятся добровольно и к которому другие должны быть принуждены силой».

О том, к чему на деле привела подобная трансформация, наглядно свидетельствует хроника необъявленных войн США в XIX веке.

В 1801 году группа американских авантюристов под руководством Филиппа Нолона вторглась в северные районы вице-королевства Новая Испания (Мексика). Кондотьеры, конечно, провозгласили себя «освободителями».

В 1806 году американские войска под командованием капитана Пайка проникли в Мексику в районе истоков реки Рио-Гранде, вознамерясь присоединить новые территории к Соединенным Штатам, но получили отпор.

В 1812—1813 годах Соединенные Штаты захватили Западную Флориду. Естественно, под лозунгами «освобождения» этой территории.

В 1817—1819 годах под прикрытием аналогичных лозунгов была захвачена территория Восточной Флориды.

В 1831 году североамериканские корабли осуществили блокаду берегов Аргентины.

В 1833 году под предлогом «защиты интересов США» в Аргентине американские войска высадились в Буэнос-Айресе и пробыли там две недели.

В 1835 году под аналогичным предлогом «защиты интересов США» в Перу американские морские пехо-

тинцы заняли районы в провинциях Лима и Кальяо.

В 1845 году Соединенные Штаты аннексировали мексиканскую территорию — Техас.

В 1847 году морские пехотинцы США заняли в Никарагуа порт Сан-Хуан-дель-Норте.

В 1848 году американская агрессия против Мексики привела к подписанию правительством этой страны унижительного договора, по которому у Мексики отобрали более половины ее территории.

В 1852 году морские пехотинцы вновь высадились в Буэнос-Айресе, чтобы «защитить интересы США» в Аргентине.

В 1855 году корабль военно-морских сил США угрожал Парагваю, пытаясь заставить правительство этой страны открыть реки для «свободного судоходства».

В том же году американские войска высадились в Уругвае для «защиты американских интересов».

В 1856 году при поддержке американского посла Джона Уилера авантюрист Уильям Уокер объявил себя президентом Никарагуа; Вашингтон немедленно признал нового «президента» и предоставил ему заем. 22 сентября Уокер в качестве первых мер своего правительства восстановил рабство и объявил английский язык официальным языком Никарагуа.

В 1859 году военные корабли США блокировали Парагвай.

В 1865 году под лживым предлогом «защиты собственности и жизни американских граждан», проживавших в Колумбии, американские войска оккупировали часть территории этой страны.

В 1866 году американские войска вторглись в Мексику и спровоцировали пограничные столкновения с мексиканскими вооруженными силами. Соединенные Штаты незаконно захватили район Эль-Чамисаль.

В 1873 году на Панамском перешейке высадился морской десант американцев, чтобы — уже в который раз! — «отстоять американские интересы, оказавшиеся под угрозой».

В 1885 году американские войска вновь высадились в Панаме, чтобы «защитить интересы США» и восстановить беспопшлинный провоз американских товаров по пролегавшей в этом районе железной дороге.

В 1891 году корабли США осуществили блокаду берегов Гаити, пытаясь вынудить правительство этой страны уступить залив Моль-Сен-Никола.

В этом же году морские пехотинцы США вторглись в Чили.

В 1894—1896 годах США высаживали морские десанты в Чили.

В 1898 году под предлогом «содействия» кубинскому народу американские войска вмешались в испано-кубинскую войну, оккупировали Кубу и захватили Пуэрто-Рико.

В 1900 году американское правительство совершило одно из своих крупнейших преступлений, навязав народу Пуэрто-Рико «Акт Форакера», который официально превратил остров в американскую колонию.

Та относительная легкость, с которой Соединенные Штаты осуществляли свои территориальные захваты на Американском континенте в XIX веке, способствовала еще большему укоренению идеологических стереотипов американской «исключительности» и вытекающей из этой «исключительности» вседозволенности Америки. Американская «исключительность» все более четко трансформировалась в сознание американского «превосходства».

Поначалу под «предначертанной судьбой» США американские буржуазные идеологи подразумевали «континентальное предначертание», т. е. овладение североамериканскими землями и господство над странами западного полушария. Это нашло свое отражение в принятой еще в начале XIX века «доктрине Монро». Среди географических, историко-философских, религиозных и иных обоснований территориальной экспансии США преобладал тезис о распространении принципов демократии и свободы.

Во второй половине XIX века, с расширением масштабов геополитических притязаний, начали формироваться претензии на создание мировой империи под эгидой США. Объективной основой перехода от империализма континентального к империализму глобальному отчасти послужил тот факт, что к концу XIX века по национальному богатству, национальному доходу и уровню развития основных отраслей промышленности Соединенные Штаты Америки заняли первое место в мире. Вступление США в империалистическую стадию развития закономерно привело к эскалации интервенционизма, формированию курса на доминирование и навязывание американских порядков в мировом масштабе.

ры сердца наших, идут в бой — пребудь с ними! В мыслях мы вместе с ними покидаем покой и тепло дорогих нам очагов и идем громить недругов. Господи боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом, летом — палимые солнцем, зимой — дрожащие от ледяного ветра, вконец отчаявшиеся, тщетно умоляющие тебя разверзнуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой; ради нас, кто поклоняется тебе, о господи, разве в прах их надежды, сгуби их жизнь, продли их горестные скитания, утяжели их шаг, окропи их путь слезами, обогри белый снег кровью их израненных ног» — эти слова взяты из памфлета «Военная молитва», принадлежащего перу Марка Твена. Великий сатирик вложил их в уста некоего американского проповедника.

Уже в середине прошлого века континентальные рамки стали слишком узкими для американского экспансионизма. Необъявленные войны, главным полигоном которых оставались страны Латинской Америки, стали основным средством для утверждения американского флага на новых, еще более далеких от Соединенных Штатов берегах.

В 1853 году под дулами корабельных орудий военной эскадры коммодора Перри США навязали Японии неравноправный торговый договор.

В 1862 году американские офицеры участвовали в подавлении тайпинского восстания в Китае.

В 1882 году военная экспедиция адмирала Шуфельдта в Корею привела к насильственному «открытию» этой страны для США.

В 1893 году на Гавайских островах был организован, вооруженный мятеж американских колонистов. Через пять лет США аннексировали Гавайи.

В 1898—1902 годах, жестоко подавив освободительное движение на Филиппинах, Соединенные Штаты аннексировали этот архипелаг.

В 1899 году США поделили с Германией архипелаг Самоа.

А теперь уже XX век. И снова США разбойничают в Латинской Америке!

В 1903 году американский десант высадился на Панамском перешейке, спровоцировал отделение Панама от Колумбии. Соединенные Штаты получили полный контроль над зоной строящегося Панамского канала.

В 1912 году американские войска были введены на Кубу для подавления освободительного движения на острове.

В 1914 году американская морская пехота оккупировала Гаити.

В 1914—1916 годах США осуществили широкомасштабную интервенцию в Мексику.

Менялись масштабы необъявленных войн, менялась и риторика, призванная оправдывать их ведение. Все больше фальши, все больше ханжества появляется в рассуждениях о «явном предначертании» и «божественной миссии» Америки. В этом смысле весьма характерны лицемерно-пуританские рассуждения президента Мак-Кинли накануне аннексии Соединенными Штатами Филиппин.

«Истина заключается в том,— разглагольствовал президент,— что я не хотел Филиппин и не знал, что делать с ними, когда они свалились к нам в качестве дара божьего... Везде я искал совета... но получал мало помощи. Сначала я думал, что мы возьмем только Манилу... Я ходил ночами по комнатам Белого дома... и я не стыжусь рассказать вам, джентльмены, что я падал на колени и просил всевышнего ниспослать мне просветление и руководство. И вот однажды поздно ночью оно снизошло на меня. Я не знаю, как это случилось, но мне стало ясно: во-первых, мы не можем вернуть Филиппины Испании — это было бы трусливо и бесчестно; во-вторых, мы не можем отдать их Франции или Германии, нашим торговым соперникам на Востоке,— это было бы плохим бизнесом; в-третьих, мы не можем предоставить их самим себе — они не созрели для самоуправления и там установится анархия и дурное правление, значительно худшее, чем было испанское; в-четвертых, нам не остается ничего другого, как только взять их целиком и воспитать филиппинцев, цивилизовать их и с помощью божьей сделать для них все наилучшее, как для собратьев, ради кото-

рых тоже умер Христос. И тогда я лег в постель и заснул, и заснул здоровым сном».

В конце XIX — начале XX века пропагандистский камуфляж необъявленных войн меняется: место туманных ссылок на «американскую исключительность» и «явное предназначение Америки» занимают различные социал-дарвинистские теории, провозглашавшие безграничные права «сильной нации». Отражая взгляды экспансионистов того времени, газета «Вашингтон пост» писала: «Очевидно, к нам пришло новое сознание — сознание нашей силы, а с ним вместе и новый аппетит — стремление показать эту силу. Его можно сравнить с действием, которое оказывает на животное вкус крови... Честолюбие, выгоды, земельный голод, гордость, радость борьбы, какова бы она ни была, — все это дает нам новые ощущения. Мы стоим перед лицом неизвестной судьбы. Наш народ ощущает жажду захватов, подобную той жажде крови, которая царит в джунглях». Те же идеи, хотя и облеченные в более наукообразную форму, выражали главные идеологи молодого американского империализма — Д. Барджесс, А. Мэхен, Ф. Тернер и др.

В более поздний период концепция «американской исключительности» как идеологическое оправдание необъявленных войн постепенно отошла на второй план, уступив место различным антисоветским и антикоммунистическим теориям. Тем не менее идея «исключительности» все еще остается в пропагандистском арсенале политиков США. В частности, о ней вновь заговорил во второй половине 70-х годов президент Дж. Картер.

Буквально через несколько дней после того, как «фермер из Джорджии» занял президентское кресло, известный американский обозреватель Дж. Рестон отмечал, что в высказываниях нового главы американского государства «звучит вильсоновская и миссионерская тема».

С подобных же позиций подходит к внешнему миру и администрация Рейгана. В своей инаугурационной речи Рейган изображал США в классическом мессианском духе «образцом свободы» и «светочем надежды» — государством, призванным высшей волей вершить «великие дела». В ходе девятидневного турне по странам Западной Европы в июне 1982 года Рейган проповедовал: «У меня одно желание — заставить всех американцев понять, что они всегда были и должны

оставаться впредь величайшей расой на нашей старой земле».

Новые всплески великодержавной идеологии отражают желание американских правящих кругов утвердить свое превосходство на мировой арене, возвратить Соединенным Штатам утраченные позиции «мирового лидера», обеспечить «моральное прикрытие» для политики гегемонизма и ядерного авантюризма, для экономического грабежа и эксплуатации развивающихся государств.

«БИПОЛЯРНЫЙ МИР» ИЛИ «ИГРА С НУЛЕВОЙ СУММОЙ»

Со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции в России американский интервенционизм вступает в новый этап. Отныне стратегия необъявленных войн США непосредственно увязывается со стратегией борьбы против социализма. Авторы этой стратегии были озабочены прежде всего тем, как решить в пользу империализма исторический спор между двумя противоположными социальными системами. Не случайно первой необъявленной войной США в новую историческую эпоху была интервенция против Советской России. И после того как интервенция потерпела крах, США не спешили с установлением нормальных дипломатических отношений с Советским государством. Только в 1933 году, намного позже, чем другие основные страны Запада, США признали СССР.

В современную эпоху само существование независимых, неподвластных Вашингтону государств рассматривается не только как препятствие на пути к желанному «американскому веку», но и как потенциальный плацдарм для нежелательных социальных сдвигов в мире. Развитие освободительного движения после Великого Октября в немалой степени способствовало изменению соотношения сил на международной арене в пользу мира и демократии. А в результате крушения колониальной системы было ликвидировано то, что именовалось «тылами империализма». Империализм лишился беспрепятственного доступа к огромным сырьевым и людским ресурсам, которые долгое время использовались для обогащения колониальных держав, предотвращения социальных конфликтов

в развитых капиталистических странах. Существенно сузились возможности империализма в подготовке и осуществлении военных походов против социализма.

Успехи национально-освободительного движения, избрание рядом новых государств некапиталистического пути развития вызвали серьезную озабоченность в Вашингтоне, где любые закономерно обусловленные социальные сдвиги в мире интерпретируются как непосредственная угроза интересам американских монополий. И это привело к резкому росту числа и масштабов необъявленных войн США. Главными объектами необъявленных войн стали прежде всего развивающиеся страны социалистической ориентации, а сами необъявленные войны рассматривались отныне как неотъемлемый элемент общей стратегии «холодной войны».

В 50-х годах давняя мечта американских экспансионистов об установлении «американского века», казалось, могла превратиться в реальность. После второй мировой войны соотношение сил, сложившееся в капиталистическом мире, ставило Соединенные Штаты Америки в особые условия. За время войны США, территория которых не была затронута бедствиями и разрушениями, существенно нарастили свой экономический и военный потенциал, который дополнился в первые послевоенные годы американской монополией на атомное оружие. Ослабленные войной европейские капиталистические державы были заняты восстановлением разрушенного хозяйства, в то время как Соединенные Штаты серьезно расширили свои промышленные мощности. Запас золота в Форт-Ноксе, исчисляемый в 24 млрд. долл., кредиты многим западным государствам; мероприятия по «плану Маршалла» позволили американским банкам и монополиям оказать влияние на экономическое и политическое развитие других капиталистических держав, занять господствующее положение на мировых рынках. Америка стала неоспоримым лидером в сфере капиталистического производства и мировым банкиром.

Эти и другие благоприятные для США объективные условия в послевоенные годы дали многим американским политикам, представителям академических кругов, публицистам основания утверждать, что наступил «золотой век» Америки, который они неразрывно связывали с достижением желанного «американского века». Единственным препятствием на пути

к «американскому веку», полагали в Вашингтоне, оставался Советский Союз, а потому борьба с ним стала рассматриваться как главное направление внешней политики США.

В представлениях американского истеблишмента историческая миссия Соединенных Штатов все больше увязывалась с экономическими, военными и политическими возможностями Америки на мировой арене. При этом речь шла не просто об активном утверждении американских позиций в мире, а о завоевании Америкой роли лидера на мировой арене, прежде всего в русле основной задачи — «борьбы с мировым коммунизмом». В обращении к нации 25 мая 1961 года президент США Дж. Кеннеди говорил: «Мы живем в необычные времена. Мы стоим перед лицом необычного вызова. Но наша сила, так же как наши убеждения, заставляет наше государство брать на себя роль лидера в защите дела свободы».

При этом «свобода» понималась весьма своеобразно: еще в начале 50-х годов в США была разработана доктрина «освобождения» стран Восточной Европы, которая предполагала насильственное вмешательство в дела суверенных государств этого региона и ликвидацию там социалистических порядков.

Что касается зоны капиталистических и развивающихся стран, то здесь главной целью США стало поддержание проамериканского статус-кво. Любые изменения и преобразования в этих странах, диктуемые потребностями социально-экономического развития, истолковывались Вашингтоном как инспирированные «мировым коммунизмом». В результате объектами американской поддержки оказались реакционные режимы, а объектами необъявленных войн — государства с прогрессивными правительствами. Как впоследствии признавали сами американские историки, в период «холодной войны» Соединенные Штаты превратились в самую контрреволюционную силу в мире.

В качестве идеала мирового устройства была выдвинута цель создания «антикоммунистической контримперии», как ее окрестил американский историк и публицист Рональд Стил в книге «Рах Америкапа». В речах американских президентов все чаще звучали имперские интонации. Народы других стран мира откровенно третировались как «варвары», самой историей обреченные на подчинение Америке. Идеологи американского империализма в один голос утверждали,

что тем, чем были Рим для древнего мира и Великобритания для XIX века, предстояло стать Америке в будущем. А для достижения этой цели американские стратеги считали необходимым сокрушить как Советский Союз, так и молодые освободившиеся государства.

Главная стратегическая установка американского империализма в зоне освободительного движения в этот период выявилась предельно четко — сохранить или восстановить позиции империалистического господства в целом и своего собственного в частности, прочно привязать бывшую колониальную «периферию» к экономической системе Соединенных Штатов, отсечь животворные связи молодых государств с СССР, втянуть их в борьбу против социализма.

Эта направленность стратегии империализма США определяется его общим долгосрочным курсом конфронтации с мировым социализмом, силами социального прогресса. Под таким углом зрения рассматривается «стратегическая важность» той или иной страны, сохранение контроля над источниками сырья, коммуникациями и т. д. Планы США идут в направлении создания неоколониалистского мира, который призван выполнять функцию тыла империализма в борьбе с социализмом. Достижению этой цели американский империализм стремится подчинить и действия партнеров по НАТО, своих союзников в зоне национально-освободительного движения в лице реакционных режимов.

Пытаясь подчинить освободившиеся страны политически и экономически, США хотят поставить на службу своим гегемонистским планам и их военные потенциалы. Ради этого предпринимаются попытки сколотить «панамериканские», «панафриканские», «панарабские» и другие подобные объединенные вооруженные силы.

Действия администрации США в зоне национально-освободительного движения связываются, таким образом, с установкой на достижение военного превосходства и утверждение господствующего положения Соединенных Штатов Америки в современном мире.

Превращение американской политики в зоне развивающихся стран в одну из важнейших составных частей их глобальной стратегии стало особенно заметным в последние годы, когда США потерпели ряд крупных поражений. Если администрация Картера

проявляла желание рассматривать проблемы отношений между развитыми империалистическими и развивающимися странами отдельно от отношений с Советским Союзом, то администрация Рейгана строит свою политику, исходя из того, что главное для США — это противоборство с СССР в любом вопросе и в любом уголке земного шара. Подобный подход, при котором все сложные и подчас противоречивые процессы международной жизни объясняются с точки зрения противоборства США и СССР, американские политологи называют концепцией «биполярного мира».

Нынешнее руководство США открыто признает, что считает Советский Союз главным препятствием на пути осуществления американских глобальных интересов. У. Кларк в бытность свою помощником президента по национальной безопасности категорично заявил: «Наши интересы носят глобальный характер, и они противоречат интересам Советского Союза».

Рассматривая современные международные отношения сквозь призму военно-силового подхода, американские руководители видят в развивающихся странах либо потенциальных военных противников, либо потенциальных союзников в противоборстве с Советским Союзом. США прилагают настойчивые усилия, чтобы вовлечь эти страны в сферу политического и военного влияния империализма. Для этого наряду с другими инструментами внешней политики в невиданных ранее масштабах используются необъявленные войны.

Стремясь оправдать в глазах мирового общественного мнения свои акции, правящие круги США пытаются приписать Советскому Союзу аналогичные действия, готовность принять правила игры «биполярного мира». Американский адмирал Э. Замуолт в книге «Большая стратегия на 80-е годы», не обременяя себя объективным анализом внешней политики СССР, утверждал: «Кремль стремится нарушить американские связи с другими странами во всем мире, ослабляя промышленную и политическую мощь Соединенных Штатов путем их изоляции... Советские руководители считают, что каждая страна, которая стремится выйти из орбиты США, автоматически приплюсовывается к их собственной».

Несуразность подобных измышлений настолько очевидна, что она по сути дела подводит их авторов,

с головой выдавая их истинные намерения в отношении других государств.

В последние годы американскому империализму все труднее удерживать развивающиеся страны в орбите своего военно-политического влияния. Это, разумеется, объясняется не «происками Москвы», а объективными тенденциями, вызревающими внутри этих стран. Такие тенденции серьезно тревожат империалистические круги Запада, прежде всего США. Стремясь представить объективно назревшие сдвиги как «попытки СССР изменить статус-кво в свою пользу», эти круги призывают «оказать им активное противодействие». Так завуалированно протаскивается политика «экспорта контрреволюции» и интервенционизма, направленная на удержание империализмом своих позиций в развивающихся странах.

Попытки обвинить СССР в экспансионизме не являются новыми. С момента возникновения реального социализма буржуазной пропагандой была изобретена и пущена в оборот фальшивка о том, что все социально-политические сдвиги в мире следует объяснять «происками Москвы», которым США и их союзники должны противодействовать всеми имеющимися средствами. В последнее время государственные деятели США все чаще пускают в ход эту фальшивку.

Подобные вымыслы не имеют ничего общего ни с исторической действительностью, ни с внешнеполитическим курсом СССР и других социалистических стран. Коммунисты всегда выступали и выступают против «подталкивания» извне мирового революционного процесса. Марксизм-ленинизм исходит из того, что свою освободительную миссию национальные отряды пролетариата, крестьянства, интеллигенции осуществляют в процессе исторически созревших на национальной почве революций. Попытка с помощью вооруженного вмешательства извне ускорять общественное развитие означала бы не помощь, а вред делу социализма. Ф. Энгельс подчеркивал: «...победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подорывая этим своей собственной победы»*. Это теоретическое положение марксизма нашло воплощение в принципе мирного сосуществования государств с раз-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 298.

личными социальными системами, который был провозглашен уже в первом декрете Советской власти.

Воздействие реального социализма на мировой социальный прогресс проявляется прежде всего в силе примера нового общественного строя. «...Мы говорили и говорим: «Социализм имеет силу примера», — писал В. И. Ленин. — Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу, влияние и пример»*.

С момента своего возникновения социализм отверг открыто и безоговорочно экспорт революции в качестве средства достижения победы над старым общественным строем. Коммунисты видят такое средство в мирном экономическом соревновании двух систем. Отсюда забота о создании благоприятных условий для экономического развития социализма и его соревнования с капитализмом, отсюда убежденность в том, что курс на мирное сосуществование — единственно правильная политика, поскольку этому курсу в ядерный век нет никакой разумной альтернативы.

Неверие в способность империализма выдержать мирное соревнование с новым общественным строем побуждает американских буржуазных идеологов и государственных деятелей приписывать СССР «экспансионистские устремления». Укрепление международных позиций социализма, изменение соотношения сил на мировой арене в пользу мира, демократии и социального прогресса они выдают за рост «коммунистической угрозы». Буржуазные теоретики никак не хотят смириться с тем, что социально-политические сдвиги в современном мире объясняются не «происками коммунистов», а самой логикой закономерного развития общества.

Ограниченность буржуазного мировосприятия, устойчивость стереотипов «имперского» мышления, глубокий страх перед социальными преобразованиями в мире — все это ведет к тому, что подавляющее большинство руководящих деятелей США рассматривают социально-классовые процессы на мировой арене с позиций теории «игры с нулевой суммой». Тот или иной выигрыш СССР считается автоматическим проигрышем США и наоборот. В Вашингтоне, как видно, не желают отдавать себе отчета в том, что в современном

мире уменьшение опасности войны может быть одновременно выигрышем не только для советского и американского народов, но и народов всех других стран. Вместе с тем вовлечение мира в ядерную войну в результате, например, неконтролируемой гонки вооружений, развязанной США, было бы катастрофой не только для обеих сторон, но и для всего человечества.

В рамках концепций «биполярного мира» и «игры с нулевой суммой» развивающиеся страны произвольно лишаются Вашингтоном права на самостоятельный политический выбор. Одновременно преследуется и другая цель — представить СССР в виде вездесущей дьявольской силы, стремящейся любой ценой подорвать американские позиции во всех без исключения районах мира. Не случайно, разрабатывая идеологические установки американской послевоенной стратегии, государственный секретарь США в администрации Эйзенхауэра, один из главных идеологов «холодной войны», Дж. Даллес, рекомендовал правительству Соединенных Штатов создать образы «наций-спасителя» и «наций-злодея».

Оборотной стороной идеологического наступления против мирового социализма стали постоянные нападки на политику освободившихся государств, не хотевших принять на веру антисоветские измышления вашингтонских теоретиков и смотреть на мир через призму концепции «биполярного мира». Именно Дж. Даллес, не считаясь с интересами и настроениями большинства молодых арабских и азиатских государств, с их ясно выраженным нежеланием вступать в планируемые Соединенными Штатами антисоветские союзы, развернул активнейшую кампанию по созданию всеобъемлющей военной организации «свободного мира» для «борьбы с коммунизмом». Обычная клевета в адрес СССР была дополнена резкой критикой самостоятельной политики неприсоединившихся стран. Их антиимпериалистическая, антиколониалистская, нейтралистская позиция, выразившаяся, в частности, в решениях Бандунгской конференции 1955 года, вызывала и вызывает яростные нападки со стороны официального Вашингтона.

Типичным примером таких нападок стало заявление Даллеса об «аморальности» движения неприсоединения. Игнорируя тот факт, что сами Соединенные Штаты на протяжении многих десятилетий своей истории, по крайней мере формально, провозглашали в

международных делах позицию нейтралитета, Даллес объявил ее «несовместимой с долгом» каждой страны, не входящей в социалистическую систему. Под долгом же он понимал участие «в борьбе с коммунизмом». А поскольку политика неприсоединения является «аморальной», то против ее носителей допустимы, более того, желательны любые карательные акции вплоть до вооруженной интервенции. Так была изобретена Вашингтоном своего рода самоиндульгенция для агрессивных операций США в зоне развивающихся стран. Теперь эта грубо-эгоцентрическая позиция возрождена в качестве мировоззренческой платформы администрации Р. Рейгана.

Еще во время избирательной кампании 1980 года Рейган заявил: «Не будем обманываться — за всеми беспорядками, которые происходят сейчас в мире, стоит Советский Союз». Итак, СССР — государство-злодей, которое строит козни против всех и вся. А какова роль Соединенных Штатов? Отвечая на этот вопрос, Рейган проповедует: «Америка отличается удивительной способностью вершить великие и бескорыстные деяния, и бог вручил Америке исстрадавшееся человечество». Итак, США — нация-герой, которой всевышним суждено повести за собой все другие народы.

Одним махом мир был разделен на «чистых» и «нечистых». Оба его полюса противопоставлены друг другу как непримиримо враждебные силы. Так выглядит суть современных международных отношений в примитивном представлении деятелей, претендующих на роль спасителей мира от «коммунистического зла».

С позиций этого политического примитивизма политика мирного сосуществования изображается как средство, успешно используемое Советским Союзом в геополитическом соперничестве с Соединенными Штатами. Основное содержание современной эпохи, таким образом, полностью искажается. Исторически неизбежные сдвиги в мире, изменения в соотношении сил в пользу социализма оцениваются как «геополитические успехи» СССР и «геополитические поражения» Соединенных Штатов. Такая своеобразная «деидеологизация» международных отношений логически ведет к восхвалению военно-силовых методов политики, приданию необъявленным войнам и вооруженным провокациям статуса допустимых средств расширения внешнеполитического влияния, оправданию гонки вооружений.

Если любые социально-политические сдвиги в мире — это «геополитические успехи Советского Союза», подрывающие интересы США как великой державы, то все действия последней, направленные на блокирование социального прогресса, можно выдать за «законные», чуть ли не «оборонительные». Именно так Вашингтон представляет миру и американскому народу свою интервенционистскую политику.

Бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела других стран, США пытаются оправдать такие действия ссылками на свои «национальные интересы». В действительности «национальные интересы» США — это корыстные интересы американских монополий. Претензии Вашингтона на то, чтобы включить в зону своих «жизненно важных национальных интересов» обширные районы Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки, есть не что иное, как откровенная декларация гегемонизма и неокOLONиализма.

США стремятся законсервировать проамериканский статус-кво, который им удалось создать во многих районах после второй мировой войны, заменив колониализм бывших метрополий экономическим неокOLONиализмом транснациональных корпораций, оковами управленческой, экономической, военной и иной «помощи». Такой подход есть по существу отрицание необратимости социальных перемен, попытка остановить или по меньшей мере замедлить объективный процесс ослабления позиций империализма.

Этих же целей США надеялись достичь в рамках разрядки, требуя от СССР неких обязательств «содействовать» сохранению социально-политического статус-кво в зоне развивающихся стран «в обмен» на развитие отношений с Западом. Когда американским правящим кругам стало ясно, что их надежды использовать таким образом разрядку не имеют под собой никаких оснований, они принялись утверждать, что Запад пошел на уступки, «не получив ничего взамен», что разрядка была не более чем «хитроумным маневром Москвы» и т. д. На первой же пресс-конференции в качестве президента США 30 января 1981 года Рейган заявил, что «до сих пор разрядка была улицей с односторонним движением, которой Советский Союз пользовался для достижения собственных целей». И чтобы не оставалось сомнений, что он имеет в виду, Рейган добавил, будто целью Советского Союза является «содействие мировой революции и создание всемирного

социалистического и коммунистического правительства».

Таким образом, классовая направленность распространяемого буржуазными политиками мифа о «советской угрозе» совершенно очевидна. Этот миф, отражая тревогу империалистических кругов, вызванную ростом могущества Советского Союза, укреплением позиций стран социалистической ориентации в Африке, Азии и Латинской Америке, расширением сотрудничества между мировым социализмом и развивающимися государствами, служит идеологическим прикрытием агрессивной интервенционистской политики США, нацелен на запугивание населения капиталистических государств, на создание атмосферы страха и военной истерии.

ЧЕМ ЗАПОЛНИТЬ «ВАКУУМ СИЛЫ»!

Непосредственным продолжением концепций «биполярного мира» и «игры с нулевой суммой» стала концепция «вакуума силы», также разработанная в годы «холодной войны». Согласно этой концепции в любой освободившейся стране создается так называемый вакуум силы ввиду того, что ее покидают войска и административный аппарат бывшей страны-метрополи. И если этот «вакуум силы» не будет заполнен Соединенными Штатами, утверждал Даллес, то он будет заполнен коммунистической идеологией и «советским влиянием». Концепция «вакуума силы», явившаяся теоретическим обоснованием экономической и военной экспансии США в мире, отдавала откровенным расизмом. Освободившимся странам как бы в силу самих их особенностей отказывалось в праве на существование в качестве самостоятельных субъектов международных отношений, имеющих собственные интересы и проводящих самостоятельную политику. Им предназначалась незавидная роль объектов манипулирования, не более того. В концепции «вакуума силы» далекий эхом откликнулись старые теории о «бремени белого человека», «биологической неполноценности южных рас» и «извечной борьбе англосаксонских и славянских народов» за господство над миром.

28 Авторы этой концепции начисто отвергали не только самостоятельность и независимость освободивших-

ся государств, но даже самую возможность приобретения ими самостоятельности и независимости в будущем. Они рассматривали победы национально-освободительного движения в различных регионах мира не как закономерное утверждение воли народов в борьбе с колониализмом, а как события, создающие повод для империалистического вмешательства США с целью закрепления развивающихся стран в сфере влияния Запада.

Одной из своеобразных интерпретаций концепции «вакуума силы» стала так называемая теория домино, разработанная в 50-х годах администрацией Эйзенхауэра применительно к Юго-Восточной Азии.

В те годы вьетнамские патриоты вели упорную борьбу против французских колонизаторов. Белый дом оказывал широкую политическую поддержку Франции, а после ее поражения заменил французский колониализм, начав многолетнюю кровавую войну против вьетнамского народа, окончившуюся поражением американского империализма.

Вовлечение США во вьетнамские дела обосновывалось тем, что полная потеря Индокитая привела бы к «катастрофе глобальных масштабов». Если представить себе, говорил Эйзенхауэр, ряд поставленных на попа костяшек домино, то легко догадаться, что получится, если кто-нибудь толкнет первую, — падая, она собьет следующую, и в результате возникшей цепной реакции ни одна не удержится от падения. А уподобление развивающихся стран костяшкам домино, по мнению президента, было вполне правомерным, ибо вследствие существования в этих странах «вакуума силы» ни одна из них не могла считаться достаточно устойчивой.

Таким образом, делали вывод американские стратеги, приход к власти коммунистического режима только в одной стране был бы началом необратимого процесса в целом регионе. Например, победа коммунизма во Вьетнаме означает «потерю» всего Индокитая. А если коммунисты «захватят» Индокитай, за ним последуют Бирма, Таиланд, Малайя, Индонезия, потом — Япония, Филиппины и даже Австралия и Новая Зеландия. Еще в более отдаленной перспективе рисовались зловещие последствия для государств Южной Азии, Латинской Америки и, наконец, для самих Соединенных Штатов. Естественно, что скорейшее за-
полнение Америкой «вакуума силы» в Индокитае, пре-

дотворщение падения первой костяшки домино преподносятся как жизненная необходимость для США, а потому в борьбе за достижение этой цели заранее оправдывались любые средства, вплоть до превентивной интервенции и необъявленных войн.

Нетрудно увидеть, что концепция «вакуума силы» и «теория домино» были порождены весьма упрощенным мышлением идеологов «холодной войны». Общность интересов социалистических и освободившихся государств на основных направлениях социально-экономического и политического развития, создающая прочную основу для всестороннего сотрудничества, подменяется фальшивкой о «советском проникновении».

Что, собственно говоря, подразумевали авторы концепции «вакуума силы» и «теории домино» под «советским проникновением» и «захватом» той или иной страны коммунистами? Быть может, использование освободившихся государств как источника сырья, рынка сбыта, обеспечение торгово-экономических преференций?

Хорошо известно, что подобные методы неокOLONиалистской эксплуатации развивающихся стран характерны лишь для Запада. Советский Союз всегда исходил и исходит из уважения суверенитета освободившихся стран, его экономические соглашения с этими странами носят равноправный характер. Они способствуют преодолению экономической отсталости молодых национальных государств, их неравноправного положения в системе международного разделения труда. Советский Союз в отличие, скажем, от Соединенных Штатов не занимается экспортом капитала, не вывозит прибыль, полученную на предприятиях, построенных с его участием, эти предприятия становятся собственностью соответствующих государств, укрепляют их экономическую базу. Таким образом, было бы нелепостью говорить о «советском экономическом проникновении» в развивающиеся страны.

Быть может, имеется в виду вовлечение освободившихся государств в военно-политические блоки, строительство военных баз, навязывание другим народам соглашений и договоров, ограничивающих их суверенитет?

Но и эта деятельность является «привилегией» империализма, прежде всего американского. Что касается Советского Союза, то он никогда не стремился к во-

влечению развивающихся стран в военные блоки, направленные против третьих государств, не домогался создания военных баз за пределами своей территории. По просьбам соответствующих правительств освободившихся стран, в полном соответствии с нормами международного права и Уставом ООН, СССР оказывает им содействие в укреплении национальных вооруженных сил, помогает готовить собственные военные кадры, оснащать войска современной техникой. Эта помощь предоставляется в первую очередь тем странам, которые могут стать жертвами империалистической агрессии, угрожающей их суверенитету. Ясно, однако, что сотрудничество в военной области не имеет ничего общего с «советским проникновением», о котором твердят американские теоретики. Миф о таком «проникновении» служит Соединенным Штатам оправданием для их собственного вмешательства в дела освободившихся государств.

Быть может, под «советским проникновением» подразумевается распространение марксистско-ленинской идеологии в развивающихся странах, рост международного авторитета Советского Союза и других социалистических государств?

Но эти процессы определяются вовсе не политическими амбициями СССР, как пытаются представить в Вашингтоне, а успешным хозяйственным, политическим и культурным строительством в Советском Союзе, других социалистических странах. И опыт исторического развития дал тому неопровержимые доказательства.

Характерно, что уже в 60-х годах многие американские авторы, которых никак нельзя упрекнуть в приверженности марксизму, были вынуждены признать, что именно исторический пример Советского Союза оказывал и оказывает наибольшее влияние на выбор освободившимися странами путей их дальнейшего развития. Крупный американский теоретик и дипломат Дж. Кеннан, например, писал: «Русская революция безусловно ускорила распад европейских колониальных империй... В Индии, в Турции, а позднее и в Африке пример русской революции был одним из выдающихся исторических факторов в 20-х и 30-х годах нынешнего столетия». Аналогичную мысль высказал профессор Г. Моргентау: «Продемонстрировав, сколь быстро и радикально коммунистическое общество... может совершить прыжок из состояния отсталости в со-

временную жизнь, русский большевизм подал пример для подражания другим народам, находящимся на низком уровне развития». А будущий государственный секретарь США Г. Киссинджер, заглядывая не в столь отдаленную перспективу, высказывался еще более категорично: «Темпы роста материального прогресса советской системы были выше наших слишком во многих отраслях... Новые нации могут увидеть в этих темпах роста провозвестник того, чего они в состоянии добиться сами, если пойдут по стопам Советов».

Несмотря на то что полнейшая несостоятельность концепции «вакуума силы» была очевидна, а стратегия, основанная на этой концепции, продемонстрировала свою бесперспективность в годы «холодной войны», политологи США в конце 70-х годов вновь стали апеллировать к концепции «вакуума силы». В американской политологии появилась теория «расширения вакуума силы» якобы в результате неспособности правительств развивающихся стран решить насущные социальные и экономические проблемы. «Весьма серьезной проблемой,— утверждал помощник президента Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский,— являются региональные конфликты, распад шатких социальных и политических систем в обществах, неспособных приспособиться к политическому пробуждению столь многих народов. И самая серьезная проблема из всех — это то, что могут переплестись между собой следующие две тенденции: рост советской мощи и распад политических структур в некоторых районах мира».

Теория «расширения вакуума силы» понадобилась лидерам американского империализма для того, чтобы оправдать новый крен США в направлении использования военной силы в зоне развивающихся стран. Под аккомпанемент заявлений о «расширении вакуума силы» в августе 1977 года Картером была подписана президентская директива № 18, предусматривающая расширение возможностей американского вооруженного вмешательства в конфликты в зоне развивающихся стран.

Военная стратегия США в качестве одной из своих главных задач прямо предусматривает использование вооруженных сил США против национально-освободительного движения для обеспечения прибылей американских монополий, эксплуатирующих природные богатства развивающихся стран.

Концепция «вакуума силы» стала весьма популярной и в 80-х годах, когда она была поставлена на службу интересам расширения интервенционистского потенциала вооруженных сил США.

Одной из главных функций американских вооруженных сил, подчеркивается в заявлении министра обороны США о военной программе Соединенных Штатов на 1984—1988 годы, является «обеспечение доступа к заморским источникам сырья с тем, чтобы поддерживать мощь промышленной и сельскохозяйственной базы Соединенных Штатов». Это заявление американского министра обороны звучит как открытая декларация военного колониализма.

В ходе турне по странам Западной Европы в июне 1982 года Рейган провозгласил «крестовый поход» против коммунизма. И чтобы не оставалось сомнений на этот счет, глава американской администрации объявил под сводами Вестминстера, что изложенная им программа есть не что иное, как «марш свободы и демократии, который приведет к тому, что марксизм-ленинизм останется на пепелище истории».

Американское руководство не скрывает свои имперские амбиции и порой говорит о них совершенно открыто. «Нашу оборонную политику,— заявляет, например, К. Уайнбергер,— необходимо рассматривать в глобальном контексте; наши интересы носят всемирный характер... Мы должны быть достаточно сильными для того, чтобы защитить наши интересы всюду, где бы ни возникла угроза»: «Вооруженные силы США,— подчеркивает он,— должны быть в состоянии вести боевые действия в любом районе земного шара, где это потребуется». Столь решительные формулировки свидетельствуют о явном отходе американского руководства от политических и военных установок, разработанных после поражения США во Вьетнаме.

Поражение в Индокитае показало, насколько сузились силовые возможности американского империализма на мировой арене, сколь авантюристической оказалась ставка на стратегию «мирового жандарма». Seriously скомпрометированными оказались концепции «биполярного мира», «вакуума силы», сокрушительный удар был нанесен идеологии американского мессианства. Все большее число развивающихся стран стало выбирать некапиталистический путь развития. Даже такой завзятый антикоммунист, как З. Бжезинский, был вынужден признать, что «для многих раз-

вивающихся стран, которые претерпевают очень быстрые изменения, марксизм и коммунизм сулят, как это им представляется, подходящие рамки мышления».

Американский гегемонизм оказался в состоянии глубочайшего и необратимого кризиса. Усложнение современных международных отношений, возникновение новых центров силы в рамках капиталистического мира, укрепление международно-политических позиций СССР и других стран социалистического содружества — все это требовало от США проведения более гибкой «периферийной политики». Американские правящие круги осознали, что Вашингтон не может быть диктатором в зоне освободившихся стран и что интересы многих из них, даже однопольных с США по социально-политической природе, расходятся с американскими. Не случайно в начале 70-х годов Г. Киссинджер писал, что «политическая многополярность делает невозможным навязывание американского образца» и США должны научиться вести себя на международной арене как рядовая страна.

В начале 70-х годов, в условиях нового соотношения сил в мире, Соединенным Штатам пришлось переоценить традиционные постулаты «периферийной стратегии», попытаться привести ее в соответствие с новыми международно-политическими реальностями. Разрядка напряженности вынудила Вашингтон несколько снизить мессианское рвение и отказаться от антикоммунизма в его наиболее примитивном выражении. Антисоветский компонент «периферийной стратегии» стал более тщательно маскироваться. С другой стороны, произошел временный отход США от роли мирового жандарма, от представления, будто Соединенные Штаты могут единолично решать мировые проблемы.

Вместе с тем элементы реализма, возникшие в начале 70-х годов во внешней политике США, отнюдь не изменили ее имперской, экспансионистской сущности. Напротив, прогресс, наметившийся в советско-американских отношениях, нередко воспринимался в правящих кругах Америки как индальгенция на проведение более активного захватнического курса «на периферии». Многие соглашения, заключенные между США и СССР в те годы, стали рассматриваться в свете привычных империалистических схем «раздела мира на сферы влияния». Имелось в виду, что Советский Союз

ство «деидеологизировать свою внешнюю политику», отказаться от принципа пролетарского интернационализма в отношениях с освободившимися странами.

Требование «деидеологизации» в значительной степени было вызвано тем широким международным признанием, которое получили советские внешнеполитические программы, выдвинутые на последних съездах КПСС. Эти программы, направленные на фундаментальную перестройку всей системы международных отношений на принципах мирного сосуществования, были с глубоким пониманием встречены миролюбивой общественностью, нашли поддержку у многих реалистически мыслящих деятелей в капиталистических странах. Успешные практические шаги по претворению этих программ в жизнь означали, что социалистическое содружество взяло внешнеполитическую инициативу в свои руки, поставив мировой империализм в положение обороняющейся стороны.

В связи с этим во второй половине 70-х годов в США выдвигается на первый план задача перехватить у СССР инициативу в перестройке международных отношений, осуществить эту перестройку на американских принципах и в интересах американского империализма. Определенную роль в решении этой задачи должно было сыграть возрождение традиционной «революционной» риторики, которая помогла бы, по мнению Вашингтона, восстановить «моральный» облик политики США в развивающихся странах, списать ряд внешнеполитических поражений и оправдать использование старых интервенционистских средств новыми «революционными» целями.

**Рейганизм:
политика
против Течения**

**ОТ «ВЬЕТНАМСКОГО
СИНДРОМА» — НАЗАД,
К «БОЛЬШОЙ ДУБИНКЕ»**

В ходе президентской избирательной кампании 1980 года политические обозреватели, общественные деятели и журналисты самых разных взглядов критиковали тогдашнего президента Картера и его администрацию за непоследовательность и противоречивость внешней политики.

«Обломки внешней политики», «Где же картеровская внешняя политика?», «Колебания и зигзаги», «Неразбериха во внешней политике» — такими заголовками пестрели американские газеты и журналы 1980 года. Действительно, едва ли не самой характерной чертой американской внешней политики конца 70-х годов стала ее непоследовательность. Внешнеполитическая стратегия США выглядела порой хаотическим нагромождением разнородных программ, доктрин, концепций, конкретных акций, мало связанных между собой и лишенных какой-либо общей основы.

«Американскую внешнюю политику можно уподобить блуждающему огоньку, который зависит от перемены ветра,— писал сенатор Эдвард Кеннеди.— Она не обусловлена каким-либо последовательным представлением о ходе международных событий или об интересах США. Мы приближаемся к моменту, когда ни один зарубежный руководитель, ни среди наших союзников, ни среди наших противников, не будет знать, какую шутку Америка может выкинуть через неделю».

«Американская дипломатия в прошлом иногда была цинична, одержима или непродуманна,— отмечал известный американский публицист Рональд Стил.— Но на нашей памяти не было периода, когда она в такой степени была лишена определенного направле-

ния. Никогда еще ей не удавалось одновременно обрывать контакты с главным противником страны, подорвать доверие союзников и вызвать отчуждение у нейтралов всех политических оттенков».

«Еще более серьезным, чем конкретные ошибки президента, является его явное непонимание или недопонимание роли, которую Америка должна играть как мировая держава, а также вопроса о том, как эту роль следует играть...» — подчеркивал сенатор Юджин Маккарти.

Как известно, своей главной целью правительство Картера, возродившее «революционную» риторику во внешней политике, провозгласило «борьбу за права человека». Сколько громких слов было сказано об «историческом повороте от прагматизма к моральной внешней политике, к традиционным ценностям и идеалам американцев!» Однако уже через полгода после своего избрания президент заявил, что «США не могут проводить свою внешнюю политику, следуя жестким моральным принципам. Мы живем в мире, который всегда был и всегда будет несовершенным, сложным и запутанным».

Не лучше обстояло дело и с реализацией конкретных внешнеполитических программ. В октябре 1977 года Картер соглашается на проведение Женевской конференции по Ближнему Востоку, которая исходила бы из необходимости решения ближневосточной проблемы с учетом интересов палестинского народа и всех других народов этого района, что и было зафиксировано в соответствующем советско-американском заявлении. Но вскоре же эта договоренность была сорвана американской стороной, а вместо комплексного решения проблемы народы Ближнего Востока получили сепаратную кэмп-дэвидскую сделку, закрепляющую постоянную напряженность в этом взрывоопасном регионе.

В 1977 году Картер расточал заверения о сокращении военной деятельности США в Индийском океане и даже о его «полной демилитаризации». Но уже через три года «доктрина Картера» ориентировалась на расширение американского военного присутствия в этом районе. Более того, в Белом доме вынашивались планы создания здесь военно-политического блока под эгидой США. В Индийский океан была стянута эскадра боевых кораблей, одновременно ускорен-

ными темпами укреплялась американская база на острове Диего-Гарсиа.

Очень много говорилось о выводе из Южной Кореи размещенных там американских сухопутных сил и ядерного оружия. Но даже такой символический шаг, как вывод части американских сухопутных войск, был отложен в «долгий ящик». Напротив, администрация Картера стремилась всемерно укрепить свое военное присутствие как в Южной Корее, так и на Дальнем Востоке в целом.

Все эти акции по укреплению военного присутствия США в различных регионах мира были призваны, согласно утверждениям официального Вашингтона, облегчить Америке процесс «управления переменами» в зоне развивающихся стран.

«Вместо того чтобы добиваться сохранения статус-кво на основе равновесия сил,— заявлял З. Бжезинский,— мы стараемся принимать глобальные перемены как факт реальной действительности, но пытаемся придать им конструктивное направление, которое было бы совместимо с американскими принципами и американскими интересами и соответствовало бы им».

Развивая свою идею об «управлении переменами», Бжезинский выдвинул в 1978 году концепцию «дуги кризисов», или «дуги нестабильности», которая якобы представляет собой цепь государств, протянувшуюся от Индокитая до Эфиопии. Активное вмешательство США в этом регионе, в том числе и с использованием военных средств, по Бжезинскому, должно было обеспечить развитие событий в государствах «дуги кризисов» в благоприятном для американского империализма направлении.

Разумеется, попытки завладеть инициативой в перестройке международных отношений, придать американскому экспансионизму «революционный» характер предпринимались Вашингтоном задолго до администрации Картера. Предшествующие администрации также не упускали случая подчеркнуть свою приверженность к переменам. «Дилемма состоит в том,— отмечал за десять лет до Бжезинского Г. Киссинджер,— что не может быть стабильности без равновесия, но равновесие не может быть целью, которая удовлетворит нас в испытаниях нынешнего мира... Наша концепция международного порядка должна иметь более глубокие цели, чем стабильность».

канских политиков активизировать поиски новой, более гибкой стратегии в зоне развивающихся стран. Администрация Картера придала этим поискам новый импульс, открыто провозгласив курс на трансформацию международной системы в желательном для американского империализма направлении.

Однако, как показывает анализ внешнеполитических документов администрации Картера, признание невозможности законсервировать социально-политическую картину мира вовсе не означало, что США собирались пассивно соглашаться со всеми социальными сдвигами в освободившихся странах. Не означало это и отказа от стратегии необъявленных войн. Напротив, концепция «управления переменами» предполагала более активное, чем когда-либо ранее, использование военных инструментов внешней политики. «Американская военная мощь должна быть способна защищать наши важнейшие интересы за рубежом, — недвусмысленно подчеркивал Бжезинский. — Мы должны гарантировать наличие возможностей и средств для переброски наших вооруженных сил туда, где они необходимы, и делать это в надлежащей форме и с надлежащим уровнем интенсивности».

Перемены, о которых говорил Бжезинский, являлись либо результатом победы прогрессивных движений, выступающих против американского неокOLONиализма и внутренней реакции, как в Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Эфиопии, НДРГ, либо же следствием временных успехов США, действовавших вкупе с силами местных репрессивных режимов по подавлению такого рода движений к подлинной национальной независимости и самостоятельности, как это имело место в Пакистане или Омане. Так или иначе, но и в том и в другом случаях ни о каком целенаправленном «управлении переменами» речь не шла и не могла идти, ибо эти перемены носят сугубо антиамериканский характер, представляя собой по сути дела революции против американского неокOLONиального засилья.

Поэтому реакция Вашингтона на эти перемены, несмотря на цветистую демагогию, в конечном счете сводилась к одному — к экспорту Соединенными Штатами контрреволюции с помощью политических мероприятий, подрывных действий, поставок оружия реакционным режимам или к прямому использованию вооруженных сил американских «вассалов» для по-

давления освободительных движений. Никаких иных целей, кроме сохранения проамериканского неокOLONИАЛЬНОГО статус-кво и попыток расширения сферы влияния США, политика Картера в зоне развивающихся стран не преследовала.

Нельзя не отметить, что уже к середине 70-х годов среди американских теоретиков и политических деятелей сформировалось достаточно влиятельное направление, исходившее из того, что Соединенным Штатам не следует проводить открыто гегемонистскую и интервенционистскую политику времен «холодной войны» в зоне развивающихся стран, поскольку грубое военное вмешательство приводит в долгосрочном плане лишь к подрыву американского влияния и не может обеспечить ни длительного присутствия, ни значительных преимуществ в противоборстве с социализмом. Военное вмешательство, считали представители этого направления, должно рассматриваться исключительно как крайнее средство и занять подчиненное положение по отношению к долгосрочным экономическим, социальным и политическим программам, предусматривающим определенные уступки развивающимся странам.

О преимуществах невоенных средств по сравнению с необъявленными войнами в 70-х годах говорили и некоторые государственные деятели США. В администрации Картера эту точку зрения наиболее последовательно отстаивал государственный секретарь Сайрус Вэнс. «Применение военной силы,— подчеркивал он,— не является и не должно являться желательной реакцией Америки на внутривнутриполитические события в других странах. Мы считаем себя вправе определять свое будущее, мы должны признать такое право и за другими тоже». Может быть, именно из-за подобных неосторожных высказываний Вэнс был вынужден весной 1980 года подать в отставку, которую с готовностью принял «либеральный» президент Картер.

Стратегия «управления переменами», проводившаяся Вашингтоном в 70-х годах, во многом носила более «умеренный» характер, чем позиция жесткой «биполярной» конфронтации, ориентированная на широкое использование военной силы в зоне развивающихся стран. Однако не следует забывать, что американские теоретики и государственные деятели

тервенционизма лишь в контексте значительного усиления других аспектов агрессивного экспансионистского курса на международной арене. Даже либерально настроенные авторы не допускали и мысли об исключении силовых средств из арсенала американской внешнеполитической стратегии — речь шла всего лишь о том, как сделать эти средства более эффективными в условиях изменившегося соотношения сил.

На протяжении 70-х годов правящие круги США изыскивали способы реализации американской мощи в борьбе за утверждение политического и экономического господства США в освободившихся государствах. Предлагалось, в частности, сделать упор на «косвенном» использовании военной силы — поставках оружия американским союзникам, организации, финансировании и вооружении «повстанческих» группировок, ведущих борьбу против прогрессивных правительств в развивающихся странах.

Соединенные Штаты сделали ставку на то, чтобы шире использовать в своих интересах субимпериалистические государства, ориентирующиеся в своей политике на США. В соответствии с установками «доктрины Никсона», возлагавшей задачу поддержки проимпериалистического статус-кво на местные реакционные режимы, Вашингтон призывал своих главных «вассалов» в зоне развивающихся стран к осуществлению функций по обеспечению «региональной стабильности», а проще говоря — локальных полицейских функций.

На постколониальном Востоке возникли отдельные локальные «центры силы», своего рода «субимпериалистические очаги». Им свойственны общие черты с развивающимися странами — относительно низкий уровень развития экономики, многосторонняя зависимость от империалистических держав, объективная заинтересованность в демократической перестройке мирового экономического порядка и т. п. Однако в политике этих стран обозначается тенденция к экспансии в менее развитые районы, усиливается их участие в борьбе за сферы влияния. Одним из средств подталкивания локальных «центров силы» к экспансии стал экспорт вооружений из США и других стран НАТО. В свое время поставки американского оружия создали материальные возможности для агрессивной политики шахского Ирана, для проимпериалистического курса саатовского режима в Египте.

Однако американская стратегия опоры на «локальных полицейских» полностью обанкротилась именно в той стране, на которую Вашингтон возлагал самые большие надежды. Речь идет об Иране. До антишахской революции Иран был классической «субимпериалистической страной», исправно выполнявшей роль регионального жандарма в зоне Персидского залива и Индийского океана. Предполагалось, что и в дальнейшем, по мере роста экономической и военной мощи Ирана, шахский режим, прочность которого не подвергали сомнению даже аналитики из ЦРУ, будет служить надежной опорой американской политики в регионе. Крах антинародного режима шаха не только спутал все карты политики США в этом регионе, но и поставил под сомнение установки опоры на региональные «центры силы», показав рискованность многомиллиардных американских поставок вооружений политически неустойчивым режимам.

Все эти факторы, взятые в совокупности, предопределили новый пересмотр политики Вашингтона в отношении развивающихся стран.

В первой половине 70-х годов во внешнеполитической стратегии США определилась тенденция к более осторожному по сравнению с периодом «холодной войны» применению военной силы на «периферии». Непосредственные военные операции типа корейской войны 1950 — 1953 годов или интервенции 1965 года в Доминиканской Республике стали отходить на второй план и заменяться психологическими средствами воздействия — усилением военного присутствия в различных районах земного шара, демонстрациями военной мощи, «скрытыми» политическими, дипломатическими и экономическими мерами вмешательства в международные конфликты.

Эти перемены в подходе к применению военной силы в международных конфликтах, разумеется, были обусловлены комплексом внешних и внутренних факторов — изменением в пользу социализма глобального соотношения сил, успехами национально-освободительного движения и связанными с этим переменами в развивающихся странах, ростом межимпериалистических противоречий, собственными внутренними трудностями империализма США.

Американские правящие круги воспринимали объективные факторы, ограничивающие применение силы на «периферии», прежде всего через призму пора-

жения США в Индокитае: Это обусловило появление в американской общественной жизни так называемого вьетнамского синдрома. Данный термин обобщает совокупность мотивов, диктующих необходимость сдержанности США в интервенционистской политике и ограничения вовлеченности американских вооруженных сил в международные конфликты.

«После войны во Вьетнаме,— констатировал американский генерал в отставке М. Тейлор,— конгресс и значительная часть народа настроены против какой-либо новой вооруженной интервенции за границей и с недоверием относятся к ограниченной войне как средству проведения внешней политики».

Однако начиная со второй половины 70-х годов в американской политической литературе, официальных выступлениях обнаруживается тенденция к преодолению «вьетнамского синдрома». Находясь на посту государственного секретаря, Г. Киссинджер настойчиво призывал прекратить «вьетнамские дебаты» как парализующие волю США. Министр обороны Дж. Шлесинджер назвал в 1975 году призывы к ограничению интервенционистских акций США «национальной депрессией».

В ходе развернувшейся в 1975 году дискуссии вокруг возможности применения военной силы для разрешения нефтяного кризиса никто по существу не ставил под сомнение целесообразность ее использования для достижения узкокорыстных интересов США в международных делах. Профессор университета Дж. Гопкинса Р. Такер, статья которого в январском номере журнала «Комментари» (1971 г.) под названием «Нефть: вопрос об американском вмешательстве» дала толчок указанной дискуссии, с удовлетворением отмечал, что ни один из его многочисленных американских критиков, в том числе и либерального толка, «не предлагает недвусмысленно отказаться от использования силы...». Сам Р. Такер призывал к более решительному использованию военной мощи США в зоне развивающихся стран как по политическим, так и по экономическим мотивам.

Тенденция к преодолению «вьетнамского синдрома» усилилась при администрации Картера. В ее первом внешнеполитическом документе — президентском обзорном меморандуме № 10 — формулировалась недвусмысленная готовность США прибегать к вооруженным силам в кризисных ситуациях. Рассмат-

ривалась, в частности, возможность применения американской военной силы в конфликтах на Ближнем Востоке, включая зону Персидского залива, в Европе и в других районах мира. В другом программном документе этой администрации — президентской директиве № 18 — рекомендовалось повысить маневренность сил общего назначения в целях быстрого реагирования.

На рубеже 80-х годов американский империализм перешел к более частому и опасному применению военных средств против освободившихся государств, к открытому вмешательству в их внутренние дела. Участились попытки экспорта контрреволюции в страны социалистической ориентации, проводящие антиимпериалистический курс. Современные колонизаторы выискивали любые возможности для свержения прогрессивных режимов. Причем в применении военной силы против национально-освободительного движения империалисты были готовы пойти на крайние меры. Министр обороны США К. Уайнбергер утверждал, что Пентагон «будет использовать нейтронное оружие повсюду в мире», в соответствии с чем им будут вооружены и силы быстрого развертывания.

Нынешняя политика Вашингтона, как и в годы «холодной войны», служит главным источником войн и военных конфликтов в зоне развивающихся государств. Осложнения и конфликтные ситуации возникают здесь потому, что американские империалисты пытаются навязать народам новый гнет. Наряду с усилением опасности освободившимся странам непосредственно со стороны Соединенных Штатов появляются и собственные «очаги войны», «очаги напряженности», «государства — источники военной опасности». Это государства капиталистической ориентации, идущие в фарватере империалистической политики США.

Военные конфликты, возникающие между освободившимися государствами, нельзя рассматривать в отрыве от агрессивной политики американского империализма. Империализм США стремится сеять рознь между освободившимися государствами путем раскола и натравливания их друг на друга, подстрекательства к междоусобным конфликтам. Для развязывания войн и конфликтов используются племенные, расовые, религиозные, династические, территориально-пограничные и другие противоречия, уходящие

своими корнями в колониальную эпоху. Вместе с тем в отношениях между развивающимися странами все сильнее начинают проявляться противоречия, связанные с выбором направления социального развития.

В выводах XXVI съезда КПСС и других партийных документах показано, что войны и военные конфликты между освободившимися государствами, как правило, инспирируются или используются империализмом в своих реакционных целях. Он стремится ослабить революционное и освободительное движение, осложнить обстановку у границ социалистических государств, подчинить себе те или иные освободившиеся государства, изменить в свою пользу соотношение сил, расширить свое военное присутствие в различных регионах мира, создавать реакционные блоки и т. п. Например, ирано-иракская война явилась предлогом для расширения военного присутствия США на Ближнем Востоке, позволила реакционным силам усилить натиск против прогрессивных движений.

Попытки «подкупить» развивающиеся страны ценой некоторых уступок в сфере международной торговли, раздувание националистических настроений, опора на «субимпериалистические» державы не укрепили американского господства в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В этих условиях империализм США вновь сделал ставку на варианты времен «холодной войны». Все более назойливо звучат демагогические призывы к жесткому «биполярному» противостоянию «советскому влиянию на периферии» с использованием всех, в том числе вооруженных, средств.

ПОД ФЛАГОМ «БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ»

Как уже подчеркивалось, администрация Рейгана с готовностью взяла на вооружение догмы и штампы «холодной войны» — концепции «биполярного мира», «игры с нулевой суммой», «вакуума силы», «теории домино», «жизненно важных интересов США» и т. п. Однако было бы по меньшей мере упрощением говорить о том, что администрация Рейгана лишь восстановила обветшавший идеологический камуфляж тридцатилетней давности. Нынешние идеологи амери-

канского империализма внесли и свою лепту в разработку пропагандистских прикрытий для ведения необъявленных войн. Главным таким «новшеством» стала кампания «борьбы против международного терроризма».

В провокационных целях Советский Союз был объявлен «вдохновителем и организатором международного терроризма». Государственный секретарь А. Хейг заявил в январе 1981 года о том, что СССР якобы причастен к «подготовке, финансированию и оснащению международного терроризма», а потому, мол, борьба против этого терроризма выходит в политике США на первое место по сравнению с «защитой прав человека».

Организаторы новой клеветнической антисоветской кампании прибегают к жульническому приему: они приравнивают законную борьбу народов за свое национальное и социальное освобождение к «международному терроризму» и хотят тем самым дискредитировать поддержку этой справедливой борьбы всеми прогрессивными силами.

Отличительной чертой примитивного мышления, как писала, в частности, «Юманите» в редакционной статье «Перевернутый мир Рейгана», является, с одной стороны, отказ рассматривать и анализировать мир в его сложном многообразии, а с другой — неистребимое стремление к наклеиванию стереотипных ярлыков на все и вся, неугодное империализму: борьба народов за освобождение от господства империализма или кровавой диктатуры — это «терроризм»; поддержка Советским Союзом и другими социалистическими странами этих народов — это «помощь терроризму»; страна, которая свободно выбирает социалистический путь, «попадает во власть советского империализма» и т. д. Фабрикуются утверждения о «внешних подстрекателях», «зарубежных центрах», направляющих действия «террористов»; движения социального протеста и освободительная борьба народов против империализма изображаются в виде «международного заговора»; опровергается наличие национальных корней и объективных предпосылок этой борьбы.

Для нынешнего Вашингтона кампания «борьбы с международным терроризмом» является идеологическим прикрытием агрессивных, гегемонистских целей США. Бывший председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черч, многоопытный политик,

отмечал: стратегическая доктрина Рейгана основывается на том, что «США должны быть готовы к интервенции повсюду, где это необходимо для защиты их «жизненных интересов»».

Кто же попадает, по классификации Вашингтона, в ряды террористов?

Прежде всего Организация Освобождения Палестины (ООП), борющаяся за неотъемлемые права палестинского арабского народа, включая его право на самостоятельное государство. Объявляя эту организацию «террористической», администрация Рейгана демонстративно игнорирует волю и желание Организации Объединенных Наций, признавшей ООП в качестве единственно законного представителя арабского народа Палестины. О своей солидарности с ООП заявили не только Советский Союз и другие социалистические государства, но и почти все развивающиеся страны. В качестве законного представителя арабского народа Палестины ее признали многие государства Запада. Администрация Рейгана упорно не желает признавать ООП, недвусмысленно делая ставку на военное решение ближневосточной проблемы.

В американский реестр «террористических организаций» внесена и СВАПО — Народная организация Юго-Западной Африки, уже в течение двух десятилетий ведущая вооруженную борьбу за освобождение Намибии, незаконно оккупированной расистской Южно-Африканской Республикой.

Вашингтону нет дела до того, что СВАПО официально признана Организацией Объединенных Наций в качестве единственного подлинного представителя намибийского народа, что ООН еще в 1978 году предложила план урегулирования намибийской проблемы мирным путем, что вместе с «прифронтовыми» государствами Юга Африки СВАПО одобрила этот план и подтвердила на деле свою готовность принять на себя обязательства в соответствии с ним. План ООН по Намибии до сих пор не реализован, и ответственность за это целиком и полностью ложится на расистские власти ЮАР и их империалистических покровителей.

К «террористическим организациям», по логике Вашингтона, относятся также Африканский национальный конгресс Южной Африки, ведущий освободительную борьбу в самом логове расизма — ЮАР, Фронт национального освобождения имени Фарабун-

до Марти, возглавляющий вооруженную борьбу против реакционной сальвадорской хунты, десятки демократических организаций, борющихся против антинародных, диктаторских режимов в Чили, Уругвае и других странах.

В своем пропагандистском запале государственные деятели США объявляют «террористическими» не только отдельные организации и движения, но и целые государства, например Анголу, Мозамбик, Эфиопию, Афганистан, Кампучию, Никарагуа. В более широком плане речь идет обо всех странах, которые не намерены подчиняться имперской политике США и дают ей отпор.

В гегемонистских поползновениях нынешних американских руководителей, в их стремлении вернуть Соединенным Штатам «лидирующую роль в мире», в попытках объявить национально-освободительное движение «международным терроризмом», в шовинистическом высокомерии с особой силой проявляется враждебное отношение к освободившимся странам Азии, Африки и Латинской Америки. Именно об этом свидетельствуют недостойные утверждения высокопоставленных деятелей Вашингтона об отсутствии правительства в Иране, стремление США подорвать существующие режимы в Афганистане и Народной Кампучии, их нежелание нормализовать отношения с Народной Анголой, наконец, ведущаяся американскими секретными службами подрывная деятельность против многих молодых суверенных государств.

Министр иностранных дел Никарагуа М. д'Эското, осуждая политику угроз, которую проводит администрация США в отношении его страны, охарактеризовал ее как фактический терроризм. Руководитель ООП Я. Арафат, давая отпор империалистическим измышлениям о «международном терроризме», заявил, что, согласно американским меркам, «де Голля и итальянского президента Пертини также можно было бы назвать террористами», так как они боролись за свободу своих народов против иностранного владычества и фашизма.

Нынешнюю борьбу народа Сальвадора против проамериканской хунты Вашингтон изображает «классическим примером» восстания, инспирированного Советским Союзом, хотя хорошо известно, что причины революционной ситуации в этой стране коренятся в тяжелейших условиях жизни громадного большин-

ства населения. На одной из своих пресс-конференций бывший президент Мексики Хосе Лопес Портильо заявил: «Социальная несправедливость на нашем континенте — вот подлинная причина беспорядков и революционного насилия. Теория о том, будто иностранная подрывная деятельность является первопричиной наших бед, неприемлема».

Организация африканского единства осудила утверждения правительства Рейгана, что СВАПО является «движением, организованным Советским Союзом». Независимые государства Африки признают СВАПО законной силой, борющейся за права намибийского народа.

Пытаясь выступить в роли защитника норм международного права и международной законности, администрация Рейгана самовольно присваивает себе функции не только мирового жандарма, но и всемирного судьи. Только за собой Белый дом признает право решать, что противоречит международной законности, а что нет. Более того, Вашингтон претендует и на то, чтобы определять в каждом конкретном случае меру наказания «провинившимся» государствам и движениям — можно ли ограничиться провокационной пропагандистской кампанией, следует ли принять дипломатические демарши или экономические санкции или имеет смысл пойти на операции ЦРУ «по дестабилизации» режима, упорствующего в своей антиамериканской деятельности, а то и на прямые военные акции.

Говоря о взаимосвязи между идеологической кампанией по «борьбе с международным терроризмом» и имперскими амбициями американского империализма, необходимо учитывать и другие цели этой кампании. Приведем любопытный казус, описанный в газете «Нью-Йорк таймс». В феврале 1981 года ЦРУ получило задание доказать, что «международный терроризм финансируется и поддерживается Советским Союзом». Первый проект, подготовленный в недрах ЦРУ, был отклонен его директором У. Кейси. Он счел «документ» неудовлетворительным, потому что тот не подтверждал заявлений Р. Рейгана.

Далее Кейси попросил Разведывательное управление министерства обороны составить доклад о терроризме, который также был расценен высшими эшелонами власти как малоубедительный. Дали задание

подготовить третий вариант, но сочли благоразумным не обнародовать и его.

Вряд ли следует обвинять разведывательные службы США в отсутствии служебного рвения. Дело в том, что фактов, которые ищут американские шерлоки холмсы, в природе нет.

Но американские правящие круги привыкли обходиться без достоверных фактов, ведь кампания по «борьбе с международным терроризмом» направлена на то, чтобы внедрить в общественное сознание специально сконструированный пропагандистский стереотип, который бы создавал ассоциативную связь между образами Советского Союза, национально-освободительного движения и понятием терроризма. Делается это для определенных идеологических целей.

Широко известно, что преступность, террор в самих Соединенных Штатах — отличительные черты так называемого американского образа жизни. Творцы мифа о «международном терроризме» спекулируют в своих интересах на усиливающейся внутриличностной напряженности американского обывателя, направляют ее в сферу внешней политики. Схема довольно примитивна: вы обеспокоены размахом террора в Америке, но терроризм — явление международное, террористы опираются на Советский Союз и его союзников в развивающихся странах. Поэтому-то, методично внушают обывателю, чтобы иметь спокойную жизнь дома, надо объявить войну «международному терроризму», а для этого прекратить болтовню о последствиях поражения во Вьетнаме, вернуться к политике интервенций за рубежом. Для воздействия на запуганного «среднего» американца особо утруждать себя фактами и доказательствами не надо. Нужно лишь не стесняться время от времени устраивать пропагандистские шоу вроде того, которое получило название «Ливийские террористы готовят покушение на Рейгана».

Об истинном отношении администрации Рейгана к проблеме терроризма говорит следующий факт: лишь за первый год пребывания у власти администрации республиканцев, когда в лексиконе Белого дома тема «терроризма» звучала особенно часто, количество террористических актов на территории Соединенных Штатов, по статистике ФБР, не только не уменьшилось, но и выросло в полтора раза.

Это кажется невероятным, но колоссальная машина ФБР, усиленная аппаратом ЦРУ, не смогла предотвратить резкого роста терроризма. Не помогли ни прослушивание сотен тысяч телефонных разговоров, ни огромная армия осведомителей, ни кражи документов, ни широкая кампания запугивания прогрессивных организаций США.

Все дело в том, что террористические акты совершались не коммунистами, не активистами антивоенного движения и не борцами за гражданские права, а ультраправыми организациями в самих Соединенных Штатах: ку-клукс-кланом, неонацистами, сионистскими группировками, религиозными экстремистами, контрреволюционными эмигрантами и др.

Конечно, ФБР могло бы нейтрализовать эти организации, но главарей террористов не пугает такая перспектива. И не только потому, что ФБР слишком занято борьбой против ширящегося антивоенного движения. Правые экстремисты хорошо понимают, что руководство ФБР одобряет главные цели их деятельности, да и методы тоже.

Что касается собственно международного терроризма, то правительство Соединенных Штатов и его спецслужбы являются не просто покровителями террористов, а их главными руководителями и организаторами. Вот краткий перечень наиболее крупных «специальных операций» ЦРУ за последние три десятилетия:

1953 год: заговор в Иране, результатом которого стало свержение премьер-министра этой страны М. Мосаддыка.

1958 год: неудавшиеся планы покушения на президента Египта Г. Насера.

1959 год: убийство премьер-министра Цейлона (ныне Шри Ланка) С. Бандаранаике.

1961 год: зверская расправа с премьер-министром Конго (ныне Заир) П. Лумумбой.

1966 год: заговор, приведший к свержению президента Ганы К. Нкрумы.

1967 год: руководимая ЦРУ операция по «ликвидации» выдающегося латиноамериканского революционера Че Гевары.

1969 год: «ликвидация» председателя Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Э. Мондлане.

1973 год: убийство генерального секретаря Афри-

канской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса А. Кабрала.

1973 год: «ликвидация» президента Чили С. Альенде.

1974 год: убийство бывшего министра в кабинете Альенде К. Пратса.

1975 год: гибель прогрессивного деятеля Кении Дж. Карнуки.

1975 год: «ликвидация» брата президента Либерии — министра финансов С. Толберта.

1975—1980 годы: заговоры с целью свержения руководства Мозамбика.

1976 год: убийство бывшего министра в правительстве Альенде О. Летельера.

1977 год: «ликвидация» президента Народной Республики Конго М. Нгуаби.

1960—1981 годы: неоднократные попытки организовать покушение на руководителя Кубы Ф. Кастро.

1979—1981 годы: планы уничтожения руководителя Исламской Республики Иран аятоллы Хомейни.

1981 год: попытка убийства президента Замбии К. Каунды.

1981 год: гибель главнокомандующего Национальной гвардией Панамы генерала Торрихоса в результате организованной авиационной катастрофы.

1981—1984 годы: планы и попытки убийства лидера Ливии М. Каддафи.

Все это — лишь небольшая часть операций американских спецслужб, ставшая достоянием общественности. Всего же за последние тридцать лет, по свидетельству бывших высокопоставленных сотрудников ЦРУ, Соединенные Штаты провели более тысячи тайных операций против тех или иных нежелательных деятелей и целых правительств зарубежных государств.

Разумеется, подавляющее большинство операций проводится американскими спецслужбами не прямо, а через посредников. Такими посредниками могут быть и неонацистские организации, и «левые» экстремисты, и религиозные фанатики, и откровенно уголовные элементы. Известно, например, что уже президент Дж. Кеннеди являлся с представителями американской мафии в попытках сколотить подходящую команду для убийства Фиделя Кастро. Подобная практика позволяет не только успешно замести следы, но и снять с Соединенных Штатов всякую ответственность

за террористические акты, представив их либо как «внутреннее дело» соответствующих стран, либо как «мечь соперничающих группировок». Когда дело сделано, официальный Вашингтон может даже выступить с лицемерным выражением «сожаления по поводу нового акта насилия». Но как бы ни камуфлировали лживость и фальшь развязанной Соединенными Штатами кампании по «борьбе с международным терроризмом», ее суть от этого не меняется.

НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ «ГЛОБАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Вскоре после окончания второй мировой войны Соединенные Штаты в основном заместили своим экономическим, политическим и военным присутствием бывших европейских колонизаторов в зоне освободившихся государств.

Однако прошло не так уж много времени, и в Вашингтоне поняли, что единоличная борьба с нарастающим движением развивающихся стран за экономическое и социально-политическое освобождение становится для Соединенных Штатов весьма обременительной. Вот тогда-то и начали появляться в США различные доктрины и концепции коллективного неокolonизма вроде концепции «глобальной ответственности» Запада за судьбу молодых суверенных государств.

Тезис о «глобальной ответственности» Запада лежал в основе формирования военно-политических блоков империализма, включивших как развитые капиталистические, так и развивающиеся государства. Всего в конце 40-х — начале 50-х годов США вовлекли в военно-политические блоки (НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС, АНЗАМ, ОАГ, Межамериканский совет обороны, Межамериканский договор о взаимной помощи) свыше 40 государств, причем половину из них составляли развивающиеся страны. Важной частью системы «глобальной ответственности» стала сеть многосторонних и двусторонних военных соглашений между развивающимися и капиталистическими государствами. Эти соглашения облегчали «коллективные акции» империализма против национально-освободительного движения.

Особое значение для Соединенных Штатов имел вопрос о географических рамках НАТО. Еще в конце 40-х годов США пытались произвольно расширить эти рамки, превратить НАТО в орудие своей глобальной интервенционистской стратегии. Однако подобные попытки оказались несостоятельными. В результате острых дебатов появилась статья 6-я Североатлантического пакта, определяющая в качестве зоны действия блока территории его участников в Северной Америке и Европе, а также район Атлантики «к северу от тропика Рака».

В какой-то мере эти границы сразу же оказались условными. Ведь все основные локальные войны, которые США вели в послевоенные годы, развязывались с помощью и при участии периферийных блоков, привязанных к НАТО, и самих стран НАТО. Так было в 1950 году в Корее, в 1964 году во Вьетнаме и в Лаосе, в 1970 году в Кампучии. Военно-политические блоки оказывали Соединенным Штатам всестороннюю поддержку на Ближнем Востоке, в Индонезии, в Центральной Америке.

Однако реальное участие союзников США в агрессивных акциях Вашингтона было в целом малозначительным. Протесты мировой общественности и нежелание ввязываться в «грязные войны» в интересах США привели к тому, что численность вооруженных сил союзников составила, например, в Корее пять процентов, а во Вьетнаме — менее двух процентов общей численности войск интервентов.

Сегодня, когда соотношение сил между ведущими центрами мирового империализма существенно изменилось не в пользу Соединенных Штатов, когда распались многие «периферийные» блоки, сколоченные Вашингтоном в годы «холодной войны», правящие круги США все настойчивее требуют, чтобы западноевропейские страны принимали более активное участие в военных акциях против развивающихся стран, взяли на себя большую долю «глобальной ответственности».

Выступая в Лиссабоне в июне 1980 года, президент Дж. Картер заявил: «Североатлантический блок, созданный первоначально для обороны Западной Европы, вынужден теперь защищать свои интересы и в других районах мира... Партнеры по НАТО, наши союзники и друзья, должны быть готовы к сов-

местным действиям по обеспечению безопасности и мира не только в Европе, но и в других районах».

Теоретическую базу под эти планы пытался подвести З. Бжезинский, выдвинувший тезис о взаимозависимости трех основных «зон безопасности стран НАТО» — Западной Европы, Дальнего Востока и Ближнего Востока. «Все труднее свести заботы в области безопасности к одному какому-то узкому географическому району, а следовательно, меняются и функции НАТО,— утверждал он.— Если признать, что безопасность атлантического региона, обеспечение которой является задачей союза НАТО, связана с безопасностью других главных зон, то из этого вытекают определенные политические и стратегические последствия». Под этими «последствиями» З. Бжезинский подразумевал расширение сферы действия НАТО и подключение стран-участниц блока к агрессивным приготовлениям США в Персидском заливе, в бассейне Индийского океана, в районах Юго-Западной и Юго-Восточной Азии.

Республиканская администрация Рейгана удвоила усилия по навязыванию союзникам США «глобальной ответственности». «Случилось так, что мы и наши союзники,— разглагольствовал К. Уайнбергер,— оказались в сильной зависимости от таких районов, которые подвержены серьезной нестабильности. Многие жизненно важные ресурсы мы получаем именно из этих районов мира, и в этих районах некоторые страны хорошо вооружены и относятся к нам враждебно». Нарочито драматизируя ситуацию, министр обороны США сделал зловещий вывод: «Опираясь лишь на собственные силы, мы не можем отразить все те многочисленные опасности, которые могут возникнуть».

Администрация Рейгана прилагает максимум усилий, для того чтобы обойти статью 6-ю Североатлантического договора, и выдвигает идею о «разделении ролей» в рамках НАТО с целью глобального обеспечения военно-стратегических интересов империализма. Так, европейские члены НАТО помимо предоставления США своих баз в районе Индийского океана должны помочь Соединенным Штатам приобрести базы в некоторых странах Ближнего Востока, «с которыми их связывают особенно тесные отношения». Планируется «разделение ответственности» и при осуществлении расширенных программ «военной помощи» ряду государств. Особое внимание уделяется

принятию европейскими членами НАТО обязательств о «компенсации» возможной переброски части американских вооруженных сил на Ближний и Средний Восток, что на практике означало бы дальнейшее наращивание вооруженных сил и вооружений западноевропейских союзников США.

Итак, под предлогом «угрозы для Запада» руководители США пытаются сколотить единый фронт своих партнеров по НАТО для вооруженной конфронтации с национально-освободительными силами в различных частях земного шара, и прежде всего в Азии и Африке. Нынешняя стратегия США, направленная на укрепление блоковых структур в Азии, Африке и Латинской Америке, призвана дополнить меры, принятые администрацией Рейгана в целях наращивания собственно американских интервенционистских сил и активизации усилий ставленников США в лице местных реакционных правителей и диктатур.

Концепция «глобальной ответственности» активно используется Вашингтоном для достижения своих практических целей. Так, во время израильской агрессии против Ливана в 1982 году Соединенные Штаты склонили трех западноевропейских участников НАТО — Италию, Францию, а затем и Англию — предоставить свои военные контингенты, которые были размещены в Ливане в составе многонациональных сил ООН. Костяк их составили американские силы быстрого развертывания.

Под тем же флагом многонациональных сил воинские контингенты стран НАТО в апреле 1982 года обосновались на Синае после ухода оттуда израильских войск. Их двойственный статус был предназначен для того, чтобы, с одной стороны, облегчить НАТО взаимодействие с Израилем, а с другой — избежать ненужных трений с консервативными кругами арабских и других мусульманских стран, остерегающихся открыто сотрудничать с такой организацией, как НАТО.

Администрация Рейгана немало преуспела в вовлечении своих союзников и в событиях в Центральной Америке. Для этого США приглашают своих союзников участвовать в военных учениях и маневрах в этом регионе. Так, в военно-морских учениях «Сейф пасс-82» вместе с ВМС США и Канады впервые приняли участие ВМС Англии, Бельгии, Голландии, ФРГ, а в учениях «Ридекс-82» — США и Англия. На про-

вокационные американо-гондурасские учения «Биг Пайн», проводившиеся в начале 1983 года на территории Гондураса вблизи границы с Никарагуа, были приглашены представители Сальвадора, Чили, Тайваня, Англии.

Продолжаются попытки использовать механизм НАТО для проведения совместных неокOLONиалистских акций и на Африканском континенте. Об определенных «достижениях» на этом пути свидетельствует империалистическое вмешательство в дела Чада летом 1983 года. Хотя в чадских событиях США и другие империалистические государства действовали как бы на индивидуальной основе, скоординированность их действий не вызывает сомнений.

В последние годы Североатлантический блок укрепляет свои связи с расистским режимом ЮАР. Страны НАТО сыграли ведущую роль в перевооружении южноафриканской армии, неоднократно оказывали существенную политическую и материальную поддержку военным авантюрам расистов против соседних стран. В последнее время в печать просочились сведения о том, что НАТО собирается предоставить ЮАР оружие первого удара — крылатые ракеты, способные нести ядерные заряды. С территории ЮАР эти ракеты могут поразить не только «прифронтовые» государства, но и страны Центральной Африки.

Конечно, официальный военный альянс с расистами Претории выглядел бы вызывающим в глазах всей независимой Африки и привел бы к дальнейшему подрыву престижа и влияния Соединенных Штатов на континенте. Поэтому США разрабатывают варианты включения ЮАР в многосторонние военные блоки, где расисты как бы «растворялись» среди других участников.

Именно на это направлены многочисленные планы создания Организации южноатлантического договора (САТО), которая могла бы взять на себя жандармские функции как в Африке, так и Латинской Америке. Членами САТО помимо ЮАР называют Чили, Аргентину, Бразилию. Позже по замыслу инициаторов этой затеи к ним могут присоединиться и сами Соединенные Штаты, а также некоторые «надежные» режимы в Центральной Африке.

Характерна и нынешняя эволюция политики США в отношении Японии. Путем расширительного толкования японо-американского «договора о взаимном со-

трудничестве и гарантии безопасности» 1960 года Вашингтон добивается использования баз в этой стране для своих военных акций вплоть до Ближнего и Среднего Востока, требует увеличения военных ассигнований Японии, расширения ее вооруженных сил, хотя это противоречит японской конституции. Администрация Рейгана провозгласила, что она намерена поднять отношения с Японией до «уровня военно-союзнических отношений Японии с США и странами НАТО».

Японское правительство с готовностью откликнулось на предложения США. Как заявил в январе 1983 года премьер-министр Японии Я. Накасонэ, «содействие в максимальной степени наступательным возможностям США отвечает интересам Токио». В апреле 1983 года начались «неофициальные» переговоры Японии со странами НАТО, нацеленные на разработку постоянного механизма сотрудничества с блоком.

Однако даже такое расширение зоны действия НАТО для Вашингтона, по всей видимости, недостаточно. В настоящее время США разрабатывают варианты создания на Дальнем Востоке нового военно-политического альянса — Организации договора стран Северо-Восточной Азии (НЕАТО), который включил бы США, Японию, Южную Корею и служил бы надежным проводником американской политики в тихоокеанском регионе.

Впрочем, ответственность за «порядок» в тихоокеанском регионе, по мнению американских стратегов, НЕАТО должна разделить с еще одним военно-политическим блоком, который Вашингтон планирует создать на основе экономического сообщества стран Юго-Восточной Азии — АСЕАН. Цель этого нового блока по замыслу США — противостоять социалистическим государствам Юго-Восточной Азии, поддерживать вхождение на их территорию бандитских контрреволюционных формирований, а также, как откровенно заявил главнокомандующий вооруженными силами США в районе Тихого и Индийского океанов У. Кроу, «не допустить появления тихоокеанской Гренады». США уже сегодня имеют устойчивые военные связи с некоторыми членами АСЕАН, особенно с Таиландом и Филиппинами. Кроме того, в этой части мира активизируют свою деятельность старые военно-политические блоки — АНЗЮК (членами которого являются Англия, Малайзия, Сингапур, Австра-

лия и Новая Зеландия) и АНЗЮС (объединяющий США, Австралию, Новую Зеландию).

Выдвигая лозунг «глобальной ответственности», требуя от своих союзников безоговорочной поддержки интервенционистских замыслов США, Вашингтон, как и прежде, обосновывает свои гегемонистские притязания ссылками на «советскую угрозу». Однако добиться единства политических интересов стран Запада, а тем более совместных военных акций по отношению к освободившимся странам Соединенным Штатам становится все сложнее. Межимпериалистические противоречия не стираются перед угрозой прямого конфликта с развивающимися странами, а компромиссы, на которые идут развитые империалистические государства, вовсе не обеспечивают единство взглядов Запада по вопросу о приемлемости прямых военных интервенций в современных условиях.

Попытки США втянуть своих западных союзников в военные авантюры против развивающихся государств встречают серьезную оппозицию в Западной Европе и Японии, в гораздо большей степени, чем США, зависящих от импорта энергетического и другого сырья и потому менее склонных рисковать подрывом своих торгово-экономических отношений с развивающимися государствами. На последних совещаниях «семерки» большинство их участников подвергли критике американское руководство за то, что оно, игнорируя реальные нужды развивающихся стран, видит в них лишь плацдарм борьбы с Советским Союзом, ориентируясь на преимущественно военные средства решения невоенных проблем.

Стараясь установить или укрепить за счет других «силовых центров» империализма собственные сферы влияния в развивающемся мире, индустриальные державы Западной Европы стремятся ныне завязывать двусторонние экономические и военно-политические связи с молодыми национальными государствами.

Необъявленные войны: цели и средства

ДАМОКЛОВ МЕЧ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Когда речь идет о стратегии необъявленных войн наших дней, невольно возникает мысль о диверсантах, шпионах, наемниках. Эти силы и в самом деле являются неотъемлемым компонентом названной стратегии, но она отнюдь не сводится к их использованию. В ней прямо или косвенно задействована практически вся современная военная машина США.

«Наша стратегия,— заявил в мае 1982 года помощник президента США по национальной безопасности У. Кларк,— должна состоять в том, чтобы использовать вооруженные силы для достижения конкретных политических целей». Развертывая новый тур гонки вооружений, Вашингтон одержим стремлением во что бы то ни стало освободиться от сдерживающих его агрессивность рамок паритета в стратегической области, нарушить примерное равновесие сил между НАТО и Варшавским Договором, накапливать как можно больше оружия, чтобы диктовать свою волю.

С помощью опоры на военную силу он надеется потеснить социализм, повернуть вспять борьбу народов молодых государств за национальное и социальное освобождение, остановить изменения в соотношении сил не в пользу капитализма.

О желательности для Соединенных Штатов достижения превосходства в области стратегических вооружений говорилось в предвыборных платформах республиканской партии 1980 и 1984 годов, об этом же заявляли в 1981 году советник президента Э. Миз и министр обороны К. Уайнбергер. Позже под давлением общественного мнения администрация Рейгана стала осторожнее: она отказалась от термина «превосходство», заменив его более невинно звучащими словами «запас безопасности».

60 Тем не менее в докладе о военной программе США

на 1983—1987 финансовые годы министр обороны не оставил никаких сомнений в реальном значении этих слов, высоко оценив «запас безопасности», которым США обладали в первые пятнадцать лет после второй мировой войны, т. е. в период, когда Соединенные Штаты имели многократное превосходство над СССР в области стратегических вооружений.

Уже в середине четвертого года своего правления Рейган проговорился об истинных установках американского военного строительства, сказав, что СССР «вынужден будет столкнуться с риском, что кто-нибудь будет превосходить его в военной мощи».

Стремясь по максимуму к достижению неоспоримого превосходства над СССР, чтобы получить возможность для его шантажа, для ведения ядерной войны в расчете на победу, американское руководство сделало минимальной целью наращивания стратегических вооружений создание таких преимуществ, которые позволили бы ему с большей уверенностью применять и угрожать применением обычных вооруженных сил на «периферии», в первую очередь против освободившихся государств.

Такие преимущества создавали бы «военно-силовой фон», позволяющий с меньшей оглядкой использовать силу на всех уровнях ниже ядерного — от подрывных действий до крупномасштабных военных операций, угрожать эскалацией военного конфликта, рассчитывая, что противник и его союзники на такую эскалацию не пойдут. Этот «фон» нужен американским милитаристам не только для запугивания потенциальных противников, но и для самовзбадривания, подкрепления своей превосходящей силой собственной «решимости». Ядерные силы должны играть по этому сценарию роль прикрытия — щита для интервенционистских действий с применением обычных вооруженных сил и вооружений.

Один из тех, кто создавал внешнеполитическую доктрину администрации Рейгана, бывший директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКДА) Юджин Ростоу, следующим образом формулировал эту цель: получение таких преимуществ в области стратегического баланса, которые позволили бы вернуть США возможность с большей свободой использовать обычные силы для интервенционистских операций, угрожать использованием тактического ядерного оружия на «периферии». «Обладая гаранти-

рованным потенциалом ответного удара,— говорил он,— мы сможем использовать нашу военную мощь для защиты наших интересов, если это окажется необходимым, и не только в Европе, но и во многих других стратегически важных районах мира. На мой взгляд — и здесь я говорю от имени президента Рейгана — это минимальная цель нашего ядерного потенциала...»

Рассуждения о «потенциале ответного удара» являются в устах Ю. Росту и иных руководителей и теоретиков этой администрации, поднаторевших в искусстве выдавать черное за белое, лишь иносказанием; призванным скрыть все те же надежды на получение превосходства в области стратегических вооружений, более широкой возможности использования и угрозы использования ядерного оружия первыми. Точно подметил это директор АКДА в администрации Картера, один из наиболее последовательных сторонников ограничения вооружений в США, П. Уорнке, в дискуссии с Ю. Росту, опубликованной газетой «Нью-Йорк таймс»: «Юджин говорит о необходимости поддержания такого потенциала ответного удара, который дал бы нам возможность угрожать нанесением удара первыми!»

Стремление нынешних хозяев Белого дома добиться таких преимуществ в стратегических вооружениях, которые позволяли бы ему с большей легкостью пускать в ход кулаки по всему миру, еще более четко выразил один из главных ястребов администрации — помощник министра обороны Р. Перл. Перл до своего прихода в Пентагон был помощником сенатора Г. Джексона, одного из самых яростных антисоветчиков и милитаристов конгресса США. В интервью с американским журналистом Робертом Широм Перл сказал: «Я всегда меньше беспокоился насчет того, что может случиться в случае обмена ядерными ударами, чем о том, какое воздействие может оказать ядерный баланс на нашу готовность идти на риск в случае локального кризиса».

Философия нынешнего американского руководства выражена здесь предельно четко. Тут и потрясающая, просто преступная безответственность перед человечеством, и стремление использовать ядерные силы для прикрытия интервенций в зонах развивающегося мира.

ветским Союзом паритета в области стратегических вооружений с Соединенными Штатами — сделало нереальными надежды вашингтонских стратегов на победу в ядерной войне, поскольку в нынешних условиях использование ядерного оружия фактически означает самоуничтожение агрессора. Стратегический паритет объективно служит также сдерживанию устремлений наиболее агрессивных сил на уровне ниже ядерного, поскольку развертывание любого крупного конфликта даже без применения ядерного оружия грозит эскалацией на ядерный уровень со всеми вытекающими последствиями.

Как подчеркивал министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, «сложившееся военно-стратегическое равенство между нашими странами не устраивает воинственных деятелей нынешней администрации, так как оно мешает агрессивным намерениям США на мировой арене, ограничивает их экспансионистские действия»*.

Администрация Рейгана пытается нарастить ядерные силы не только с целью создания «военно-силового фона», который облегчил бы использование всех других компонентов военной мощи США. Вновь и вновь речь идет об угрозе применения самого ядерного оружия в локальных конфликтах.

Американское руководство неоднократно угрожало использованием ядерного оружия в локальных конфликтах. Так было во время войны в Корее. Так было и во время национально-освободительной войны во Вьетнаме, когда, предвидя неминуемый разгром французской колониальной армии в Индокитае, Вашингтон в 1954 году предложил Парижу нанести ядерный удар по силам вьетнамских патриотов под Дьен Бьен Фу. К ядерному шантажу Вьетнама решил в 1968 году прибегнуть Р. Никсон. Администрация Никсона разработала «теорию сумасшедшего», согласно которой Белый дом должен был по различным каналам распространять информацию о том, что президент настроен весьма решительно, подвержен приступам ярости, во время одного из которых он может отдать приказ о ядерной бомбардировке Вьетнама.

В беседе со своим ближайшим помощником Р. Холдманом Никсон говорил: «Я хочу, чтобы северовьетнамцы считали, что я готов на все (на все, кроме мира. — П. Х.), чтобы прекратить войну. Мы постараем-

* Правда, 1981, 25 июля.

ся, чтобы они получили сообщение следующего содержания: «Вы знаете, Никсон одержим антикоммунизмом. Мы не можем сдерживать его, когда он разъярен,— а ведь его рука лежит на ядерной кнопке».

Для доказательства «решительности» президента, для придания «теории сумасшедшего» достоверности Белый дом неоднократно без всякой военной необходимости шел на эскалацию воздушной войны против ДРВ. Ставка делалась на то, чтобы запугать руководство этой страны, а также Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и вынудить их прекратить борьбу «на выгодных США условиях», т. е. оставить Южный Вьетнам под американской пятой. «Теория», однако, не сработала. Пентагон и Белый дом вынуждены были почувствовать действие новых ограничителей на свою агрессивность по мере приближения Советского Союза к достижению стратегического паритета.

«Теория сумасшедшего» была гораздо более сумасшедшей, чем может показаться на первый взгляд. Задуманная как блеф, она, однако, в силу милитаристски-бюрократической логики (для того чтобы блеф подействовал, необходимо, считали в Белом доме и Пенгагоне, чтобы за ним стояли конкретные военные мероприятия) обросла сторонниками, вариантами осуществления, набрала свою собственную инерцию. В военной бюрократии нанесение ядерного удара по Вьетнаму стало рассматриваться уже как почти обычная военная операция. Она получила название «Дак хук» и предполагала нанесение ударов тактическим ядерным оружием по целям в Демократической Республике Вьетнам. Бомбардировка, как планировали Киссинджер, Хейг и их коллеги, могла бы и повториться, если ДРВ не капитулирует. И хотя приказа не последовало, ибо сказалось сдерживающее влияние паритета в области стратегических вооружений, «теория сумасшедшего» еще раз подвела мир к пропасти небытия. В 1973 году во время арабо-израильского конфликта администрация Никсона вновь пыталась угрожать использованием ядерного оружия, повысив степень боеготовности американских стратегических сил.

После поражения в Индокитае, приведшего к временному свертыванию интервенционистской деятельности США, явные угрозы применить ядерное оружие звучать перестали.

Главной причиной прекращения угроз применить ядерное оружие было становление стратегического паритета. В начале 70-х годов руководство США признало его существование, но сразу же попыталось сделать рывок к превосходству развертыванием разделяющихся головных частей на своих межконтинентальных баллистических ракетах наземного базирования и на баллистических ракетах, запускаемых с подводных лодок. Только в первой половине 70-х годов число боеголовок на них возросло почти в пять раз. Увеличивалось число ядерных зарядов, которые могли нести стратегические бомбардировщики. Они оснащались ракетами ближнего радиуса действия — СРЭМ. Но уже во второй половине 70-х годов СССР ликвидировал полученные США преимущества, и Вашингтон вынужден был согласиться кодифицировать паритет, пойдя на подписание Договора ОСВ-2.

С конца 70-х годов в американской политике вновь наметился крен в сторону милитаризма, большей опоры на военную силу. Главной причиной такого поворота было нежелание консервативной группировки правящего класса, вышедшей на авансцену политической жизни США, смириться с советско-американским стратегическим паритетом. Это повело к отказу американского руководства от ратификации Договора ОСВ-2, стабилизировавшего советско-американский баланс стратегических вооружений на уровне паритета, к попыткам воссоздать позицию силы США путем нового рывка в гонке ядерных вооружений.

Одним из первых признаков возвращения американской политики на «круги своя» явились новые угрозы использовать ядерное оружие. Для большинства обозревателей было очевидно, что военными демонстрациями в районе Персидского залива в 1979—1980 годах, провозглашением «доктрины Картера» Вашингтон пытался создать впечатление о своей готовности в случае чего применить ядерное оружие. Но «теория сумасшедшего» работала все менее эффективно, хотя не становилась от этого менее авантюристической.

Новый тур погони США за стратегическим превосходством в полной мере оформился при администрации Рейгана. На этом этапе гонки вооружений особенно ярко проявилось перманентное стремление американских военных и их хозяев получить широкие воз-

возможности использования ядерного оружия в политических целях для давления и шантажа, а в крайнем случае и для ведения «ограниченной» войны в расчете на победу без вовлечения территории США. На это нацелены планы строительства сверхточных систем ядерного оружия — ракет МХ, «Трайидент-1» и «Трайидент-2», ракет «Першинг-2», крылатых ракет большой дальности, а также курс на создание эшелонированной, развертываемой в космосе и на земле системы противоракетной обороны, призванной прикрыть США от ответного удара, на подготовку к противоспутниковой войне.

Эти вооружения имеют непосредственное отношение и к американской стратегии «малых войн». И не только потому, что они призваны играть роль стратегического прикрытия интервенционизма. Многие из этих систем могут быть прямо использованы в локальных конфликтах. В первую очередь это крылатые ракеты, 12 тыс. которых Пентагон собирается развернуть на воде и под водой, в воздухе и на земле.

Создаются и специальные виды тактического ядерного оружия, которые удобнее всего использовать в локальных конфликтах. В первую очередь речь идет о нейтронных зарядах, выделяющих усиленную радиацию, но образующих меньшую по сравнению с ядерным оружием обычных типов взрывную волну. Это оружие, уничтожающее людей и в меньшей степени технику и здания.

В 1977—1978 годах Вашингтон пытался подsunуть это оружие Западной Европе, но союзники отказались взять на себя ответственность за его размещение. Приход администрации Рейгана упростил дело. С союзниками решили не консультироваться, хотя, по официальной версии, это оружие предназначено именно для Западной Европы. Был отдан приказ о начале его производства. Отказ от консультаций — свидетельство не только того, что Вашингтон пренебрегает интересами и мнениями стран Западной Европы, но и того, что нейтронное оружие предназначено не для них одних. Вашингтонские стратеги считают, например, нейтронную бомбу «идеальным» оружием для войны в районах нефтедобычи — противник погибает, оборудование остается.

СИЛЫ ОБЩЕГО НАЗНАЧЕНИЯ

Пожалуй, наиболее характерной чертой нового тура гонки вооружений, развертываемой Вашингтоном, является всемерное усиление потенциала обычных вооруженных сил и вооружений.

Стремясь найти пути использования военной мощи в условиях стратегического паритета, Вашингтон исходит, судя по всему, из того, что обычные вооруженные силы являются наиболее применимым элементом этой мощи.

«При наличии примерного равенства в стратегических силах,— откровенничает главнокомандующий войсками НАТО в Европе генерал Б. Роджерс,— успехи и неудачи на международной арене определяет обычная мощь». «Серую зону» между миром и тотальной войной Вашингтон старается превратить в мир для себя и угрозу войны и в войну для всех остальных. При этом сознательно закрываются глаза на то, что упор на использование обычных вооруженных сил ведет к повышению риска возникновения крупных вооруженных конфликтов, угрожающих эскалацией на ядерный уровень и перерастанием во всеобщую ядерную войну.

Вашингтон, резко расширяя сферу своего военного вовлечения, распространил практически на весь мир концепцию «жизненно важных интересов США», которые он угрожает «защищать» с помощью военной силы. Республиканская администрация нацеливает свою военно-политическую стратегию на борьбу с Советским Союзом по всему миру, отказывается от какого-либо сотрудничества с ним в деле обеспечения международной безопасности и урегулирования конфликтных ситуаций. «Американская военная стратегия,— говорится в докладе Комитета начальников штабов о военной позиции США на 1984 финансовый год,— должна исходить из необходимости готовности к военным действиям во всех регионах мира»

США предпринимают усилия по повышению боевых, и в первую очередь наступательных, возможностей обычных вооруженных сил. В ближайшие годы планируется наращивание их численного состава более чем на 200 тыс. человек, увеличение к 1991 году числа армейских дивизий с 17 до 25, авианосных групп ВМС с 13 до 22, числа авиакрыльев истребительной авиации ВВС с 24 до 38, в каждом из которых

состоит на вооружении около 70 самолетов, и перевооружение ВВС всепогодными истребителями F-15, штурмовиками непосредственной авиационной поддержки A-10 и истребителями-бомбардировщиками F-16. Всего в авиацию армии, ВМС и корпуса морской пехоты запланировано поставить около 8 тыс. самолетов. К 1988 году Пентагон собирается также развернуть в войсках свыше 7 тыс. новых танков M-1 «Абрамс», увеличив общий танковый парк на 40 процентов, и почти 7 тыс. новых боевых машин пехоты.

Одновременно планируется продолжить оснащение сухопутных войск оружием точного наведения на цели, усовершенствуются средства электронной войны, развертываются новые виды оружия с особо мощным поражающим эффектом. Новые «обычные» виды оружия приближаются по своим поражающим и разрушающим характеристикам к ядерным боеприпасам, делают более вероятным перерастание войн с применением обычных вооружений на ядерный уровень. Принято решение о начале крупномасштабного производства нового поколения химического оружия, так называемого бинарного, а также средств его доставки к цели — артиллерийских снарядов для гаубиц калибра 155 мм и авиабомб.

Особое значение нынешняя администрация придает повышению мобильности и гибкости вооруженных сил. Возрождается концепция «проецирования военной мощи», потерявшая было свою популярность после поражения во Вьетнаме. Решению этой задачи служит помимо роста числа авианосных соединений, находящихся на вооружении ВМС, увеличение количества основных боевых кораблей на одну треть и доведение его к началу следующего десятилетия до 610 единиц. При этом американское руководство даже не скрывает своего намерения добиться абсолютного превосходства в области военно-морских сил. «Паритет или достаточность в военно-морских силах не устраивают Соединенные Штаты. Мы должны и мы будем иметь превосходство», — заявил К. Уайнбергер.

«Ключевым элементом американской стратегии, — говорилось в докладе Комитета начальников штабов о военных расходах США на 1984 финансовый год, — должно быть усиление военно-морского флота с целью добиться того, чтобы Соединенные Штаты и их союзники могли бы иметь превосходство в ключевых оке-

Этого превосходства Пентагон и Белый дом хотят добиться, во-первых, для того, чтобы получить «контроль под морями», иначе говоря, лишить Советский Союз и его союзников возможности пользоваться морями в случае войны или угрожать им морской блокадой в мирное время.

Во-вторых, крайне правые, дорвавшиеся до власти в сегодняшнем Вашингтоне, стремятся тем самым усилить функцию «флот против берега», имея в виду в первую очередь советскую территорию, призывают к «нападению на советские военно-морские силы, находящиеся на своих базах», к уничтожению советской бомбардировочной авиации с «помощью удара с моря по ее базам» и т. д. и т. п.

В-третьих, взяв курс на всемерное наращивание военно-морской мощи, Пентагон хочет расширить свои возможности для интервенционистских акций, для угроз ими, для ведения необъявленных войн по всему миру. «Мы не предвидели заранее необходимость использования наших вооруженных сил в Корее, Вьетнаме, Таиландском заливе... или в Иране (попытка освобождения «заложников». — П. Х.), — писали в журнале «Форин афферс» в 1982 году, объясняя логику американских милитаристов, бывший директор ЦРУ адмирал С. Тернер и военный теоретик капитан первого ранга Дж. Тиболт. — Сейчас мы более всего обеспокоены положением дел в Персидском заливе и Юго-Западной Азии в целом. Мы не можем предсказать, где нашим национальным интересам будет брошен вызов в следующий раз. Вместо этого нам нужно сделать наши вооруженные силы способными к гибкой реакции на неожиданные события».

В тот период, когда указанная статья публиковалась, Белый дом «обнаружил» еще один «вызов американским национальным интересам». Американская военная машина резко увеличила свою активность в Центральной Америке. Именно здесь, у себя под боком, Вашингтон решил дать «показательный бой» национально-освободительному движению, продемонстрировать свою «решительность». Центральная Америка, писал консервативно настроенный обозреватель У. Сэфайр, раскрывая расчеты ультраправых в администрации Рейгана, — «это место, где мы можем победить».

В рамках эскалации военных действий в регионе Вашингтон направил две авианосные группы курси-

ровать вдоль атлантического и тихоокеанского берегов Никарагуа, угрожая нападением и обеспечивая прикрытие бандам контрреволюционеров, развернувших диверсионно-террористическую борьбу против сандинистского революционного правительства. В 1982—1983 годах были моменты, когда значительная часть авианосных соединений флота США участвовала в маневрах угрожающего характера или военных действиях по всему земному шару: два авианосца с сопровождением курсировали у берегов Никарагуа, два участвовали в бомбардировках Ливана и «поддерживали» оккупационные американские войска, размещенные там, один-два курсировали в водах, прилегающих к Персидскому заливу.

Нарастает боевой потенциал морской пехоты, выделенной в специальный вид вооруженных сил США. Ей придаются новые типы 155-мм гаубиц, способных стрелять атомными боеприпасами (раньше на ее вооружении находились 105-мм орудия, для которых такие снаряды не разработаны). На вооружение морской пехоты поступают истребитель-штурмовик F/A-18, способный нести ядерное оружие, новые вертолеты.

В соответствии с ориентацией на вооруженные силы, готовые для интервенционистских акций в любой момент и повсеместно, взят курс на создание так называемых легких дивизий, которые будут иметь меньше танков и тяжелой техники, но зато больше пулеметов и легкой артиллерии. Эти дивизии, писал близкий к Пентагону военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтон, должны быть особенно хорошо приспособлены «для ведения боевых действий в таких районах, как горные массивы Ирана, джунгли Центральной Америки».

Особое место в военной стратегии администрации Рейгана занимает Ближний Восток, Юго-Западная Азия и зона Индийского океана. Нарастанию здесь американской военной мощи служат многие мероприятия, о которых говорилось выше, и в частности создание сил быстрого развертывания (СБР), резкое увеличение военно-морского флота. В американской стратегии Персидский залив поставлен в один ряд с Западной Европой. Формулируя региональные приоритеты США в сфере военной политики, Пентагон в «Директивах в области обороны на 1984—1988 годы» заявлял: «Стратегия обычной войны ставит своей пер-

вой целью защиту США, затем Западной Европы и нефтяных ресурсов Персидского залива...»

Вашингтон не только наращивает в зоне Персидского залива свою военную мощь, создает новую сеть баз, но и пытается взять на себя функции регионального жандарма, гарантирующего социальный статус-кво. При этом США претендуют на «право» военной интервенции не только в случае межгосударственных конфликтов в данном регионе, но и в случае внутренних социальных конфликтов. Предусматривается усиление способности «насильственно вторгаться» в ту или иную страну, даже если ее правительство будет выступать против такой интервенции. Р. Рейган заявил применительно к Саудовской Аравии, что Вашингтон «не допустит» второго Ирана. Комментируя заявление президента, К. Уайнбергер уточнил: «Если в Саудовской Аравии произойдет что-то напоминающее внутреннюю революцию, США не будут пассивно стоять в стороне».

Иными словами, Вашингтон открыто держит курс на экспорт контрреволюции.

Свои претензии на военное вмешательство в регионе нынешняя администрация вслед за Дж. Картером пытается оправдать «необходимостью обеспечения доступа к нефти» для самих США и их союзников. Но разве можно реально рассчитывать на обеспечение доступа к нефти, превращая регион в пороховой погреб? Даже в США многие понимают это и предостерегают администрацию от авантюристического курса. «Военное вмешательство США для предотвращения или прекращения конфликта между странами региона,— писал Д. Ньюсом, заместитель государственного секретаря в администрации Дж. Картера,— или для поддержки дружественного США правителя, оказавшегося в трудном положении, вызвало бы к жизни весьма широкую оппозицию США со стороны населения региона Персидского залива. Более того, военная интервенция скорее привела бы именно к тому, что она призвана предотвратить: к резкому сокращению производства нефти. Политические потрясения могут вызвать прекращение добычи нефти или потерю западными странами доступа к ней, но это совершенно не обязательно: внешнее же вмешательство обязательно кончится и тем, и другим».

Несмотря на такие предостережения, Вашингтон упорно продолжает идти по опасному пути усиления **71**

военной активности в регионе, отвергает все предложения по политическому урегулированию существующих проблем.

Одержимые идеей остановить с помощью военной силы движение мира по пути социального прогресса и национального освобождения, американские стратеги из кожи вон лезут, выдумывая сценарии, доктринальные оправдания гонки вооружений, вмешательства и угрозы интервенциями в отношении всех, и особенно молодых, государств.

Доктринальным «нововведением» администрации Рейгана, усиливающим угрозу странам и режимам, придерживающимся прогрессивных позиций, является концепция «горизонтальной эскалации», подразумевающая готовность США в случае конфликта с СССР нападать на него или на его ближайших союзников не только в том месте, где этот конфликт зародился, но и в других районах земного шара.

С помощью этой концепции Пентагон пытается угрожать не только странам, имеющим дружественные отношения с СССР, но и по сути дела всем государствам, чья политика не устраивает Вашингтон, поскольку в любой момент они могут быть объявлены «агентами Москвы», как это случилось, например, с Гренадой.

Сознательно нагнетая международную напряженность, администрация Рейгана заявила о том, что она отказывается от принятой ранее концепции «полутора войн», подразумевавшей, что вооруженные силы США должны быть готовы вести одновременно «большую» войну в Европе и локальную войну где-то еще, и будет готовить их с таким расчетом, чтобы они могли одновременно или последовательно участвовать в войнах практически повсеместно. При этом военное руководство США заявило о пересмотре преобладавшего в американской военной доктрине взгляда относительно того, что любой конфликт между СССР и США на периферии будет иметь краткосрочный характер, а затем будет либо прекращен, либо перерастет на ядерный уровень. Теперь военное ведомство заявило, что оно будет строить вооруженные силы в расчете на длительную войну с применением обычных вооруженных сил и вооружений.

Последнее «нововведение», видимо, связано с желанием не только продемонстрировать американскую «решительность», но и протащить через конгресс но-

вые колоссальные военные ассигнования, удовлетворить запросы военно-промышленного комплекса.

Пытаясь усилить давление, Вашингтон подталкивает сам себя к участию в крупных конфликтах с труднопредсказуемыми последствиями. Такие «нововведения» в военную доктрину ведут к новым вспышкам международной напряженности, интенсификации глобальной гонки вооружений.

Особо агрессивный, интервенционистский характер американской военной доктрины при администрации Рейгана проявился и в выдвижении концепции «реакция на неопределенные сигналы». В докладе министра обороны о военном бюджете США на 1982 финансовый год эта концепция формулируется так: «...мы должны изменить наш подход в отношении реакции на предупреждения. Наши вооруженные силы... должны быть готовы отвечать на предупредительные сигналы, которые могут быть чрезвычайно неопределенными».

Согласно этой концепции, США должны быть готовы пустить в ход вооруженные силы даже без прямого военного «вызова» — международного конфликта или изменения статус-кво в одной из стран, расположенных в зоне так называемых жизненно важных интересов США.

Поскольку под «неопределенными сигналами» можно понимать все что угодно, речь по существу идет о еще одной попытке усилить давление на те силы, чьи взгляды и политика расходятся с американскими, о концепции, которая ведет к увеличению вероятности того, что США будут выступать агрессором, инициатором новых вооруженных конфликтов, расширения существующих.

В заявлениях военных руководителей США просматривается и еще одно доктринальное «нововведение» — концепция, которую можно назвать «упреждающей интервенцией». Выступая 7 мая 1981 года в Чикаго, К. Уайнбергер заявил: «Мы должны наращивать свое военное присутствие в жизненно важных районах, предотвращая потенциальную агрессию прежде, чем она станет свершившимся фактом». Иными словами, США под предлогом «предотвращения агрессии» расчищают себе дорогу для интервенций и угроз интервенциями. Подобные доктринальные ухищрения означают фактическое провоцирование войн.

Это «нововведение», кстати говоря, было опробовано

вано на Гренаде. Среди маловразумительных объяснений, почему все-таки США напали на эту страну, фигурировали два, зримо напомнившие об «упреждающей интервенции». США вторглись на Гренаду, не моргнув глазом заявляли в Вашингтоне, чтобы «предотвратить захват этого острова Кубой» и одновременно предотвратить «угрозу» со стороны Гренады соседним островным государствам. Вашингтон ничуть не смущает то, что некоторые из них отстоят от Гренады, не имевшей военно-морского флота, на несколько сот километров.

Если учесть, что США вновь пошли на расширение дислокации войск за рубежом и наращивание их численности (с 1979 по конец 1983 года она увеличилась на 62 тыс.—с 458 тыс. до 520 тыс. человек), размещают в развивающихся странах сверхновые вооружения (например, систему АВАКС в Саудовской Аравии), строят новые базы, то становится ясно, что Вашингтон намеревается распространить действие так называемой концепции «спускового крючка» на все зоны «жизненно важных интересов США», т. е. практически на весь мир. (Согласно этой концепции, присутствие американских войск в стране, на которую совершается нападение или в которой начинается гражданская война, автоматически ведет к военному вовлечению США.) Такой подход резко увеличивает вероятность прямого участия США в региональных конфликтах, эскалации последних, расшатывает международную стабильность.

Учитывая изменения в военной стратегии США, можно сказать, что Вашингтон готовит новые военные авантюры, несущие угрозу многим регионам земного шара. К этому ведут и упор на увеличение мобильности вооруженных сил, и базовая стратегия, и тяга к наращиванию военно-морской мощи, и такие концепции, как «горизонтальная эскалация», «реакция на неопределенные сигналы», «упреждающая интервенция». Особую же роль во втягивании Вашингтона в новые военные авантюры могут сыграть специально созданные для этого военные формирования — силы быстрого развертывания и силы специального назначения.

«ПОЖАРНАЯ КОМАНДА» ПЕНТАГОНА

Авиабазы Мак Дилл не относятся к туристским достопримечательностям Флориды. Длинные взлетно-посадочные полосы, приземистые ангары, бесконечные цистерны с горючим, унылые склады и казармы — вот и весь стандартный набор тоскливых декораций, которые можно найти и на других базах ВВС США — в Техасе и на Аляске, в Западной Европе и на Ближнем Востоке. И все же авиабаза Мак Дилл может претендовать на статус достопримечательности. Не случайно уже несколько лет ее название мелькает на страницах газет и журналов всего мира.

У конца одной из взлетно-посадочных полос расположен наполовину зарытый в землю белый блокгауз без окон. Здесь днем и ночью не стихает работа: стучат телетайпы, трещат телефонные звонки, над оперативными картами склонились офицеры всех видов вооруженных сил США. Надежные системы связи обеспечивают постоянный контакт с Вашингтоном, штабами американских войск в Западной Европе, в районе Тихого океана, в Индийском океане, в Центральной и Южной Америке. Напряжение не спадает ни на минуту.

Невдалеке от «кротовой норы», как офицеры окрестили этот бункер, находятся ангары транспортных самолетов дальнего радиуса действия. Возле них постоянно дежурят экипажи летчиков. В расположенных рядом складских помещениях хранятся аппаратура связи, фургоны и джипы с различным снаряжением, которые в любой момент могут быть погружены в самолеты.

На авиационной базе Мак Дилл несколько лет действует штаб американских сил быстрого развертывания (СБР) — основного орудия интервенционистской политики Соединенных Штатов в развивающихся странах.

О создании СБР объявил на пресс-конференции в Вашингтоне в июне 1979 года начальник штаба армии США генерал Бернард Роджерс. Это была его прощальная пресс-конференция перед переходом на пост главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. По недвусмысленному утверждению Роджерса, СБР создаются в ответ на желание Белого дома иметь специализированную силу на

случай военных конфликтов в регионах освободившихся государств.

Практическая организация СБР была возложена на преемника Роджерса генерала Эдварда Мейера. Главная идея сил быстрого развертывания заключалась в следующем. Боевые подразделения и вспомогательные части СБР дислоцируются на своих прежних местах, но полностью снаряженные и готовые для быстрого броска уже как единый корпус. Назначение корпуса, согласно замыслам Пентагона, состоит в том, чтобы предоставить командующим объединенными вооруженными силами США в том или ином регионе мира (например, в районе Тихого океана) крупную боевую единицу, которую они могут запросить, не занимаясь отнимающими немало времени выявлением приемлемых частей и их сбором.

Официально СБР существуют с 1 марта 1980 года, когда над базой Мак Дилл был поднят звездно-полосатый флаг. Предполагалось, что они будут формироваться из частей корпуса морской пехоты, 82-й воздушно-десантной и 101-й воздушно-штурмовой дивизий, а также батальонов «рейнджеров» («черных беретов») — одного из подразделений сил специального назначения. По первоначальному замыслу общая численность СБР должна была составить 100 тыс. человек.

Через год в Пентагоне заявили, что для выполнения своих функций силы вторжения должны иметь в своем составе по крайней мере 200 тыс. человек, а в случае серьезного международного кризиса эту цифру надо увеличить вдвое. Уходящая администрация Картера запланировала израсходовать на СБР 17,4 млрд. долл. в течение пяти лет и обеспечить их полную боеготовность к середине 80-х годов.

Республиканское правительство решило ускорить процесс развертывания. Летом 1981 года министр обороны К. Уайнбергер подписал директиву, предусматривающую сокращение срока формирования СБР с пяти до полутора лет. На 1982 финансовый год расходы, связанные с СБР, были увеличены на 2,5 млрд. долл.

Руководство США не делает секрета из того, что силы быстрого развертывания предназначены для выполнения политических задач — проведения карательных операций путем вторжения в пределы иностранных государств при изменении ими политических и

других позиций в неуютном для США направлении, оказания поддержки проамериканским режимам в случае угрозы их свержения, ликвидации прогрессивных правительств и установления реакционных режимов.

Пентагон создает и испытывает новые образцы оружия, предназначенные специально для этих сил: винтовки, танки, средства ПВО, средства связи и ракетные установки. Ускоренными темпами создается дополнительный транспортный потенциал для быстрой переброски СБР по воздуху и по морю.

Идея создания «пожарных команд» уже давно не дает покоя правящим кругам Соединенных Штатов. Президент Дж. Кеннеди, по воспоминаниям его специального советника А. Шлесинджера-младшего, лично руководил расширением отряда специальных войск, насчитывавшего до его прихода к власти менее тысячи солдат, превращением его в элитное соединение «зеленые береты», созданием центров по подготовке частей к «контрповстанческим действиям» не только на печально известной базе Форт-Брэгг в Северной Каролине, но и в Панаме, на Окинаве, в Южном Вьетнаме и ФРГ.

Идея создания специального интервенционистского корпуса получила новый импульс в результате эмбарго арабских стран на поставки нефти в США, последовавшего после четвертой арабо-израильской войны 1973 года. Действия ОПЕК вызвали поток угроз со стороны официального Вашингтона в адрес государств, пошедших на конфронтацию с США. О возможности американских «ответных мер» военного характера в отношении арабских стран, включая захват их нефтяных месторождений, заявлял государственный секретарь Г. Киссинджер, а занимавший тогда пост министра обороны Дж. Шлесинджер и ряд других военных деятелей выступили с еще более неприкрытыми угрозами вооруженного вмешательства. В подкрепление этих угроз специальные подразделения вооруженных сил США проводили маневры в условиях, максимально приближенных к ближневосточным.

После свержения шахского режима, выхода Ирана из милитаристского блока СЕНТО, отказа его от роли жандарма в районе Персидского залива военнополитическая ситуация в этом районе для американского империализма радикально изменилась. К тому

же новым негативным с точки зрения Вашингтона элементом стало охлаждение отношений между Саудовской Аравией и Египтом после сепаратного мира, подписанного Садатом и Бегинном.

Саудовской Аравии США предложили «американское военное присутствие», под которым обычно подразумеваются военные базы. Это приглашение натолкнулось на вежливый, но твердый отказ. Потерпев неудачу с попыткой обзавестись военными базами в Саудовской Аравии, стратеги из Вашингтона принялись изыскивать альтернативу этому проекту.

Тогда-то и встал вопрос о форсированном создании независимого американского потенциала для интервенции. И не только на Ближнем Востоке. Ведь в эти же годы нарастает борьба за ликвидацию расистских режимов на юге Африки, завершается победой народное восстание в Никарагуа, стабилизируется обстановка в Индокитае.

Первоначально СБР были задуманы как мобильная «пожарная команда» для ликвидации «беспорядков» и локальных конфликтов в развивающихся странах. Предполагалось, что небольшие контингенты смогут легко справиться с «подстрекателями» и «возмутителями спокойствия» и обеспечить должную защиту «интересов» США. Однако неудачная попытка освобождения американских дипломатов, задержанных в Иране в качестве «заложников», показала, что даже для проведения небольшой операции требуется значительная материальная база. Американские стратеги не могли также не учитывать, что многие ближневосточные страны создали армии, оснащенные новейшими моделями танков, артиллерийских орудий и самолетов.

Чтобы поднять СБР до уровня новых задач, Пентагон начал лихорадочно наращивать их численный состав и боевую мощь. В результате вместо компактных мобильных сил появились громоздкие тяжеловооруженные соединения, нуждающиеся в доступе к базам снабжения в Омане, Кении, Сомали и Египте.

Поэтому, объявив Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку зоной своих «жизненно важных интересов», США в срочном порядке стали создавать сеть военных баз в этом регионе. Форсированными темпами ведется строительство многоцелевой военной базы на острове Диего-Гарсия. США заключили соглашение с Сомали, Оманом и Кенией об ис-

пользовании американскими войсками баз на их территории. Вооруженные силы США широко пользуются базами и аэродромами в Египте. Фактически они получили доступ к военным базам Пакистана. Соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с Израилем предоставило вооруженным силам США право использовать военные базы этой страны.

США стремятся заручиться согласием союзных и дружественных стран на право пролета над их территориями с возможной посадкой на их аэродромах американских самолетов с войсками, направляющимися как с запада, так и с востока в район Персидского залива. Переброску сил быстрого развертывания предусматривается осуществлять транспортными силами и средствами, входящими в состав военно-транспортного авиационного командования ВВС и командования морских перевозок ВМС. Самолетный парк этих командований насчитывает около 600 тяжелых и средних военно-транспортных самолетов. Кроме того, могут быть выделены более 400 самолетов резерва из состава гражданских авиакомпаний и до 350 военно-транспортных самолетов резервных компонентов ВВС.

В Пентагоне, однако, считают, что этих сил и средств явно недостаточно и поэтому особое внимание уделяется развитию сил и средств стратегической переброски, которые должны обеспечить транспортировку американских войск с территории страны. Для наращивания возможностей переброски войск по воздуху планируется использовать самолеты С-141 и С-5А, а также создать новый тяжелый транспортный самолет СХ, специально предназначенный для сил быстрого развертывания. Предусматривается также передать в распоряжение командования СБР в дополнение к имеющимся у него средствам морского транспорта до 750 судов резервного военного и торгового флота.

Поскольку СБР предназначены для удаленных от США театров военных действий, то остро стоит вопрос об их материально-техническом обеспечении, о заблаговременном складировании оружия, военной техники и предметов снабжения вблизи районов предполагаемого применения сил быстрого развертывания. Однако, учитывая сложную военно-политическую обстановку в районах наиболее вероятных военных конфликтов, особенно в Юго-Западной Азии, США пока не решаются осуществлять складирование техники и

вооружения на территории развивающихся стран, а создают систему складирования на судах, плавающих в международных водах.

Например, в Индийском океане в районе острова Диего-Гарсия уже находится 13 судов-складов, способных обеспечить материальными средствами боевые действия одной бригады в течение 30 суток. К 1987 году намечается построить еще 12 судов-складов, что позволит обеспечить боевые действия трех экспедиционных бригад или одной дивизии морской пехоты.

СБР ведут активную боевую и оперативную подготовку. Как на территории США, так и на территориях, входящих в «зону ответственности» Объединенного центрального командования (СЕНТКОМ), ежегодно проводятся учения и маневры войск авиации и флота по отработке задач, которые им предстоит решать в будущих агрессивных военных кампаниях.

Теперь сценарий развертывания конфликта с участием СБР выглядит следующим образом.

День первый. В одной из стран Персидского залива назревают нежелательные для США события. Президент срочно созывает Совет национальной безопасности, который принимает решение о введении в действие сил быстрого развертывания.

День второй. В назначенном месте развертывается пехотный батальон (1000 человек) с противотанковым оружием и минометами, который перебрасывается на Ближний Восток, вероятнее всего из Италии. Батальон закрепляется на позициях и начинает боевые действия.

День третий. Из Соединенных Штатов в район боевых действий перебрасывается первый батальон 82-й воздушно-десантной дивизии, а также контингент морских пехотинцев численностью 1300 человек. Эти силы, оснащенные легкой артиллерией и танковыми средствами, дополняются двумя эскадрильями тактической авиации ВВС США. Захваченный американцами плацдарм укрепляется и расширяется, ведется подготовка к наступательным действиям.

День седьмой. Из Средиземного моря на десантных кораблях прибывает еще один контингент морских пехотинцев (2200 человек). В район конфликта стягивается целое авиакрыло ВВС США. Начинаются активные наступательные действия.

День четырнадцатый. Если противник продолжает упорно сопротивляться, в район конфликта пере-

брасывается бригада морской пехоты в усиленном составе со своим вооружением (12 тыс. человек), а также механизированная бригада американских сухопутных войск (8 тыс. человек) со всеми ее танками и бронетранспортерами. Наконец, из Соединенных Штатов перебрасывается 82-я воздушно-десантная дивизия (15 тыс. человек).

Силы быстрого развертывания проводят операции, как правило, с применением обычного оружия. Вместе с тем не исключается, что в определенных условиях может быть применено и ядерное оружие путем нанесения выборочных ударов по объектам государства, руководители которого осмелились «угрожать» «жизненно важным интересам США» в данном районе. Не исключается также использование химического оружия.

Если же американской армии придется иметь дело не с одним государством, а с целой коалицией развивающихся стран (которые к тому же могут быть вооружены американским же оружием!), сил быстрого развертывания окажется явно недостаточно. Придется использовать все имеющиеся в наличии силы вмешательства. Эти силы могут действовать поистине с глобальным размахом. Краткое перечисление частей и подразделений, входящих в силы вмешательства, говорит само за себя. Эти силы включают:

— корпус морской пехоты с авиационной поддержкой. Это отборные силы вторжения, «элита» американских вооруженных сил, насчитывающая вместе с приданными подразделениями почти 200 тыс. человек. Морская пехота использовалась в большинстве американских интервенций, включая и последнее военное вмешательство США в Ливане летом 1982 года и вторжение на Гренаду осенью 1983 года. Корпус морской пехоты оснащен самой современной техникой. В его распоряжении сотни боевых самолетов, вертолетов, танков и соответствующая артиллерия. Как правило, одна морская десантная часть базируется в Средиземноморье, а две — в Тихом океане;

— мобильные силы вмешательства сухопутных войск, включающие 82-ю и 101-ю воздушно-десантные дивизии (соответственно 15 тыс. и 18 тыс. человек). Эти «легкие» дивизии, базирующиеся, как правило, в Соединенных Штатах (82-я — в Форт-Брэгге, в штате Северная Каролина, а 101-я — в Форт-Кэмпбелле, в штате Кентукки), неизменно находятся в состоянии

готовности к возможной переброске в кратчайший срок в любой район кризиса. (Например, 82-я дивизия была приведена в состояние полной боевой готовности в октябре 1973 года ввиду возможной отправки в Израиль, затем в мае 1978 года для вмешательства в Заире и, наконец, в феврале 1979 года для возможной отправки в Йемен.) Хотя эти дивизии не имеют такого полного авиационного прикрытия, как дивизии морской пехоты, доктрина Пентагона предусматривает одновременное развертывание нескольких авиакрыльев тактической авиации в каждой. В случае если этих сил окажется недостаточно, для ведения «полувойны» могут быть выделены еще три пехотные дивизии. В случае менее серьезного кризиса Вашингтон может использовать силы специального назначения;

— средства транспортной авиации, в том числе тяжелые и средние транспортные самолеты, транспортные самолеты тактической авиации. Они обеспечивают доставку сухопутных войск или морской пехоты на поле боя за пределами американской территории. В общей сложности эти самолеты могут перебросить 21 тыс. тонн груза и 80 тыс. человек в полном боевом снаряжении на расстояние свыше 3 тыс. миль. Этим силам в короткий срок могут быть приданы еще транспортные самолеты из резерва гражданского воздушного флота;

— авианосцы ВМС (13 кораблей с самолетами) плюс эскортные корабли и транспорты снабжения. В целом эти силы насчитывают 800 боевых самолетов и самолетов поддержки плюс противолодочные средства, а также разведывательные вертолеты. Поскольку авианосцы не зависят от баз, расположенных на территории иностранных государств, они составляют основу сил вмешательства;

— морские десантные силы, насчитывающие несколько десятков десантных и транспортных кораблей, которые могут обеспечить переброску более чем одной дивизии морских пехотинцев со всей их техникой.

Названные части составляют лишь ударные соединения американских сил вмешательства. Для полноты картины к этим силам следует добавить части тактической авиации, благодаря которым силам вмешательства сухопутных войск может быть обеспечена поддержка с воздуха, самолеты-заправщики стратегической авиации, обеспечивающие заправку транспортных самолетов непосредственно в полете, и це-

люю систему средств связи, материально-технического обеспечения и медицинских служб. Весь контингент сил вмешательства может насчитывать приблизительно 600 тыс. человек.

Естественно, необходимость переброски в район Персидского залива дивизии и даже более крупных соединений доказывается с помощью мифа о «советской военной угрозе», который в данном конкретном случае изображается как «угроза советского вторжения в район Персидского залива и захвата нефтепромыслов». Превентивное развертывание СБР освобождает Белый дом от весьма стеснительных конституционных ограничений, установленных конгрессом вскоре после войны во Вьетнаме. Резолюция о прерогативе объявления войны запрещает использование вооруженных сил США без санкции конгресса, но не распространяется на отправку за границу СБР. Президент, таким образом, имеет полную свободу действий.

СИЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Особое место в арсенале необъявленных войн занимают так называемые силы специального назначения. Сфера деятельности этих сил граничит, с одной стороны, с тайными полувоенными операциями, шпионажем, диверсиями, где силы спецназначения смыкаются и действуют рука об руку с агентами ЦРУ, а с другой — с операциями во время войны — объявленной или необъявленной — в тылу противника, террором в отношении гражданского населения и органов управления, «психологической войной», диверсиями против военных объектов. Силы специального назначения занимаются и подготовкой войск региональных сатрапов Вашингтона, охранников различного рода диктаторов.

Являясь важной составной частью инструментария необъявленных войн, силы специального назначения могут применяться наряду и во взаимосвязи с другими средствами внешнеполитического давления: интервенциями регулярных вооруженных сил США; использованием всякого рода подручных — будь то армия Израиля или бандиты из УНИТА в Анголе; «психологической войной»; экономической блокадой.

Но у этих сил есть и свое собственное место на «лестнице эскалации» военно-интервенционистской машины США. Вот что говорится об этом в секретном документе Пентагона — «Директивах в области обороны на 1984—1988 годы», просочившемся в печать в конце мая 1982 года: «США должны... усилить свои специальные силы, с тем чтобы обеспечить возможность демонстрации и использования военной мощи везде, где применение обычных войск кажется преждевременным, неподходящим или невозможным».

Силы специального назначения были созданы в разгар «холодной войны» для подрывных операций в странах социализма в мирное время и для террора, диверсий, «психологической войны» в тылу противника в военное. 10 октября 1951 года конгресс США санкционировал выделение 100 млн. долл.— суммы по тем временам огромной — на финансирование наемников, набранных из «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран, для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей». Понятно, что среди этих лиц преобладали предатели, запятнавшие себя сотрудничеством с фашистами, головорезы из войск Антонеску, Хорти и т. д. Именно из этого отребья, завербованного на деньги, выделенные конгрессом, и выросли силы специального назначения.

Ныне эти силы состоят из ряда подразделений. В армии к силам специального назначения принадлежат «зеленые береты», дислоцирующиеся в основном в Форт-Брэгге. Ныряльщики-диверсанты военно-морского флота, размещенные на базах в Кэмп-Пэндлтоуне, штат Калифорния, и в Куантино, штат Вирджиния, называются «тюленями». Во Флориде на авиабазе Инглэнд находится «специальное оперативное авиакрыло».

Максимальной численности части «зеленых беретов» достигли в годы войны в Индокитае. Тогда в армии их насчитывалось 11,5 тыс. Действия «зеленых беретов» способствовали вползанию США во вьетнамскую авантюру. «Зеленые береты» и их южновьетнамские подручные вписали немало кровавых страниц в летопись этой позорной для США войны. Именно «зеленым беретам» было поручено проведение опе-

рации «Феникс» по «уничтожению коммунистических кадров» в контролируемых силами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама районах. Тут силы специального назначения показали все, на что они способны: карательные операции против мирного населения, массовый террор, уничтожение всех и вся, чтобы запугать южновьетнамцев, заставить их прекратить поддержку НФОЮВ. Только с августа 1968 года до середины 1971 года в результате операции «Феникс» «зелеными беретами», агентами ЦРУ и их южновьетнамскими подручными была уничтожена 41 тыс. человек. В документах сайгонского правительства, не считавшего необходимым скрывать правду (в отличие от Белого дома, который находился под огнем критики со стороны общественного мнения), убитые назывались не «коммунистическими кадрами», как в отчетности Пентагона, а всего лишь «подозреваемыми гражданскими лицами»!

После поражения во Вьетнаме численность сил специального назначения была сокращена. Сказались некоторое уменьшение военных расходов, а также ставшие известными сведения о зверствах «зеленых беретов» во Вьетнаме, что затруднило проталкивание через конгресс средств на их финансирование. Главная же причина ослабления внимания к силам специального назначения была в ином. «Зеленые береты» не смогли осуществить цель, поставленную перед ними, — разрушить изнутри партизанское движение в Индокитае, лишить его руководства и, главное, поддержки населения. Провал «зеленых беретов» явился результатом несостоятельности концепции «контрповстанческих действий». Классовая ограниченность авторов этой концепции не позволила им понять, что народ, поднявшийся на борьбу за свою свободу и независимость, победить нельзя.

С конца 70-х годов нарастание милитаристских настроений в Вашингтоне вновь обострило интерес к силам специального назначения. Это особенно проявилось с приходом в Белый дом Р. Рейгана и его окружения. Именно при этой администрации была принята президентская директива, предусматривающая увеличение сил, предназначенных для борьбы с «террористами». Ныне государственный секретарь Шульц занимается делом малоподходящим для дипломата — говорит о необходимости «упредительных, или превентивных, акций» против «известных террористических

групп», несмотря на очевидно противоправный характер таких мер, не говоря уже о том, что большинство организаций, объявленных Вашингтоном «террористическими», никакого отношения к терроризму не имеют.

Если термин «террористы», как называют в Вашингтоне национально-освободительные силы, заменить словом «повстанцы», а «контртеррористические действия» — «контрповстанческими действиями», то все станет на свои места. Вновь Вашингтон, демонстрируя укороченную классовую ненавистью память, повторяет те же ошибки, за которые он дорого заплатил во Вьетнаме.

Новое, пожалуй, лишь степень убогости мышления. Нынешний хозяин Белого дома, многие деятели из его ближайшего окружения, проводившие значительную часть своей жизни в политической и интеллектуальной провинции, получившие свое внешнеполитическое образование из чтения изданий антикоммунистического толка, похоже, всерьез верят не только в теорию «всемирного коммунистического заговора», заговоры поменьше им мерещатся повсюду. Вместе с тем жупел «угрозы терроризма» нужен администрации для вполне рациональных, с ее точки зрения, целей — для поддержания милитаристской истерии в стране, для оправдания агрессий и насилия в отношении стран развивающегося мира. Но порой создается впечатление, что Белый дом действительно боится мифов, которые сам же создает.

Как же иначе объяснить события, связанные с поисками ФБР и ЦРУ мифической «группы ливийских террористов», собиравшихся якобы напасть на Белый дом? Несмотря на усилия ФБР и ЦРУ, не удалось обнаружить даже следов этих «террористов», но вокруг Белого дома были возведены надолбы, появились сообщения, что на его территории тайно размещены зенитные ракеты, чтобы сбивать любые самолеты, которые будут пролетать над ним, уклонившись от установленных коридоров.

Взяв курс на наращивание военной силы по всем направлениям, нынешнее руководство США пытается не только само забыть уроки провала во Вьетнаме, но и заставить сделать это остальных. Вновь и вновь, как это делали высшие чины Пентагона в годы агрессии против Вьетнама, утверждается, что во Вьетнаме (а недавно — в Ливане) терпит поражение не силовая

политика, а политика, опирающаяся на недостаточную силу. А коль так — надо наращивать силу, тогда станет успешной и политика.

И силу наращивают. Численность сил специального назначения, в частности, планируется увеличить на треть. (В 1983 году эти силы насчитывали 4200 человек в армии — 3600 «зеленых беретов» и 600 «рейнджеров»; 1200 «тюленей» в военно-морском флоте; 3500 человек в «группе специальных действий» ВВС.) Вновь и вновь подтверждается, для чего готовят эти силы. В докладе министра обороны США на 1985 финансовый год их функции были определены так: «военные действия необычного характера, действия против террористов, помощь в области обеспечения безопасности, прямые акции и разведывательные операции». Цели все те же — под «необычными», «прямыми» действиями скрывается массовый террор, убийства, диверсии. Острые преступной стратегии затачивается для новых преступлений.

Создано отдельное командование силами специального назначения со штабом в Форт-Брэгге. Целью перестройки и расширения сил специального назначения армии, флота, ВВС и морской пехоты является, как отмечалось в журнале «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт» от 15 ноября 1982 года, «создание военного инструмента, способного осуществлять вмешательство в локальные войны, укреплять прозападные силы или дестабилизировать режимы, угрожающие интересам США».

Возрождение сил специального назначения началось с фиаско. Президент Картер под давлением правых в своей администрации распорядился совершить 25 апреля 1980 года нападение на Иран с целью освобождения американских заложников, находившихся в Тегеране. При этом американское руководство предпочло не обращать внимания на то, что такая акция, которая должна была проводиться в густонаселенном городе, неизбежно вызвала бы значительные жертвы среди гражданского населения. Охваченное милитаристским зудом, руководство Белого дома сочло возможным не посчитаться с трезвыми голосами, прозвучавшими в его рядах.

Возрождение интереса к силам специального назначения в конце 70-х годов привело к созданию администрацией Картера в начале 1980 года специального вспомогательного разведывательного подразделе-

ления. Остальные американские секретные службы были оставлены в неведении относительно целей, задач и даже самого существования нового ведомства тайных войн. Не исключено, впрочем, что это подразделение было создано с молчаливого согласия конгресса, молчаливого— не столько из-за соображений секретности, сколько из-за нежелания ассоциировать себя с антизаконными, даже по американским меркам, действиями. Ведь с середины 70-х годов тайные подрывные операции против других государств были в результате постуотергейтских разоблачений формально запрещены. А новое подразделение ни для каких иных действий, кроме как для террористических, не предназначалось.

Вспомогательное разведывательное подразделение имело при своем создании бюджет в 2 млн. долл. Сейчас он утроен. Вначале против продолжения его деятельности протестовал директор ЦРУ в администрации Картера С. Тернер, опасавшийся конкуренции. С приходом в Лэнгли его нынешнего главы У. Кейси протесты прекратились, что было связано, вероятно, не только с общим курсом администрации Рейгана на всемерное наращивание потенциала террористических подрывных операций, но и с огромным увеличением потока денег на шпионские и подрывные действия.

Вспомогательное разведывательное подразделение действует в полную силу. Как писала весной 1983 года «Нью-Йорк таймс», это подразделение Пентагона нелегально посылает своих сотрудников с фальшивыми паспортами для шпионажа и подрывных действий за границей. В частности, при посредничестве этого ведомства американское оружие направлялось через Израиль тем военным в Иран, которые, как рассчитывали в Вашингтоне, хотели свергнуть режим Хомейни. Силы специального назначения совместно с ЦРУ организуют и обучают сомосовцев, ведущих войну с территории Гондураса против народа Никарагуа.

Шпиона на территории Никарагуа, эти силы выступают в качестве «наводчиков» для ударов обученных ими и финансируемых американским правительством банд никарагуанских «контрас», мечтающих вернуть народ этой страны под пяту диктатуры, восстановить свои привилегии и власть.

Организационные формы и названия различного рода подразделений специального назначения время от времени меняются, но цель их остается неизмен-

ной — террор, саботаж, убийства, подготовка карателей из местного «материала». Так было во Вьетнаме, это же происходит ныне в Никарагуа, Сальвадоре.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1965 году, говорится, что ни одно государство не имеет права поддерживать, разжигать, финансировать или поощрять подрывные, террористические или вооруженные действия, направленные на свержение правительства другого государства или на вмешательство во внутренние дела любого государства.

Уже то обстоятельство, что Вашингтон не только имеет и увеличивает, но и открыто признает наличие у него сил специального назначения, свидетельствует о том, что он игнорирует нормы международного права, открыто оставляет за собой возможность прибегать к методам терроризма в отношении других государств и народов.

Вновь и вновь бросая вызов международному сообществу, Вашингтон откровенно признает террористическую нацеленность сил специального назначения. «Мы должны возродить, активизировать и укрепить войска специального назначения,— заявляется в одном из последних документов Пентагона,— чтобы демонстрировать мощь Соединенных Штатов там, где применение обычных вооруженных сил было бы преждевременным, неуместным или невозможным».

С восстановлением, как выражается Уайнбергер, сил специального назначения пентагоновские стратеги расширяют набор вариантов подрывной террористической деятельности против неугодных Вашингтону правительств и движений. Теперь в распоряжении Белого дома есть поистине универсальный силовой инструментарий: для малых стран и для больших государств, для поддержки своих марионеток и для устранения «неблагонадежных», для подавления политической оппозиции и для борьбы с революционными силами.

Вот этот набор вариантов.

Наиболее изощренным инструментом вмешательства остаются органы так называемого разведывательного сообщества США. В странах с реакционными режимами эти органы не только собирают информацию, но и проводят «профилактику» революционных движений: обучают местную полицию и спецслужбы, выявляют потенциальные очаги антиамериканских настроений, направляют деятельность

средств массовой информации. Когда речь идет о странах с прогрессивными правительствами, то тут органы разведки особенно активны: они пытаются вызвать раскол среди политического руководства, финансируют политическую оппозицию, снабжают деньгами и оружием различные контрреволюционные группировки. В особых случаях «специалисты» могут получить санкцию на физическое уничтожение «опасного» с точки зрения Белого дома государственного деятеля.

Если действия органов разведки оказываются бесплодными, в игру вступают силы специального назначения. Это уже не «профилактика», а «хирургическое вмешательство». Американские инструкторы из числа «зеленых беретов» непосредственно руководят боевыми действиями контрреволюционных сил, контролируют проведение репрессивных мер против гражданского населения. Одновременно силы специального назначения осуществляют собственные операции — создают склады оружия, охраняют наиболее важные экономические объекты, готовят плацдармы для более широкого вторжения. Эти силы используются и тогда, когда необходимо вызвать экономический хаос в стране путем вывода из строя промышленных предприятий, нарушения линий связи и т. п.

На третьей стадии вмешательства на сцене появляются части американской морской пехоты. Начинается открытая вооруженная интервенция США. Теперь счет идет уже не на тысячи, а на десятки тысяч солдат и офицеров США. В ход пускается не только легкое стрелковое оружие, но и 16-дюймовые орудия американских линкоров и крылатые ракеты. Активно используются штурмовики и танки. Высокая мобильность частей «морской пехоты» позволяет перебрасывать их в короткие сроки в очаги «угрозы интересам США», где они должны быстро справиться с местным правительством, прежде чем оно успеет опомниться и организовать сопротивление.

Если же благоприятный момент упущен и части морской пехоты встречают ожесточенное сопротивление, Пентагон использует свой главный козырь — силы быстрого развертывания. На чашу весов бросаются целые соединения численностью в сотни тысяч человек: воздушно-десантная, воздушно-штурмовая и механизированная дивизии армии США, две бригады сухопутных войск, одиннадцать тактических истреби-

тельных авиакрыльев, две эскадрильи стратегических бомбардировщиков ВВС, одна-две экспедиционные бригады морской пехоты, три авианосные многоцелевые группы. Не исключается и применение тактического ядерного оружия.

Такова лестница эскалации вооруженного вмешательства, созданная в последние годы пентагоновскими стратегами. Сегодня они могут быть довольны — Белый дом уже начал потихоньку осваивать ступеньки этой лестницы. Ступенька первая (подрывная деятельность ЦРУ) — Никарагуа. Ступенька вторая (американские инструкторы) — Сальвадор. Ступеньки третья и четвертая («рейнджеры», морская пехота, воздушный десант) — Гренада, Ливан.

Правящие круги США уже хорошо знакомы с этой лестницей. Двадцать лет назад США начали подниматься по ней в Индокитае. Там тоже все начиналось с подрывной деятельности спецслужб. А кончилось гибелью десятков тысяч американцев, бесславным поражением пятисоттысячного экспедиционного корпуса США, резким падением международного престижа Америки. Так что ступеньки-то оказываются весьма скользкими, а падение с лестницы эскалации далеко не безболезненным.

«ДЖЕНТЛЬМЕНЫ» ИЗ ЛЭНГЛИ

Двухмоторный самолет «Сессна-404», снижаясь над аэродромом имени Сандино возле никарагуанской столицы Манагуа, не реагировал на сигналы с диспетчерской башни. Летчик Аугустин Роман имел на борту бомбы. Они должны были уничтожить военные самолеты, принадлежавшие вооруженным силам Никарагуа. До этого дело, однако, не дошло. Миссия Романа осталась незавершенной. Зенитное орудие сандинистов поразило «Сессну». Летчик погиб под обломками своего самолета.

Еще в начале 1983 года «Сессна» была собственностью американской прокатной фирмы «Инвестэйр лизинг» в Маклине (штат Вирджиния), директор которой с 1966 по 1975 год был в свою очередь директором «Интермаунтен авиэйшн», принадлежавшей Центральному разведывательному управлению. Заместитель директора «Инвестэйр лизинг» тоже был связан с ЦРУ — он состоял на службе знаменитой «Эйр Америка» — еще одной авиатранспортной компании, активно участвовавшей в операциях, связанных с войной во Вьетнаме. Затем «Сессна-404» была продана американцами одной компании в Панаме. Но кто стал ее новым владельцем, не знает даже правительство Панамы.

Как утверждали, эта загадочная машина «должна была доставлять грузы в Коста-Рику». Коста-Рика же служит одним из опорных пунктов «контрас» — противников правительства Никарагуа, финансируемых и организуемых ЦРУ. В настоящее время более 10 тыс. этих контрреволюционеров, во всяком случае косвенно, подчинено директору ЦРУ Уильяму Кейси. Более 400 уже уволившихся на пенсию агентов ЦРУ были недавно снова взяты на службу на основе временных договоров, так как ЦРУ недоставало опытных специалистов по подобного рода военным операциям,

Впрочем, все по порядку.

Итак, маленький городок в штате Вирджиния в двух десятках километров от Вашингтона. Он мог бы служить социально-бытовым фоном для сентиментального романа, какие были в моде в Америке в 20-х годах нашего века. Этот городок называется Лэнгли, и известен он как штаб-квартира Центрального разведывательного управления США, а если коротко — ЦРУ.

Абревиатура ЦРУ стала сегодня такой же привычной, как марка автомобиля или название модной рок-группы. Никогда еще ни одна секретная служба мира не вела подрывные операции столь широкого профиля, ни одна не заслужила столь сильной ненависти в столь многих странах. Формально ЦРУ лишь скромный элемент разведывательного сообщества США, которое включает также Разведывательное управление министерства обороны (РУМО), разведку ВВС, разведку ВМС, разведку армии, Агентство национальной безопасности, разведслужбы государственного департамента, министерства финансов и энергетики, Федеральное бюро расследований (ФБР), Управление по борьбе с распространением наркотиков. Однако именно ЦРУ осуществляет подавляющее большинство тайных операций за рубежом, активно вмешивается во внутреннюю политику независимых государств, координирует деятельность других членов разведывательного сообщества США.

Когда в 1947 году был принят закон о создании ЦРУ, новому ведомству был поручен сбор и анализ разведывательной информации. Но американские джеймсы бонды, особенно после прихода на пост руководителя ЦРУ небезызвестного Аллена Даллеса, быстро дополнили аналитическую деятельность оперативной. А тот факт, что заговоры, организованные ЦРУ в Иране (1953 г.) и Гватемале (1954 г.), завершились, с точки зрения его руководителей, успешно, еще больше подстегнул активность американских «рыцарей плаща и кинжала». Действуя по принципу, согласно которому директор ЦРУ должен «оставить мораль за дверью», Даллес активизировал подрывную деятельность.

Постепенно складывался арсенал средств, применяемых ЦРУ: вербовка шпионов и резидентов, подкуп политических деятелей и должностных лиц за рубежом, финансирование политических партий преиму-

ственно правого толка, поддержка различных «общественных» организаций, включая деловые фирмы, профсоюзы, культурные центры и научно-исследовательские институты, контроль над прессой, экономические диверсии, контакты с организованной преступностью, полувоенные и активные политические операции с целью поддержки или свержения того или иного режима.

На протяжении двух десятилетий в самих Соединенных Штатах о деятельности ЦРУ было почти ничего не известно. Конгресс США был фактически лишен какого-либо доступа к архивам Лэнгли. Более того, государственный департамент и всеильный Пентагон часто узнавали об акциях ЦРУ только после их осуществления. Даже такой катастрофический провал, каким оказалась организованная ЦРУ высадка банды наемников в заливе Кочинос на Кубе в апреле 1961 года, хотя и стоил директорского кресла Аллену Даллесу, ни в коей мере не подорвал высокого статуса американских джеймсов бондов и не изменил методы их действий.

В середине 70-х годов положение ЦРУ, как могло показаться людям, не искушенным в политике, слегка пошатнулось, когда в американской печати были опубликованы откровения ряда бывших работников агентства и достоянием гласности стали весьма неприглядные стороны деятельности этой организации. Выяснилось, в частности, что ЦРУ планировало убийства П. Лумумбы и Ф. Кастро, принимало непосредственное участие в подготовке свержения правительства С. Альенде в Чили, подкупало иностранных политических деятелей и финансировало выборы за границей. Попутно было установлено, что «джентльмены» из Лэнгли грубейшим образом нарушали законы и в самих Соединенных Штатах, лгали конгрессу, манипулировали общественным мнением через газеты, журналы, радио и телевидение, преследовали инакомыслящих, пытались дискредитировать борцов за гражданские права и сторонников прекращения войны во Вьетнаме и даже проводили чудовищные опыты по воздействию различных препаратов на психику человека.

Под воздействием массовых протестов решением конгресса в каждой палате были созданы комиссии, обязанные постоянно контролировать деятельность разведки. Одновременно началась разработка «уста-

ва ЦРУ» — своеобразного кодекса поведения, который бы ясно изложил полномочия органов разведки и ограничения, накладываемые на них.

В кампанию за «обуздание» ЦРУ включился и Белый дом. Президент Картер, афишируя свою неустанную заботу о «правах человека», издал в январе 1978 года специальный указ, формально запрещавший незаконные действия разведки против американских граждан и убийства иностранных руководителей.

Однако, приняв этот указ, руководство США не забывало об интересах разведывательных ведомств. Шаг за шагом ЦРУ освобождалось от контроля со стороны конгресса. Еще при Картере Белый дом присвоил себе право не советоваться с Капитолием по тем аспектам деятельности разведки, которые «имеют отношение к национальной безопасности». А поскольку вопрос о том, идет в данном случае речь о национальной безопасности или нет, решает сам президент, ЦРУ фактически превращается в единоличное орудие Белого дома, не подотчетное конгрессу. Что же касается «устава ЦРУ», то он безнадежно застрял в бюрократических лабиринтах Вашингтона.

В свое время конгресс рекомендовал ЦРУ «ради хорошей репутации США» не вербовать американских преподавателей, журналистов, ученых и священников, работающих за границей. Но этот запрет снят, и ЦРУ вновь привлекает всех, кого захочет.

Что касается администрации Рейгана, то она открыто взяла курс на полную реабилитацию ЦРУ. Еще в ходе президентской кампании 1980 года Р. Рейган неоднократно подчеркивал, что «разведывательное управление должно проводить свои операции более решительно и агрессивно». Как отмечала вскоре после выборов газета «Сан-Франциско икзэминер», «Рейган и его советники рассматривают восстановление роли и возможностей ЦРУ как неотъемлемую составную часть процесса восстановления военной мощи Америки и ее политического влияния». После победы на выборах специальная переходная группа по делам разведки рекомендовала президенту снять ограничения с проведения тайных подрывных операций. Руководитель предвыборной кампании Р. Рейгана У. Кейси получил в награду пост директора ЦРУ. При этом глава центральной разведки был впервые возведен в ранг члена кабинета.

Еще несколько лет назад тайные операции разведуправление должно было предварительно обсуждать в комиссиях конгресса. При Рейгане Белый дом лишь информирует комиссии об уже проведенных операциях. Новый руководитель ЦРУ вообще ни разу не удостоил своим посещением комиссии по разведке. Он даже сократил штат сотрудников управления, занимающегося связями с конгрессом.

Положение в конгрессе тоже существенно изменилось. Сенатор Ф. Черч, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, был обвинен в либерализме и потерпел поражение на выборах. Проиграл выборы и другой либерал — председатель сенатской комиссии по разведке Б. Бай. Его место занял небезызвестный ястреб Б. Голдуотер, отнюдь не склонный чинить препятствия разведывательным органам. Как признал недавно Белый дом, комиссии конгресса по разведке за последние годы ни разу не возразили против тех тайных операций, которые они рассматривали. В конгрессе все чаще высказываются мнения, что внешнеполитические поражения США в 70-х годах якобы результат чрезмерного контроля над деятельностью разведки и что ЦРУ представляет собой «ключ к будущей безопасности США».

В этих условиях в октябре 1981 года президент Рейган подписал исполнительный указ, который еще больше расширил полномочия ЦРУ внутри страны и за границей. Этот указ впервые рекомендует ЦРУ проводить тайные операции не только за рубежом, но и на территории США. По существу решение президента означает санкцию на подрывные акции против прогрессивных общественных организаций, вмешательство разведки в политическую жизнь, преследование радикалов.

Решение Белого дома еще раз продемонстрировало неразрывную связь внешней и внутренней политики. Развязывание рук разведке, раздувание милитаристского психоза и военной истерии в Соединенных Штатах создают реальную угрозу не только международной безопасности, но и политическим правам и свободам миллионов американцев.

Белый дом учредил специальный совет по борьбе с «повстанческой деятельностью» в составе председателя Комитета начальников штабов, заместителей государственного секретаря, представителей ЦРУ, Управления международного развития и других госу-

дарственных органов. Совет вырабатывает общую линию действий и координирует ее проведение всеми заинтересованными ведомствами, руководит подготовкой и засылкой соответствующих «специалистов» в развивающиеся страны. Параллельно осуществляется обширная программа исследования методов оценки политических, экономических, социальных и прочих аспектов развития освободившихся государств.

В составе Совета национальной безопасности сохраняется специальная межведомственная группа по разведке, в которую вошли руководители соответствующих ведомств или их заместители.

Выступая в конце июня 1982 года в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, Р. Рейган заявил, что специальные службы — это «мощное орудие, которым располагает правительство» и которое должно быть использовано в «крестовом походе за свободу», т. е. в борьбе против сил социального прогресса.

С начала 1981 года количество представителей ЦРУ за границей, по некоторым данным, возросло в четыре раза. Официально публикуемый — открытый — бюджет Управления составил в 1981 году около 1,5 млрд., а в 1983 году — уже 2 млрд. долл.

В консультативных центрах по выбору профессий в университетах всегда присутствуют вербовщики ЦРУ. В 1983 году 250 тыс. американцев откликнулись на приглашение ЦРУ. 10 тыс. получили вызов на предварительные беседы, 1500 были приняты на службу, пройдя обязательную проверку с помощью детектора лжи. Хорошими шансами в «фирме» обладают специалисты в области компьютеров и электроники, экономисты, выпускники высших учебных заведений по специальностям политические науки и физика, переводчики и лингвисты.

Оправдывая меры по расширению шпионской и подрывной деятельности, бывший ответственный сотрудник ЦРУ К. Мейер подчеркивал, что возможность дальнейшей «трансформации» политической карты мира может сузить «доступ западного союза к иссякающим природным ресурсам, а также к стратегическим географическим плацдармам», которые «ставятся под угрозу в результате каждого нового достижения» народов, борющихся за свое освобождение.

Вашингтон уделяет особое внимание и тайным подрывным операциям. Такие акции, по его мнению, на определенном политико-стратегическом этапе го-

раздо предпочтительнее, чем открытое вовлечение регулярных вооруженных сил. Мир изменился, и в условиях роста влияния мирового социализма, неприсоединившихся стран на мировую политику использование вооруженных сил для поддержки проамериканских режимов существенно затруднено. Да и не все союзники США в восторге от открытых интервенционистских амбиций Рейгана и его окружения.

Вооруженная интервенция — не самый оптимальный вариант для вашингтонской администрации и по внутриполитическим соображениям. Несмотря на усилия правой американской пропаганды по вытравливанию «вьетнамского синдрома», он все еще оказывает влияние на конгресс и американское общественное мнение. В такой ситуации тайные операции и использование специальных «контрповстанческих» сил представляются вашингтонским стратегам подходящим вариантом.

Подрывные, полувоенные операции ЦРУ можно разделить на два основных типа: акции в поддержку проамериканских режимов и подрывные действия против прогрессивных государств, чей внутриполитический и внешнеполитический курс не устраивает правящие круги США, а также против революционных сил и движений.

Для оценки характера национально-освободительного движения в тех или иных странах специалистами по «контрповстанческим действиям» принят так называемый пятиэтапный план, разработанный корпорацией «РЭНД». Считается, что, если освободительное движение не удастся подавить на первых этапах, позднее это сделать гораздо сложнее.

Особо важно, по мнению «специалистов» из Лэнгли, уловить момент зарождения повстанческого действия. На этой стадии рекомендуется использовать «профилактическую медицину». Пока революционеры не вооружились и не организовались, необходимо последовательно выявлять, арестовывать, сажать в тюрьму, убивать возможных противников проамериканского режима. Для этого требуется неустанное наблюдение полиции и спецслужб за поведением населения, применение современных систем подслушивающих устройств и обработки данных. Нужно осуществлять психологическое воздействие, всячески дискредитируя повстанцев, обвиняя их в связях с «мировым коммунизмом» и т. п. На всех этапах «контрповстан-

ческой деятельности» специалисты ЦРУ считают исключительно важной задачей сужения социальной базы повстанческого движения. Помимо операций «психологической войны» речь идет о косметических квазисоциальных реформах, а также об осуществлении мер по усилению контроля над населением.

На втором этапе, когда национально-освободительное движение организационно укрепляется и переходит к военным действиям против реакционных диктатур, проамериканскому режиму следует, по сценарию ЦРУ, приступить к постоянному контролю над передвижением населения с помощью контрольно-пропускных пунктов на дорогах и введения комендантского часа, перекладывая при этом вину за ограничения на революционеров. Разведывательному сообществу США предписывается на этом этапе всемерно укреплять службу безопасности своей марионетки, оказывая помощь «специалистами» и соответствующей техникой. Параллельно Пентагон и ЦРУ должны сформировать и обучить специальную контрповстанческую часть из состава армии марионеточного режима.

На третьем этапе, по классификации ЦРУ, революционеры стремятся поставить под свой контроль целые районы страны. Повстанцы организуют свои органы власти. В этом случае ЦРУ рекомендует направить в армию антинародного режима максимальное число инструкторов из сил специального назначения США, которые обучают все воинские формирования опекаемой страны методам борьбы с партизанами. Помимо этого специалисты из Лэнгли должны на этом этапе активизировать операции «психологической войны» против партизан и усиливать контроль над населением. На этом этапе для достижения цели быстрого уничтожения повстанческих сил, по мнению американских стратегов, необходимо, чтобы войска проамериканского режима применили весь свой арсенал методов вооруженной борьбы. На практике это означает массовое уничтожение гражданского населения, геноцид.

На четвертом этапе, по схеме ЦРУ, повстанцы переходят к наступательным операциям, ведут тщательно подготовленные сражения в течение длительного времени. Армия проамериканского режима уже не может предотвратить распространение восстания. В этом случае, по сценарию ЦРУ, Вашингтон должен организовать отправку в широких масштабах различ-

ного военного снаряжения на помощь своим марионеткам. В боевые действия должны вводиться целые подразделения американских сил специального назначения. К борьбе против повстанцев привлекаются также войска соседних реакционных режимов. ЦРУ организует массовый набор наемников в других странах.

На последнем, пятом этапе, по определению ЦРУ, партизаны переходят в широкое фронтальное наступление против марионеточного режима. В ситуации, когда этот режим может окончательно рухнуть, Вашингтон должен принять решение о прямой американской интервенции. Когда решение об интервенции принято, проведение военных операций становится обязанностью уже не ЦРУ, а Пентагона.

Иррационализм в мышлении апологетов «контрповстанческой» стратегии заключается прежде всего в том, что, признавая особую значимость социальных и экономических факторов в появлении вооруженной стадии национально-освободительного движения, охватывающего на определенном этапе широкие слои народа, они наперекор всему надеются при помощи «косметических мер» и подрывных операций повернуть историю вспять.

В нынешней «контрповстанческой» доктрине США особое внимание уделяется городскому восстанию. Объясняется это и растущей урбанизацией в развивающихся странах, и тем фактом, что жертвы ужасающей нищеты и безработицы в бидонвиях, расположенных вокруг большинства крупных городов, становятся питательной средой для революционных движений, как это показали события в Иране в 1978—1979 годах.

Во многих освободившихся странах, в первую очередь там, где правят антинародные режимы, растущее городское население так сильно проникнуто оппозиционными настроениями, что стало миной, подложенной под стоящие у власти реакционные правительства. Чтобы предотвратить взрыв, американские стратеги ратуют за создание особых сил, оснащенных специальным вооружением для борьбы против потенциальных повстанцев в условиях городов.

Особая роль в политике Вашингтона отводится тайным подрывным операциям против антиамериканских режимов и правительств, придерживающихся 100 прогрессивной ориентации. В Азии начиная с 1981 го-

да Соединенные Штаты активизировали тайную помощь иранским полувоенным политическим эмигрантским группам с целью объединить в коалицию эмигрантские группы и их тайных сторонников в Иране. По свидетельству журнала «Ньюсуик», ЦРУ сформировало два военных отряда из противников правительства Ирана численностью 8 и 2 тыс. человек. «Поддержка ЦРУ этих двух соединений выражается в миллионах долларов... США также снабжают их оружием... с целью иметь войска, способные вступить в Иран в случае гражданской войны или внутренних волнений...»

В Латинской Америке под особым прицелом администрации Рейгана находится никарагуанская революция. Лживые утверждения, состряпанные ЦРУ, что сандинисты якобы переправляют оружие партизанам Сальвадора, послужили предлогом для объявления тайной войны народу Никарагуа. План такой войны был представлен директором ЦРУ У. Кейси Совету национальной безопасности США 16 ноября 1981 года. 6 декабря 1981 года Рейган дал санкцию на ряд тайных операций с целью запугать сандинистов. Его план включал попытки вызвать раскол среди никарагуанских политических руководителей, оказание финансовой помощи контрреволюционным бандам, устраивающим вылазки в Никарагуа с баз в Гондурасе и Коста-Рике.

В Африке ЦРУ также активизирует свою деятельность. Только в африканском отделе штаб-квартиры ЦРУ занято около 400 сотрудников. Отдел руководит несколькими десятками резидентур, функционирующих под «крышей» посольств и консульств США, а также более чем 40 шпионскими группами в различных странах континента — и в тех, чьи режимы неуютны Вашингтону, и в «дружественных» государствах. Тайные подрывные операции против независимых африканских государств ЦРУ осуществляет совместно с НИС (Национальной информационной службой, т. е. разведкой ЮАР) и полицией безопасности Претории.

Важное место в системе «тайных операций» разведывательного сообщества США занимает индивидуальный террор против видных политических деятелей освободившихся стран. Впрочем, когда речь идет о таких «деликатных» операциях, как физическая ликвидация нежелательных, с точки зрения правящих

кругов США, политических и общественных деятелей, ЦРУ чаще всего действует через посредников — карательные органы реакционных режимов.

Классическим примером такой «посреднической» организации была САВАК — тайная полиция в шахском Иране. Только в 1978 году — последнем году шахского режима — число совершенных САВАК убийств превысило 3 тыс. Людей убивали в тюрьмах, на улицах, устраивали взрывы в их домах и учреждениях. Банды подкупленных головорезов нападали на инакомыслящих и избивали этих людей до полусмерти. Позднее выяснилось, что ЦРУ готовило агентов САВАК в так называемой Международной полицейской академии в Вашингтоне. Напомним, кстати, что послом США в Иране долгое время был Ричард Хелмс — бывший шеф ЦРУ.

В Турции операции ЦРУ в 70-х годах проводились главным образом руками фашистской организации «Серые волки». Число ее жертв к 1980 году достигло 2,5 тыс. человек. В разработанной для нее в ЦРУ инструкции говорилось: «Необходимо проводить акции, которые создают у общественности впечатление, будто они совершены революционерами».

Однако поистине любимым детищем ЦРУ стала ультраправая террористическая организация «Кондор», действующая в Латинской Америке. За время своего существования она уничтожила немало крупных политических деятелей, военных, журналистов, дипломатов, которые были неуютны Вашингтону и его подручным в Латинской Америке.

В 1974 году в Буэнос-Айресе было совершено убийство бывшего главнокомандующего сухопутными войсками чилийской армии Карлоса Пратса, способного возглавить прогрессивную коалицию в борьбе против хунты Пиночета.

В том же году в Париже был убит бывший глава уругвайской военной разведки полковник Рамон Трималь. Незадолго до смерти он говорил о своих симпатиях к апрельской революции 1974 года в Португалии и заявлял о том, что нечто подобное должно произойти и в Уругвае.

В длинном списке убитых по политическим мотивам значится генерал Хуан Хосе Торрес. Он занимал пост президента Боливии в 1970—1971 годах. 3 июня 1976 года в Буэнос-Айресе был обнаружен его труп.

102 Генерал Торрес пытался провести в Боливии прогрес-

сивные реформы, но был свергнут в результате кровавого переворота. Такая же участь постигла генерала Сентено Анайго. Его убили в Париже в мае того же года.

В сентябре 1976 года в Вашингтоне произошел взрыв в автомобиле бывшего чилийского министра иностранных дел Орландо Летельера. Вместе с ним погибла американская гражданка Рони Моффит. Ее муж был тяжело ранен. Судебным властям Вашингтона под давлением общественности пришлось начать расследование. В конце концов стало известно, что Летельер погиб в результате заговора ультраправой террористической организации «Кондор».

«Кондор» появился на свет в середине 70-х годов, когда шесть латиноамериканских военных диктатур «южного конуса» заключили между собой соглашение о проведении террористических операций против общих врагов. У колыбели «Кондора» стоял тогдашний заместитель директора ЦРУ США Вернон Уолтерс, ныне старший советник госдепартамента в ранге посла. Не без участия Уолтерса главе чилийских секретных служб Контрерасу удалось сколотить синдикат убийц и разместить его штаб-квартиру в Чили.

В Соединенных Штатах филиал «Кондора» располагался в Майами, традиционном месте концентрации латиноамериканских эмигрантов. Именно они составляют ударный костяк корпорации убийц, носящей название андского стервятника с голым черепом.

В смычку с «Кондором» вступила парагвайская диктатура. В ознаменование этого события тогдашний начальник парагвайской военной разведки полковник Бенито Гуанес получил от своего «коллеги» Контрераса памятную бронзовую медаль с надписью: «В память о присоединении Парагвая к операции «Кондор», июль 1976 года». Накануне этого «присоединения» в Парагвае были выслежены и похищены члены руководства Компартии Парагвая Мигель Анхель Солер и Дерлис Вильягра. Они «исчезли» в стресснеровских застенках. Доказана причастность «Кондора» к преследованиям парагвайских эмигрантов. Членами «Кондора» было осуществлено похищение в Буэнос-Айресе в августе 1980 года Первого секретаря Парагвайской коммунистической партии Антонио Майданы и члена руководства партии Эмилио Роа.

«Кондор» пустил глубокие корни и в Центральной Америке. Первым серьезным сигналом явилось убийство сальвадорского архиепископа Ромеро. Затем появились новые свидетельства. Так, в декабре 1979 года из уругвайской контрразведки дезертировал ее сотрудник Вальтер Ривас. Он бежал в Бразилию и там в середине 1980 года устроил пресс-конференцию, на которой рассказал о связях служб безопасности учредителей «Кондора» с центральноамериканскими диктатурами.

Международный бандитизм латиноамериканской реакции и ее покровителей из Соединенных Штатов продолжается с неослабевающей силой. После прихода к власти администрации Рейгана операции с целью физического уничтожения неугодных США руководителей освободившихся стран и национально-освободительных движений участились. В результате странных воздушных происшествий погибли президент Эквадора Хайме Рольдос, руководитель Панамы Омар Торрихос, военные сандинистские руководители Никарагуа. Американская печать сообщила о попытках ЦРУ уничтожить Генерального секретаря Маврикийского боевого движения П. Беранже.

ЦРУ планировало организовать покушение на лидера ливийской революции М. Каддафи. Эта операция получила весьма широкий резонанс в Соединенных Штатах. В печати то и дело появлялись различные варианты сценария «устранения» Каддафи. Характерно, что на всех пресс-конференциях высокопоставленные деятели администрации Рейгана попросту отказывались отвечать на вопросы журналистов на эту тему. Эта формула означает, что американское правительство даже формально не опровергло существование подобных планов.

ЦРУ стало символом аморальности внешней политики Вашингтона, полного пренебрежения к интересам и законным правам независимых государств, готовности использовать любые средства для достижения узкокорыстных политических целей.

УБИЙЦЫ НА ЭКСПОРТ

Английский король Георг III был, по свидетельству историков, человеком слабым и нерешительным.

104 Когда североамериканские колонии восстали против

британского владычества, он не смог собрать достаточно многочисленный экспедиционный корпус и решил прибегнуть к помощи наемников. Российская императрица Екатерина II отвергла настойчивую просьбу короля продать ему 20 тыс. казаков, однако во владениях германских князьков Георгу удалось закупить более 30 тыс. солдат, главным образом гессенцев. Эта сделка обошлась Англии в 4,7 млн. фунтов.

Германские наемники быстро снискали недобрую славу в Новом Свете невиданной жестокостью и склонностью к грабежам. В специальной прокламации, принятой конгрессом США сразу же после утверждения Декларации независимости, с гневом осуждались наемники, которые «нарушают все христианские и моральные принципы, вторгнувшись в чужую страну и уничтожая тех, кто не причинил им ни малейшего вреда».

А главнокомандующий американской армией Джордж Вашингтон, категорически запрещая своим солдатам притеснять мирное население, подчеркивал, что «человечность и вежливость к женщинам и детям будут отличать смелых американцев, сражающихся за свободу, от презренных наемных разбойников, как англичан, так и гессенцев».

Впоследствии в Соединенных Штатах были приняты специальные законы, предусматривающие тюремное заключение и денежный штраф за вербовку наемников на территории США и за вступление американцев в ряды наемников. Более того, гражданам США было запрещено сражаться под флагом других стран даже по идейным соображениям.

Казалось бы, собственный исторический опыт и законодательные гарантии должны навсегда пресечь в США такое позорное явление, как наемничество. Тем не менее именно Соединенные Штаты прочно удерживают первое место по экспорту платных убийц и террористов.

«Ищу работу в качестве наемника; согласен на работу полный рабочий день или неполный рабочий день в любом районе мира. Тэрнсвил, штат Нью-Джерси».

«Бывший связист американской армии — специалист по системам Морзе ищет работу в качестве наемника. Грег Ковертон, Элктон, Мэрилэнд».

«Мэш, 30 лет, десять лет прослужил в морской 105

пехоте; ищут работу в качестве наемника, желательно в отдаленных районах. Фэрбэнкс, штат Арканзас».

«Предлагаю свои услуги в качестве наемника. Если работа опасная, требуется хорошо оплачивать. Джон Чэпел Хилл, Северная Каролина».

«Бывший солдат морской пехоты (Вьетнам, 1966—1969 годы) хотел бы служить в отряде наемников».

«Женщина 28 лет, умеющая держать язык за зубами, с твердым характером, владеющая сложным оружием, предлагает свои услуги в качестве наемника. Мисс К. Холмс, Джерси-Сити, штат Нью-Джерси».

«Специальные услуги: наемники, вооруженные курьеры, телохранители, подпольные операции, налеты, любые рискованные миссии. Мы — профессионалы, готовые служить вам. Пейнтер, Рокфорд, штат Иллинойс».

Это лишь небольшая часть платных объявлений из одного номера американского журнала «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»), который можно смело назвать официальным органом наемников в США. Этот ежемесячник создал ассоциации, которые собирают финансовые средства для тех, кто хочет сражаться в Афганистане, Никарагуа или Индокитае. Большинство сотрудников журнала — бывшие участники войны во Вьетнаме, которые в 1981 году публиковали «фронтовые репортажи» из Южной Африки, Анголы, Сальвадора, Ливана, Пакистана, Гондураса, Гватемалы, Марокко, Таиланда.

Журнал «Солджер оф форчун» начал выходить в свет в 1975 году, и сейчас его тираж достигает 210 тыс. экземпляров; ежегодный доход — 4 400 тыс. долл.

В Техасе и Колорадо, в Джорджии и Флориде открыто действуют конторы по вербовке «солдат удачи». Процветают и компании по обучению наемников, такие, как «Феникс ассошиэйтс» и «Омега компани». Ежегодно проводятся общенациональные слеты наемников, на которых «солдаты удачи» обмениваются опытом, формируют боевые группы, повышают свою квалификацию убийц.

О том, что наемники вольготно чувствуют себя на американской территории, свидетельствует и вполне легальное существование в разных точках Соединенных Штатов своеобразных «учебных центров» по подготовке «диких гусей», как нередко называют на-

емников. Любопытное описание одного из таких «учебных центров» дал итальянский журналист Альберто Негрин, побывавший в штаб-квартире организации наемников «Кобры».

Альберто Негрин пишет: «От Джима Хаугэна, журналиста, уже много лет проявляющего интерес к секретным службам, я узнал о «Кобрах», военизированной организации, возглавляемой Митчем Уэрбеллом, опасным и загадочным бывшим офицером американской армии, замешанным в десятках «грязных дел» — от вооруженных операций в Южной Америке и до «полицейских» операций, совершенных по поручению крупных транснациональных компаний. Не так-то легко было добиться от Уэрбелла, человека недоверчивого и агрессивного, согласия на интервью. Тем не менее неделю спустя мы уже находились в самом центре американского Юга, примерно в 200 километрах от Атланты, столицы Джорджии... После долгого пути мы наконец прибыли на место: калитка, над которой развевается американский флаг и второй флаг с двумя змеями — черной и желтой — и надписью «Кобры». Мы у входа в царство Уэрбелла. Вся зона ограждена колючей проволокой; металлическая калитка — наглухо закрыта. Мы сообщаем о нашем прибытии по видеопереговорному устройству, и калитка открывается перед нами. В глубине аллеи — большой особняк в неоклассическом стиле.

Митч Уэрбелл — плотный, коренастый человек; на нем военный мундир и берет, на груди — несколько орденов; во рту — всегда дымящаяся сигара. Он принимает нас в комнате, стены которой увешаны кинжалами, саблями, копьями, винтовками и пистолетами: настоящей военной музей. После беседы мы осмотрели лагерь. Его общая площадь 5 гектаров. Здесь представлены все ландшафты — джунгли, ручейки, песчаные дюны. Из кустарника вдруг выскочила группа людей в мундирах: вооруженные автоматами и кинжалами, они имитируют засаду. Неподалеку упражняются в стрельбе из винтовок с оптическим прицелом, а рядом с нами проезжают джипы с «солдатами» на борту. В общем, самая настоящая «военная база», где можно увидеть даже несколько женщин и пожилых мужчин в стальных шлемах и боевых комбинезонах...»

Конечно, современный американский наемник — это не какой-нибудь полуграмотный гессенский сол-

дафон XVIII века, задавленный невежеством и палочной муштрой. Большинство нынешних «солдат удачи» — люди опытные, повидавшие мир и знающие себе цену. Одни служили в морской пехоте США и набирались опыта в джунглях Индокитая. Другие работали полицейскими и поднаторели в разгоне демонстраций и стычках с бунтующими студентами в самих США. Попадают, конечно, и откровенные уголовники, решившие сменить обстановку и на время исчезнуть из Соединенных Штатов.

Если бы Георгу III пришлось покупать наемников по нынешним ценам, британское казначейство вылетело бы в трубу. «Тариф» за операции на территориях заморских стран составляет в среднем 4 тыс. долл. в день для каждого участника операции (транспортные расходы оплачиваются отдельно). Конечно, оптовому покупателю может быть предоставлена скидка в одну-другую сотню долларов за человеко-день наемного убийцы, но все же даже самые богатые африканские и латиноамериканские диктаторы вынуждены ограничивать свои аппетиты.

Впрочем, неумная страсть к звонкой монете не мешает наемникам разглагольствовать о своих «идейных» принципах. Например, о необходимости неустанной борьбы против коммунизма: «Мне нравится убивать коммунистов. Я считаю, что это справедливо: коммунизм угрожает отбросить мир назад. И я готов сражаться против него в одиночку» (Уильям Лакетт, бывший подполковник военно-воздушных сил США). Или о патриотизме: «Единственное, что меня интересует,— это Соединенные Штаты. Остальные страны для меня ничего не значат, если только они не будут равняться на нас, на нашу политику, на наше мировоззрение. Я считаю, что, поскольку США — самая сильная страна, мы должны управлять миром, а не предоставлять это делать другим» (Митч Уэрбелл, глава военизированной организации наемников «Кобры»).

Современные американские наемники — это специалисты весьма широкого профиля. Они могут составить командный костяк личной гвардии реакционного диктатора. Образовать «частную армию» американской транснациональной корпорации. Организовать государственный переворот в небольшой стране. Проводить «дестабилизацию» пограничных районов освобожденной страны. Обучать и направлять

вооруженные банды сепаратистов. Обеспечить подпольные поставки оружия или охранять перевозку наркотиков.

По широте спектра своих террористических операций наемники могут сравниться лишь с одной организацией в мире — Центральным разведывательным управлением. Специалисты из Лэнгли знают толки и в «мероприятиях по дестабилизации», и в подготовке диверсионных банд, и в государственных переворотах. Правда, они получают деньги не от иностранных диктаторов, а от правительства США и действуют под сенью звездно-полосатого флага. Но суть дела от этого не меняется: вмешательство остается вмешательством, а терроризм — терроризмом.

Можно было бы предположить, что между сотрудниками ЦРУ и «солдатами удачи», учитывая их сходную квалификацию, идет острая конкуренция. Однако это не так. Наемники являются очень важным дополнением американских спецслужб: будучи частными лицами, они готовы взяться за такую грязную работу, на которую официальные ведомства не могут решиться. Центральному разведывательному управлению при всей его независимости и бесконтрольности все же приходится оглядываться на общественность, средства массовой информации, государственные законы и т. п. Наемникам на все это наплевать. Как откровенно говорил тот же Уэрбелл о своих связях с ЦРУ и другими спецслужбами, «они нуждаются в нас, а мы в них. У государственных секретных служб руки связаны обычаями и законами. Нам же может помешать разве что противник, с которым мы ведем борьбу. В общем мы свободнее можем делать то, чего они делать не могут».

Разумеется, ЦРУ оказывает поддержку «солдатам удачи» — снабжает их оружием, нужной информацией, деньгами. Но делает это тайно, через подставных лиц. В случае провала террористической операции от действий наемников можно легко отмежеваться, а в случае успеха их усилия можно поддержать, пустив в ход свои инструменты вмешательства.

Поэтому федеральное законодательство, запрещающее наемничество, существует лишь на бумаге. Ни один американский наемник не попал на скамью подсудимых. Не удивительно, что Соединенные Штаты уже много лет блокируют принятие междуна-

родных соглашений, направленных против вербовки, обучения, финансирования и перевозки наемников.

Напомним, что ООН неоднократно в своих резолюциях решительно осуждала практику наемничества. В дополнительных протоколах к Женевским конвенциям 1949 года, принятых в 1977 году после долгих дискуссий и проволочек, вызванных obstructивной позицией Соединенных Штатов и некоторых других западных держав, было наконец дано определение понятия «наемник». Согласно этому определению, наемником может быть любой человек:

— который движим в основном желанием заработать деньги и которому обещана компенсация, значительно превосходящая сумму, выплачиваемую солдатам или офицерам в вооруженных силах данного государства;

— который не является гражданином страны, участвующей в конфликте, и не проживает на территории, находящейся под контролем страны, захватившей его;

— не состоит членом регулярных вооруженных сил страны, участвующей в конфликте;

— не направлен государством, которое не является непосредственным участником конфликта, для выполнения официальной обязанности в качестве члена его вооруженных сил.

ООН не рассматривает наемников в качестве военнослужащих регулярной армии, на них не распространяется международная конвенция о военнопленных. Современное международное право определяет наемников как военных преступников. Это определение полностью соответствует и характеру их деятельности, заключающейся в вооруженных провокациях, грабежах и насилиях, актах саботажа и диверсиях.

Однако, для того чтобы в корне пресечь наемничество, вне закона должны быть поставлены не только сами наемники, но и те, кто организует их подготовку, транспортировку и пользуется их услугами. Но именно против этого и выступают Соединенные Штаты, явно не желая лишаться такого удобного и испытанного орудия необъявленных войн. Что же касается аргументации, то официальный Вашингтон прибегает к поистине чудовищному фарисейству: утверждает, что правительство США не может противодействовать деятельности организаций наемников на территории Америки, поскольку, дескать, это оз-

начало бы «нарушение свобод личности». Иными словами, право на подготовку и осуществление убийства, как считают вашингтонские юристы, является одним из неотъемлемых прав американцев.

Кстати, ради защиты прав наемников американские власти готовы пойти и на некоторые отступления от норм внутреннего законодательства США. Например, по закону на владение автоматическим оружием требуется специальная лицензия федеральных властей. Однако власти США демонстративно не замечают того, что автоматы и пулеметы активно используются в лагерях для подготовки платных убийц. В американской печати неоднократно мелькали сообщения о том, что из-за ожесточенной стрельбы на «базах» наемников в ближайших поселках ночью невозможно заснуть. Тем не менее жалобы жителей остаются без ответа — местные власти отнюдь не намерены портить отношения с всемогущим ЦРУ, незримо стоящим за спиной наемников.

В ЦРУ знают, кому оказывают покровительство: ведь география операций наемников удивительным образом совпадает с «районами кризисов» американской внешней политики.

В ноябре 1981 года наемники попытались свергнуть антиимпериалистическое правительство Альберта Рене в Республике Сейшельские Острова. Главарь наемников Майкл Хор завербовал их на деньги ЦРУ и разведки ЮАР.

Наемники используются Преторией, при содействии ЦРУ, против «прифронтовых» государств Южной Африки. В Намибии и против Анголы действует батальон наемников «Буффало». Его главарь — американский ветеран войн в Конго и Вьетнаме полковник Карпентер.

Один из захваченных в плен в Анголе наемников признался: «Мы уничтожали все на своем пути. Мы сровняли с землей деревни, школы, больницы. Мы убили много людей и скота. Мы получили весьма точные инструкции нападать и разрушать все, что встретится нам на пути... Мы грабили школы и больницы, чтобы вывезти оборудование на наши базы в Намибии».

Контрреволюционная группировка УНИТА в Анголе пользуется широкой поддержкой «Буффало». Каждый раз, когда УНИТА попадает в затруднительное положение, ее марионеточное руководство

вступает в контакт с южноафриканской военной разведкой и просит помощи, после чего подготавливаются совместные операции солдат УНИТА и батальона «Буффало». Наемники доставляют на базы УНИТА различные инструкции и директивы, работают инструкторами.

Известно также, что наемники принимают участие в необъявленной войне, развязанной американским империализмом против афганского народа. На территории Пакистана, куда после крушения шахского режима была перенесена из Ирана региональная штаб-квартира ЦРУ, создано свыше 100 опорных центров по подготовке банд для вторжения в Афганистан, крупные склады американского оружия.

Американский философ Джордж Сантаяна как-то мудро заметил, что тому, кто забывает уроки истории, она преподносит их еще раз. Участь гессенцев на Американском континенте оказалась бесславной и плачевной — большинство из них погибли или оказались в плену и лишь очень немногим удалось вернуться на родину. Сегодня, спустя двести лет, американских наемников на территории других континентов неизбежно ждет столь же бесславная судьба.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ИМПЕРИАЛИЗМА

Население — около 14 млн. человек, в основном квалифицированные рабочие.

Экономика — высокоразвитая, с преобладанием отраслей, определяющих технический прогресс. Более 80 тыс. современных предприятий в области электроники, нефтехимии, металлургии, автомобилестроения. Валовой национальный продукт — 800 млрд. долл. в год.

Форма правления — централизованная диктатура. Все основные решения принимаются правящей верхушкой, профсоюзы преследуются, политическая оппозиция жестоко подавляется.

Такова краткая характеристика страны, которую нельзя найти ни на одной карте мира, но которая оказывает весьма существенное влияние на экономические, социальные, да и политические процессы на

Эта страна — огромная империя американских транснациональных корпораций (ТНК). Только за последние десять лет масштабы деятельности транснациональных корпораций США возросли более чем вдвое, а обороты пятидесяти ведущих гигантов — почти в 5 раз. Зарубежные филиалы американских ТНК обосновались почти в ста пятидесяти странах мира, а объем производимой ими продукции составляет больше трети объема производства США. ТНК превратились в главных поставщиков сырья и топлива в экономически развитые капиталистические страны и одновременно в главных поставщиков современной техники в развивающиеся государства. ТНК контролируют более половины товарооборота не социалистического мира, весьма значительную часть мирового экспорта капитала.

Какое влияние оказывают международные монополии на политические процессы, протекающие в мире? Каково их отношение к международным конфликтам, к развитию сотрудничества между различными странами и народами?

Апологеты большого бизнеса утверждают, что ТНК кровно заинтересованы в стабилизации международных отношений, расширении сотрудничества и контактов, а следовательно, не имеют никакого отношения к интервенционистским акциям Вашингтона. Только в условиях мира и свободы торговли, твердят они, ТНК могут увеличивать свои прибыли, расширять рынки сбыта и обеспечивать экономический рост.

Некоторые поклонники ТНК идут еще дальше: именно транснациональные корпорации, заявляют они, и есть та сила, которая может спасти человечество от ужасов термоядерной войны. Если сверхгигантские американские концерны будут представлены во всех без исключения странах, не без оптимизма утверждают они, война станет невозможной, так как бомбардировки поставщиков, покупателей и сотрудников одной и той же фирмы будут считаться недопустимыми. Кроме того, ТНК смогут эффективно примирять интересы отдельных государств с интересами всего человечества как единого целого и будут способствовать формированию так называемой транснациональной элиты, объединенной общей, «глобальной идеологией», свободной от национальных предпочтений и предрассудков.

Такую заманчивую перспективу рисуют доверчивому человеку искусные манипуляторы общественным сознанием. Но так ли уж она реальна? Да, ТНК заинтересованы в определенной стабильности международных отношений. Это позволяло бы им вести свои операции без особого политического риска. Например, расширение деловых связей американских ТНК со странами социализма в первой половине 70-х годов способствовало улучшению и межгосударственных отношений между странами, представляющими различные социальные системы. Известно также, что в последние годы ТНК нередко выступали против различных «санкций», применяемых Вашингтоном против ряда социалистических и развивающихся стран. Руководители ТНК справедливо указывали, что эти «санкции» не приносят никаких положительных результатов; они ведут к потере выгодных заказов, подрывают доверие к американскому бизнесу, который и без того находится не в лучшем положении из-за усиливающейся конкуренции западноевропейских и японских фирм.

Признавая все эти факты, нельзя не учитывать и другую сторону дела — международные монополии являются главными производителями и экспортерами оружия в капиталистическом мире. В начале 80-х годов в капиталистических странах ежегодно продавалось оружия на 120 млрд. долл. Только развивающиеся государства платят каждый год за оружие около 20 млрд. долл., что равно объему всей экономической помощи Запада освобожденным странам. Причем ни для кого не секрет, что эти деньги идут в сейфы тех же крупнейших ТНК, которые являются и ведущими производителями вооружений. Накопление огромных запасов оружия во взрывоопасных районах мира в свою очередь нередко способствует обострению напряженности и даже вспышкам военных действий.

Особую опасность несет с собой сотрудничество монополий США с самыми реакционными и агрессивными режимами, представляющими непосредственную угрозу для соседних с ними стран. Так, американские, а также французские, западногерманские и израильские корпорации в последние годы фактически полностью перевооружили армию ЮАР, снабдили эту страну лицензиями на производство новейших видов оружия, помогли ей создать научно-промыш-

ленный потенциал, достаточный для разработки собственного ядерного оружия. Иными словами, международный бизнес несет прямую ответственность за непрекращающиеся провокации ЮАР на южных границах Анголы и Мозамбика.

Обуреваемые страстью к получению максимальной прибыли, ТНК готовы идти подчас на самые крайние меры, чтобы оградить свои интересы. Они участвуют в формировании, вооружении и финансировании отрядов контрреволюции, действующих на границах молодых освободившихся государств, замешаны в государственных переворотах и попытках мятежей, разжигают национальные, межплеменные и религиозные противоречия.

Крупнейшие ТНК располагают своим собственным аппаратом насилия, в состав которого входят полиция и разведка. Так, разведывательный бюджет «Дженерал моторс», например, равен бюджету службы безопасности Франции.

Методы прямого вмешательства ТНК во внутренние дела иностранных государств чрезвычайно редко становятся достоянием гласности. Но после сенсационного разоблачения в начале 70-х годов заговорщической деятельности «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ) и ряда других американских ТНК против правительства Сальвадора Альенде стали известны многие факты, вскрывающие механизмы и формы внешнеполитической деятельности ТНК.

Сначала ИТТ пыталась помешать приходу к власти правительства Народного единства, когда же это не удалось, стала добиваться его свержения и возвращения корпорации 200 млн. долл. инвестиций, национализированных правительством Альенде.

В недрах корпорации был составлен меморандум, представлявший собой программу подрыва чилийской экономики, дестабилизации политической и социальной обстановки в стране.

В целях создания экономического хаоса в Чили, в частности, планировалось оказывать давление на международные финансовые учреждения, с тем чтобы они «продолжали кредитные ограничения... которые уже ввел Экспортно-импортный банк США»; «постепенно заставить крупнейшие американские банки сделать то же самое»; «договориться с иностранными банками, имея в виду это же»; «прекратить на шесть месяцев закупку меди у Чили. Вместо этого испол-

зовать запасы, имеющиеся в США, создать в Чили недостаток американских долларов». Предлагалось также добиться прекращения всех программ помощи со стороны США и международных агентств, урезать экспорт из Чили в США в целом и прервать поставки из США особо важных для Чили товаров.

План ИТТ был нацелен на возбуждение в Чили недовольства средних слоев, размывание социальной базы правительства Народного единства, т. е. на создание в стране ситуации, в которой правительство Сальвадора Альенде уступило бы власть правым.

Корпорация пыталась привлечь к подрывной деятельности против законного правительства и ЦРУ — она предложила этому агентству миллион долларов. ЦРУ отказалось от денег, опасаясь, видимо, огласки, но, как показали в дальнейшем разоблачения его деятельности, активно включилось в подготовку военного переворота в Чили и во многом способствовало приходу к власти фашистского режима Пиночета.

Усиление трудностей неугодного правительства с помощью элементов экономической блокады — оттока капиталовложений, создания искусственной нехватки валюты, необходимых товаров, увеличения безработицы и т. д. — является одним из наиболее распространенных методов политической деятельности транснациональных корпораций.

Такие методы применялись не только против Чили. Во многом сходную политику вели некоторые ТНК и в Португалии в конце 1975 — начале 1976 года. Дочерние предприятия той же ИТТ, американской корпорации «Таймекс», канадской «Конлуш» и ряда других монополий свертывали или сокращали производство, увольняли тысячи рабочих, увеличивая тем самым безработицу.

Аналогичным образом поступали ТНК и в Нигерии, когда правительство этой страны приняло закон, ограничивающий долю иностранцев во владении предприятиями 45 процентами. ТНК также стали свертывать свою деятельность. Сократили производство «Мобил», «Галф ойл», «Шелл-Бритиш петролеум», приостановили свою деятельность «Джэпэн петролеум трейдинг компани», западногерманский концерн «Демирекс».

На протяжении всего послевоенного времени правящие круги США, понимая растущую роль ТНК как

внешнеполитического актива и проводника политического курса Соединенных Штатов, стремятся укрепить позиции транснациональных корпораций.

Транснациональные корпорации получают выигрывают не только от прямого военно-силового давления Вашингтона на отдельные страны (хотя оно и весьма существенно в ряде случаев), но и от общего силового «фона», созданного американской гегемонистской политикой. Этот «фон» — постоянно существующая угроза военных акций США против режимов, которые считаются «антиамериканскими», — должен делать страны несоциалистического мира более «гостеприимными» по отношению к американскому капиталу, «удорожая психологическую цену» любой акции, направленной на его ограничение.

В то же время Соединенные Штаты Америки не отказывались от военной поддержки ТНК. Подрывные акции США в зоне развивающихся стран всегда определялись интересами американских транснациональных корпораций.

В Иране свержение М. Мосаддыка в 1953 году наряду с акциями по вытеснению западноевропейских конкурентов открыло эту страну для американских монополий. В Гватемале, где были поставлены под угрозу значительные американские инвестиции (101 млн. долл.), принадлежавшие в основном наиболее влиятельной в те годы «Юнайтед фрут компани», в 1954 году наемники ЦРУ при поддержке авиации США свергли законного президента республики Х. Арбенса.

Вторжение в Ливан в 1958 году рассматривалось Вашингтоном в контексте поддержки позиций американских нефтяных монополий на Ближнем Востоке и противостояния росту антиимпериалистических сил в этом регионе. На Кубе, являющейся постоянным объектом деятельности американских спецслужб, в результате социалистической революции были экспропрированы огромные капиталовложения — почти 2 млрд. долл. Довольно значительными были инвестиции американских компаний в Доминиканской Республике, куда американские войска вторглись в 1965 году.

В 70-х годах зарубежная инвестиционная экспансия американских корпораций продолжалась ускоренными темпами. Американский правящий класс в целом и особенно хозяева крупнейших американских 117

транснациональных корпораций, владеющих основной частью прямых зарубежных инвестиций, оказались в огромной степени зависимыми от функционирования своей зарубежной империи, которая приобрела для них почти такое же значение, как и их американские владения. Угрозы этой империи стали восприниматься монополистическим капиталом США, хозяевами и руководителями ТНК практически так же, как и угрозы самим Соединенным Штатам, а интерес к ее защите и расширению приобретал для могущественнейших группировок правящего класса США характер стратегический.

Многолетняя экспансия американского капитала привела к увеличению экономической зависимости от внешнего мира хозяйственного механизма США. В результате в 70-х годах Соединенные Штаты от полуавтаркии 40-х, 50-х и 60-х годов перешли на позиции так называемой взаимозависимости. В то же время серьезно ослабили внешнеполитические возможности США, что было связано прежде всего с общим изменением соотношения сил в пользу мирового социализма и национально-освободительного движения. 70-е годы были временем, когда эра американской гегемонии в несоциалистическом мире кончилась.

Американские ТНК, хотя и продолжали расширять свою зарубежную империю, уступали одну позицию за другой западноевропейским и японским конкурентам, которые вели внешнюю экспансию опережающими темпами, получали активную поддержку от своих правительств и не встречали той настороженности, с какой относились к США во многих странах мира. Например, на весьма прибыльном и быстро расширяющемся ближневосточном рынке, где в 50-х и 60-х годах американские монополии занимали преобладающие позиции, объем контрактов на строительство, переданных в 1979 году американским ТНК, составил менее двух процентов стоимости всех контрактов по сравнению с 10 процентами в середине 70-х годов.

На позиции американских ТНК повсеместно наступали не только капиталистические конкуренты. Антинеоколониальная трансформация развивающегося мира, усилившаяся в 70-х годах, сделала положение американских монополий гораздо более неустойчивым, чем прежде.

привела к тому, что в 70-х годах их доля в мировом промышленном производстве достигла почти 10 процентов, а это означало, что освободившиеся страны становятся потенциально самым динамично развивающимся рынком для сбыта товаров и сферой приложения капитала.

Но чтобы потенциальные возможности превратились в реальность, монополиям необходима политическая стабильность, вернее, статус-кво на капиталистической основе, отсутствие национально-освободительных войн, революций, экспроприаций. Этой «стабильности» американские монополии лишились, что было воспринято с типичной для империализма реакцией, как следствие военно-политического «отступления», недостаточной «решительности» в использовании американской мощи.

Хозяева американских транснациональных корпораций были крайне недовольны ослаблением военно-силового «фона», облегчавшего их экспансию в 50-х и 60-х годах. Действие «вьетнамского синдрома», сузившиеся возможности для применения военной силы в 70-х годах совпали с ослаблением позиций американских ТНК на мировой арене. «Отход Америки от политики глобального активизма развивался параллельно с тенденциями, делающими американские зарубежные инвестиции более рискованными и менее выгодными», — писал журнал американских деловых кругов «Бизнес уик».

«Власть идет рука об руку с присутствием, — заявлял П. К. Робертс, один из редакторов главной газеты делового мира США «Уолл-стрит джорнэл», позднее ставший помощником министра финансов в администрации Рейгана. — Поскольку уменьшается наше заграничное присутствие, уменьшается и наша власть». Подобные идеи подталкивали американское правительство к более активной силовой политике, более жесткому противостоянию Советскому Союзу.

Американский международный бизнес проявляет ностальгию по былым временам, когда США имели бесспорное лидерство в капиталистическом мире и их военная мощь надежно защищала интересы деловых кругов. «В довьетнамские годы можно было посмотреть на какую-нибудь часть карты, сказать «это наша» и инвестировать в этот регион, не опасаясь ни за что, — сокрушался глава ближневосточного отделения одного из крупнейших американских банков, не по- 119

желавший, чтобы его имя было названо, — теперь же ситуация изменилась, как с такой ужасающей ясностью показал Иран. Американские инвестиции за рубежом будут расти гораздо медленнее, пока мы не сможем определить новые границы нашего мира».

Особую роль в усилении среди американского монополистического бизнеса ностальгии по временам «холодной войны» сыграло свержение шахского режима в Иране. «Ошеломленные своими сегодняшними потерями и перспективой будущих, американские бизнесмены, — подчеркивалось в одном американском исследовании о настроениях деловых кругов в начале 80-х годов, — испытали коллективный нервный припадок. Подстегиваемый все более явной неспособностью США воздействовать на непредсказуемый режим Хомейни, американский бизнес испугался угрозы, которую несет с собой нестабильность во всем третьем мире. Многие крупнейшие фирмы, оперировавшие в Иране, особенно коммерческие банки, нефтяные и строительные компании, впадали в панику при мысли, что что-то похожее может произойти в Саудовской Аравии... Хор голосов, требующих наращивания вооружений, превратился в рев».

Американский монополистический капитал не смог, да и не захотел приспособиться к реальностям сегодняшнего мира. В нем усилилась тяга к старым рецептам и большей опоре на военную силу. При этом закрываются глаза на то, что обращение к старым «лекарствам» не только не вылечит, а наоборот, обострит существующие «болезни», еще больше ухудшит американские позиции в мире, приведет к дальнейшим поражениям США.

Ставка на ТНК как средство политического вмешательства в дела освободившихся государств обусловлена общим ослаблением позиций империализма в зоне национально-освободительного движения. Военные блоки и политические союзы, двусторонние соглашения «об обороне» и сеть военных баз, локальные войны и вооруженные интервенции — все эти рецидивы «дипломатии канонерок», столь распространенные в 50—60-х годах нашего века в отношении стран, борющихся за свою независимость, оказались бессильными предотвратить подъем национально-освободительного движения. В наши дни молодые освободившиеся страны все более успешно противостоят

ма, проводят свою независимую линию в международных делах.

В этих условиях американский империализм делает особую ставку на транснациональные корпорации. Их гибкость, приспособляемость к изменяющейся обстановке, умение использовать любую возможность для укрепления и расширения позиций в зоне национально-освободительных движений превращают ТНК в важный элемент арсенала международной стратегии Запада.

Противодействуя растущей антиимпериалистической борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки за достижение реальной экономической независимости, за претворение в жизнь концепции нового международного экономического порядка, монополии все более тесно сотрудничают с правительствами империалистических стран, их разведывательным и военным аппаратом. Этот нечестивый союз несет в себе серьезную угрозу интересам всех прогрессивных сил, развитию взаимовыгодного международного сотрудничества и укреплению международной безопасности.

«Крестовый поход» в Африку

ПЕРВАЯ НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА США ПРОТИВ АФРИКИ

США всегда предназначали Африке роль черной пешки в своих глобальных «шахматных играх», а в их подходе к африканским делам ныне, как и 100, и 200 лет назад, доминирует затянувшаяся «традиция сафари». И то и другое уходит корнями глубоко в историю взаимоотношений Америки и Африки.

Охоте на диких животных в Африке — сафари отдали дань многие американские толстосумы и государственные деятели. Так, еще в конце прошлого века будущий двадцать шестой президент США Теодор Рузвельт, путешествовал по Африке ради охоты на львов и очень гордился добытыми там охотничьими трофеями. В наши дни паломничество в Кению с теми же целями совершил Генри Киссинджер. Но речь сейчас не о том, какой ущерб нанесли американские охотники африканской фауне. Главное в том, что свое «африканское сафари» американцы начали с охоты на людей, тоже, по их мнению, «диких». «Наш первый контакт с Африкой,— писал ответственный сотрудник госдепартамента США Г. Виллард в августе 1943 года,— восходит ко временам беззаконной работорговли. Видимо, наши предки, как и налетчики из других стран, не находили ничего дурного в том, чтобы высадиться на чужой земле, захватить там беспомощных людей и обратить их вместе с потомками в рабство».

Первая партия африканских невольников была доставлена в Северную Америку (Вирджинию) в 1619 году, через 12 лет после основания там первого постоянного поселения. Работоторговля была признана незаконной и приравнена к пиратству только в начале XIX века. В США рабство было официально отменено в 1863 году, позже, чем в колониях старых европейских держав. (Кстати, формального равенства с белыми афро-американцы добились лишь 100 лет

спустя, а фактического не имеют до сих пор.) Считается, что в Америку было ввезено более 10 млн. рабов и примерно столько же погибло в пути.

Многие африканские племена потеряли своих лучших людей, другие были полностью истреблены, третьи, спасаясь от работорговцев, погибли в тропических джунглях. Опустошению подверглись целые районы. Все это привело к колоссальному сокращению населения и деградации хозяйства. Ценой уничтожения миллионов людей в Африке колониальные державы накапливали свое богатство.

Таким образом, на протяжении почти 250 лет (1619—1863 годы) Америка вместе с европейскими колонизаторами, а зачастую их руками вела свою первую необъявленную войну против Африки. По длительности, масштабам, размерам добычи победителей и ущерба для побежденных она не имела себе равных в истории колониальных войн.

В XIX веке капиталистические державы начали ощущать экономическую невыгодность рабского труда, что постепенно привело к отказу от ввоза африканских рабов, но лишь для того, чтобы превратить африканцев в колониальных рабов на их собственной родине. Началась эра колониального раздела Африканского континента. Вследствие своей слабости по сравнению с европейскими державами и наличия резерва «свободных земель» на Американском континенте США продолжали «осваивать» его территории. Единственным исключением в Африке стал эксперимент с Либерией.

Создание этой американской колонии в Западной Африке было оформлено как покупка у местных вождей в 20—30-х годах XIX века участков территории, на которые корабли американских ВМС переправляли из США группы негров, добившихся к этому времени свободы. Преследовалась цель избавиться, содной стороны, от ставшего экономически лишним, а с другой — наиболее активного и «дурно влиявшего» на своих братьев-рабов элемента афро-американцев. Найдя этим людям по сходной цене место ссылки, США сочли свою миссию законченной, фактически бросив поселенцев на произвол судьбы. Голод, болезни, неблагоприятный климат, постоянные стычки с местным населением, борьба с соседними колониями Англии и Франции, в результате которой первоначальная территория колонии сократилась вдвое, — та- **123**

кова была суровая повседневность для прибывших на землю отцов поселенцев, пережить которую было суждено немногим. По отношению же к местному населению поселенцы, или американо-либерийцы, как они стали себя называть, выступали зачастую как сила враждебная.

В 1847 году разрозненные поселения объединились в Республику Либерия, но в силу своей экономической и военной слабости она попала в полное подчинение иностранного капитала. Таким образом, за 100 лет до европейцев США показали пример создания первого неокOLONиального государства в Африке.

На этом в основном заканчивается первый этап необъявленных войн США против Африки. В дальнейшем африкано-американские отношения надолго прерываются вследствие того, что Африка оказалась полностью поделенной между европейскими колонизаторами.

Рассмотренный период оставил глубокий след в африкано-американских отношениях. Его последствия не замедлили сказаться на новом их этапе, начавшемся после второй мировой войны.

Среди этого наследия следует назвать, во-первых, расизм, особо сильный в США именно в отношении людей с черным цветом кожи, живущих как в самих США, так и за их пределами. Вирус белого расизма, глубоко укоренившийся в американском обществе, до сих пор оказывает решающее влияние на отношения США с Африкой;

во-вторых, пренебрежительное отношение к африканцам как к людям второго сорта, а теперь и к африканским государствам как к второстепенным странам, которые считаются в США только объектом империалистической политики и интересы которых понимаются в США только как придаток «жизненно важных» интересов американского империализма;

в-третьих, отработанную веками технику коллективной эксплуатации именно африканских народов в содружестве с европейскими колонизаторами. Теперь она почти полностью перенесена в механизм так называемого коллективного неокOLONиализма, что не исключает, конечно, межимпериалистической борьбы за интересы каждого из его участников;

в-четвертых, вековую традицию натравливания 124 африканцев друг на друга в интересах иностранных

поработителей, берущую начало еще во времена работорговли;

в-пятых, рано проявившуюся тактику иезуитски изощренного идеологического оправдания собственных преступлений ссылками на цивилизаторскую миссию США или перекалыванием ответственности на кого-либо другого.

ЗАГОВОР ПРОТИВ КОНГО

В первые годы после второй мировой войны западноевропейские метрополии еще удерживали Африку в колониальной, а впоследствии продолжали сохранять ее в неоколониальной зависимости. Лишь в крайних случаях, когда метрополии не справлялись с возложенными на них задачами подавления национально-освободительного движения, США активно вмешивались сами. Так реализовалась их роль «гаранта» общеимпериалистических позиций, что одновременно давало им право требовать расширения своей роли в африканской «добыче».

Было, однако, одно направление, на котором США сочли нужным уже тогда закрепить свои позиции,— военно-стратегическое. Сохранение американского контроля над огромной авиабазой Робертсфилд в Либерии, построенной в 1943 году, создание базы связи ЦРУ в Кегню в Эфиопии в 1953 году, «урановая сделка» с Южноафриканским Союзом в 1950—1952 годах, дававшая США право использовать крупные военные базы ЮАС в обмен на техническую помощь в развитии ее атомной промышленности, соглашение о базах с королевской Ливией в 1954 году — таковы основные вехи отношений США с единственными в то время независимыми африканскими странами. Эти отношения не были оформлены военными союзами. Их заменяла военная помощь, которая фактически была платой за военные базы.

Уже тогда, вспомнив заветы «отцов-основателей» о необходимости пропагандистского обоснования внешнеполитических акций, вашингтонские политики начали размахивать жупелом «советской угрозы» в качестве внешнеполитического прикрытия своей империалистической политики. Представив происходящие в Африке процессы как глобальное противоборство

между СССР и США, американские идеологи тем самым пытались отвлечь внимание от реально происходившего конфликта между национально-освободительным движением, олицетворяющим закономерности исторического развития, с одной стороны, и колониализмом и расизмом — с другой, от той необъявленной войны, которую вели и ведут США против сил прогресса, за сохранение отживших порядков.

Собственные интересы США в первый послевоенный период сосредоточивались главным образом на Бельгийском Конго, где имелись богатейшие залежи урана и других полезных ископаемых. Не удивительно, что Конго стало первой жертвой американского неоколониализма в Африке, когда настало время его освобождения от колониального господства.

19 сентября 1960 года резидент Центрального разведывательного управления США в Леопольдвиле (ныне Киншаса), столице только что ставшего независимым Конго, Лоуренс Девлин получил по сверхсекретному каналу лаконичную телеграмму из Вашингтона. Его информировали, что человек из штабквартиры ЦРУ по кличке Джо Парижанин прибудет с инструкциями, касающимися срочного задания. Подробностей не сообщалось. Резиденту было приказано не обсуждать эту телеграмму ни с кем.

Джо Парижанин появился через неделю. Это был начальник Управления технических служб ЦРУ Сидней Готтлиб. В его багаже находился яд, который вызывал смертельное заболевание, обычное для здешних мест. Смертоносная смесь, сообщил он Девлину, предназначалась для премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. Отравление не было единственным способом убийства. По его словам, годился любой метод, лишь бы его нельзя было связать с правительством США. На вопрос резидента, кто разрешил эту акцию, он дал понять, что приказ исходит от самого президента США Дуайта Эйзенхауэра.

Чтобы разобраться в подоплеке трагических событий, приведших к гибели Патриса Лумумбы, вернемся на несколько месяцев назад.

30 июня 1960 года была провозглашена независимость Республики Конго. На торжественном заседании парламента Конго выступил премьер-министр П. Лумумба. Он напомнил соотечественникам о рабском труде и страданиях, которым они подвергались при колониализме, о неравноправных законах для

черных и белых, о преследованиях и казнях за политические и религиозные убеждения. Он заявил, что в Конго будет создано общество социальной справедливости, исчезнет дискриминация, воцарится мир, основанный на политической и экономической самостоятельности нового государства, возникновение которого Лумумба назвал вехой на пути освобождения всего Африканского континента. Эта речь всполошила бельгийскую реакцию. Началась непосредственная подготовка заговора, направленного на свержение законно избранного правительства П. Лумумбы, не оправдавшего надежд на то, что оно будет слепо подчиняться воле бывшей метрополии.

Уже через несколько дней после провозглашения независимости бельгийским офицерам удалось спровоцировать волнения в армии. Используя это как предлог, Бельгия направила более 10 тыс. своих солдат и офицеров «для защиты бельгийских граждан». Главный удар агрессоры нанесли в Катанге, богатейшей южной провинции страны. Эта акция должна была привести к отделению Катанги от республики. Впоследствии предусматривалось превратить Конго в конфедерацию полуавтономных стран, зависимых от Бельгии. Уже к августу 1960 года было закончено формирование «суверенного» государства в Катанге, президентом которого стал Моиз Чомбе — главный проводник идеи сепаратизма в союзе с Бельгией. Еще одна «республика» была провозглашена в провинции Касаи.

В этих условиях президент и премьер-министр Конго обратились за помощью в ООН. 14 июля Совет Безопасности принял решение об оказании военной помощи Конго, однако отклонил требование советской делегации о немедленном выводе из Конго войск агрессора и об использовании там только африканских частей. Президент США Д. Эйзенхауэр стал на сторону Бельгии, заявив: «В Конго нужны войска европейских стран».

Когда в конце июля П. Лумумба прибыл в Нью-Йорк для переговоров с генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом, его пригласили в Вашингтон. Еще до провозглашения независимости он фигурировал в докладах ЦРУ как «опасный радикал». Но особенно заволновались в американской столице после того, как П. Лумумба, возмущенный действиями войск ООН, приглашенных им в страну, **127**

но подчинявшихся только командам из США, заявил о намерении обратиться за помощью к СССР и неприсоединившимся странам. Для Аллена Даллеса, директора ЦРУ и брата умершего годом ранее госсекретаря Джона Фостера Даллеса, этого было достаточно, чтобы объявить Патриса Лумумбу «новым Кастро, если не хуже». Госсекретарь США Кристиан Гертер пытался заставить Лумумбу полагаться только на ООН и отказаться от мысли об обращении за помощью к социалистическим или неприсоединившимся странам. Собеседник был непреклонен. Мир тогда еще не знал, что тем самым участь Лумумбы была предрешена.

1 августа Совет национальной безопасности под председательством президента Эйзенхауэра принял решение, что США должны быть готовы «в любой момент предпринять соответствующие военные действия» в Конго, чтобы подавить национально-освободительное движение до того, как ему будет оказана действенная помощь извне. 18 августа резидент ЦРУ в Леопольдвиле Л. Девлин в своих сообщениях оценивал ситуацию как весьма тревожную: «Независимо от того, является ли сам Лумумба коммунистом, в Конго быстро укрепляются антизападные силы, и необходимо принять меры, чтобы избежать новой Кубы». Девлин предложил операцию по «замене Лумумбы прозападной группой». В тот же день на совещании СНБ представители ЦРУ и госдепартамента поставили этот вопрос перед президентом, обосновывая необходимость не допустить высылки Лумумбой из Конго контингента ООН.

Среди присутствовавших на заседании был чиновник среднего ранга Роберт Джонсон, сотрудник СНБ. В 1975 году он дал следующие показания так называемой комиссии Черча: «В какой-то момент обсуждения президент Эйзенхауэр сказал что-то такое (я уже не помню его точных слов), что я понял как приказ убить Лумумбу... Обсуждения этого приказа не было, заседание просто продолжалось». В протоколе заседания не содержится никакого упоминания приказа об убийстве, но, с точки зрения Джонсона, это ничего не доказывает. Согласно существующей процедуре, приказ президента, имеющий такой характер, был бы либо опущен в протоколе, либо «передан как-то иносказательно».

ная сразу же после совещания Девлину в Леопольд-виль Ричардом Бисселом, заместителем директора ЦРУ по планированию. Он поручил резиденту осуществить «план замены Лумумбы прозападной группой». Тем временем Лумумба, обнадеженный перспективой помощи извне, начал перемещать свои войска на юг, готовясь к действиям против отколовшейся Катанги. На заседании СНБ 25 августа было решено, что «не будет исключаться рассмотрение никаких видов действий, которые могут способствовать избавлению от Лумумбы». На следующий день Аллен Даллес отправил Девлину телеграмму, предоставляя ему «еще более широкие полномочия» для замены Лумумбы, «включая самые агрессивные действия, если их можно сохранить в секрете», и позволил израсходовать на это до 100 тыс. долл.

Резидентура ЦРУ в Конго, которая за несколько месяцев выросла чуть ли не втрое, быстро предприняла тайные операции через определенные профсоюзные группы и запланированную попытку организовать вотум недоверия Лумумбе в конголезском парламенте. Была одобрена, разработана и принята к исполнению целая серия заговоров с целью убийства Патриса Лумумбы. На этом этапе и был подключен Джо Парижанин.

Но когда он прибыл в Конго, ситуация изменилась. Президент Касаубу, действуя по указке Запада, сместил премьер-министра. Однако Лумумба убедил парламент отменить это решение. Тогда американцы и их союзники уговорили молодого полковника Жозефа Мобуту, занимавшего второй по значению пост в армии, совершить 14 сентября военный переворот силами нескольких обученных Францией и Бельгией парашютных частей. Но они опасались, что Лумумба, пользовавшийся огромным влиянием в стране и в армии, может в любой момент снова прийти к власти. (В восточных районах страны начали сосредоточиваться сторонники Лумумбы и верные ему части. Центром их деятельности стал г. Стэнливилль, объявленный ими временной столицей республики. В ноябре туда прибыл заместитель Лумумбы Антуан Гизенга.)

«Едиственное решение, — считал Девлин, — как можно скорее убрать его (Лумумбу. — П. Х.) со сцены». Аллен Даллес согласился с этим. Он сказал Эйзенхауэру 21 сентября, что Лумумба «остается **129**

серьезной угрозой до тех пор, пока он не устранен». Пятью днями позже Готтлиб прибыл в Леопольдвиль с ядом. Девлин сомневался в целесообразности его использования как по политическим, так и по техническим соображениям, хотя согласился направить своего человека в окружение Лумумбы. В конечном счете 5 ноября Готтлиб отбыл из Леопольдвилля, а перед отъездом выбросил ставший непригодным яд в реку Конго.

Реализован был, однако, более хитроумный и более приспособленный для того, чтобы скрыть «уши» ЦРУ, план. При этом открытая дипломатия существенно способствовала успеху тайных операций. Войска ООН контролировали решающие военные и финансовые ресурсы в Леопольдвиле, но их зависимость от американской экономической, материально-технической и административной поддержки привела к тому, что они использовались либо непосредственно, либо косвенно в американских интересах.

В рассекреченном в конце 70-х годов документе госдепартамента «Хронология кризиса в Конго» указывается: «К середине ноября действия США на политической арене в Леопольдвиле достигли значительных масштабов и, вероятно, были весьма заметны... Посол Тимберлейк и представители другого ведомства (т. е. ЦРУ.— П. Х.) вели интенсивные переговоры с Касавубу, Мобуту, Илео, Бомбоко, Адулой, Боликанго и другими». Тимберлейк в свою очередь докладывал: «...мы постоянно стремимся с помощью рекомендаций и консультаций направить умеренные элементы по разумному пути...»

Вооруженные силы ООН, осуществлявшие операции в Конго, состояли из контингентов 29 стран, в основном Швеции и Ирландии. Однако в их руководстве военнослужащие стран НАТО занимали все ключевые посты. Численность этих войск к началу 1961 года достигла 25 тыс. человек и превысила численность конголезской армии.

Командующий войсками ООН шведский генерал фон Хорн согласовывал все свои акции с бельгийским командованием, а не с законным правительством Республики Конго. Еще важнее то, что фактическое руководство силами ООН осуществляли специальные помощники Хаммаршельда, сначала американец Р. Банч, затем, в решающие для судеб молодой республики дни августа и сентября 1960 года, америка-

нец Эндрю Кордые, действовавшие против интересов конголезского правительства.

Именно Кордые дал решающий импульс действиям Касавубу, приведшим к устранению Лумумбы с поста премьер-министра, закрыв аэропорты и радиостанции и тем самым не позволив Лумумбе мобилизовать своих сторонников. Войска ООН бездействовали, когда Мобуту несколько дней спустя осуществил еще один инспирированный ЦРУ переворот. Зато эти же войска ООН фактически выдали Лумумбу Чомбе и тем самым запятали себя соучастием в его злодейском убийстве. Лишь 8 лет спустя стало известно, что Кордые был агентом ЦРУ и действовал по указаниям из Лэнгли. Обстоятельства его последнего преступления таковы.

В конце ноября Лумумба покинул расположение войск ООН (где он находился на положении фактического пленника), опасаясь за свою судьбу во враждебном ему окружении и томимый бездействием в самые тяжелые для его родины дни. Он направился в Стэнливилль (ныне Кисангани), в полутора тысячах километров на восток от Леопольдвилья, где концентрировались его сторонники. Резидентура ЦРУ совместно с Мобуту приняла меры, чтобы перекрыть дороги и оповестить воинские части о возможных маршрутах движения Лумумбы. В 150 км от Леопольдвилья Лумумбу захватили солдаты Мобуту, и он был брошен в тюрьму г. Тисвиль.

Но авторитет Лумумбы был необычайно высок. 13 января 1961 года гарнизон Тисвилья взбунтовался, угрожая вновь вернуть власть Лумумбе. «Агенты ЦРУ и посольство полагают,— телеграфировал Девлин в Вашингтон,— что правительство может пасть в течение нескольких дней. Результатом почти наверняка будет хаос и возвращение (Лумумбы) к власти... Отказ от решительных шагов в данный момент приведет к провалу политики (США.— П. Х.) в Конго».

Три дня спустя по указанию своих «друзей» из ЦРУ Мобуту распорядился доставить Лумумбу в Элизабетвиль (ныне Лумумбаши), столицу провинции Катанга, вотчину его заклятого врага Моиза Чомбе. Когда он, шатаясь, с повязкой на глазах и связанными за спиной руками, вышел из самолета, катангские солдаты избили его, бросили в джип и куда-то увезли. Через два дня агенты ЦРУ передали из Элиза- 131

бетвиля в штаб-квартиру: «Спасибо за Патриса. Если бы мы знали, что он прибудет, мы бы зажарили для него змею».

В течение следующего месяца о судьбе Лумумбы не было никаких сведений. 13 февраля власти Катанги сообщили, что он схвачен и убит жителями глухой деревушки. Никто этому не поверил. Но организовавшим преступление агентам ЦРУ удалось скрыть точные обстоятельства гибели Лумумбы. После формального расследования, проведенного ООН, было сделано заключение, что его убили катангские официальные лица и бельгийские наемники ночью 17 января с личного одобрения Чомбе или при его прямом участии. Так погиб выдающийся сын Африки, герой национально-освободительной борьбы Конго, его первый премьер-министр Патрис Лумумба.

После отстранения от власти Лумумбы между империалистическими партнерами по заговору началась закулисная борьба, затянувшаяся на целых два года, которая на поверхности выглядела как конфликт между центральным конголезским правительством Сирила Адулы, которое поддерживал Вашингтон, и катангскими сепаратистами Чомбе, за спиной которого стояли Бельгия, Англия, Франция и ЮАР.

Поддерживая режим Адулы, администрация Джона Кеннеди рассчитывала, что он поглотит национально-освободительное движение во главе с А. Гизенгой, которое пользовалось поддержкой социалистических и неприсоединившихся стран. Это дало бы повод говорить о восстановлении в Конго с помощью США «законной власти» и подняло бы престиж американского правительства после всех кровавых злодеяний, совершенных им в этой стране.

Тайный подкуп агентами ЦРУ конголезских парламентариев позволил как по нотам разыграть избрание Адулы премьер-министром. В памятной записке ЦРУ, хранящейся в архиве президента Кеннеди, это оценивается как «важная победа над Гизенгой». Там же раскрывается программа, разработанная ЦРУ для Адулы в ноябре 1961 года: «Госдепартамент совместно с другими правительственными ведомствами (явно ЦРУ.— П. Х.) стремится помочь Адуле улучшить его политическую базу и усилить его власть в стране и общие позиции». По-прежнему оказывалась и поддержка Мобуту, контролировавшему армию. Чтобы еще больше привлечь к себе Мобуту,

ЦРУ «раскрыло заговор» с целью его убийства, после чего он стал еще внимательнее прислушиваться к рекомендациям Лэнгли.

Между тем участились провокации против войск ООН со стороны чомбовцев. Многие из них были спланированы «специалистами» ЦРУ: теперь США нужен был предлог, чтобы ликвидировать сепаратизм Катанги. В частности, на их совести гибель Д. Хаммаршельда, который решил договориться с Чомбе о прекращении сопротивления, что не входило в планы США. 17 сентября 1962 года он вылетел в Ндолу (Родезия), где должна была состояться его встреча с Чомбе, но в пути самолет потерпел катастрофу в джунглях.

В конце декабря 1962 года силы ООН под предлогом пресечения провокаций начали активные действия против Катанги, которые уже в начале января 1963 года закончились полным разгромом сепаратистов. США обеспечили себе солидный кусок катангского пирога. Чомбе же отправился «на лечение» в Европу. Кажется, что с ним покончено навсегда.

Но не прошло и полутора лет, как правительство США не только вознесло бывшего сепаратиста в кресло премьер-министра центрального правительства, но и пошло ради его спасения на вооруженную интервенцию. Причина была в неутихавшем со времени гибели Лумумбы повстанческом движении.

Восстание с новой силой разгорелось в 1963—1965 годах, охватив в основном провинции Квилу и Восточную. Особенно оно усилилось после вывода из страны в середине 1964 года войск ООН. Для борьбы с народом и понадобился испытанный на крови Лумумбы и сотен его соратников «цепной пес» Чомбе. «И речи нет о том, чтобы отказать Чомбе и другим бывшим сепаратистским деятелям в том месте, которое они имеют право занять в объединении Конго,— заявил госсекретарь США Дин Раск.— Теперь, когда Чомбе возглавил центральное правительство, Соединенные Штаты поддержат его в надежде на успех его деятельности». Когда Чомбе летом 1964 года стал премьер-министром, газета «Нью-Йорк таймс» писала: «США вложили в Конго слишком много денег и поставили на карту свой престиж. Поэтому они не могут допустить, чтобы неприязнь к какой-то личности мешала достижению их целей».

С 1963 года США совместно с Бельгией и Итали- 133

ей осуществляли программу военной помощи Конго. Бельгийские офицеры взялись за реорганизацию армии. Чомбе также возродил катангскую жандармерию, значительные отряды которой с помощью салазаровской Португалии были доставлены из Анголы. Она же помогла ему приобрести боевые самолеты, которые пилотировали наемники. Несмотря на это, восстание ширилось. Повстанцы провозгласили создание Народной Республики Конго со столицей в Стэнливиле.

25 июля 1964 года в Овальном кабинете Белого дома состоялось экстренное заседание Совета национальной безопасности. Прежде всего был заслушан подробный доклад директора ЦРУ Джона Маккоуна о положении в Конго. Дело было не только в том, что власти Чомбе противились многие соперничающие группы. За короткий период его правительство утратило контроль более чем над половиной территории страны. Учитывая это, Маккоун настаивал на принятии самых решительных мер. Президент Джонсон санкционировал операцию. Вскоре детали ее были согласованы с Брюсселем и Лондоном: Бельгия и Великобритания поставляли наемников, а США обеспечивали вооружение и воздушное прикрытие. Руководство операцией должно было взять на себя разведывательное управление Пентагона.

К операции приступили незамедлительно. Уже 14 августа в леопольдвильском аэропорту приземлились первые четыре американских самолета с полными экипажами, грузом оружия и «охраной» из 40 парашютистов. К концу месяца только от США правительство Чомбе получило 30 самолетов, 10 вертолетов, 250 грузовиков, 70 джипов, 24 санитарные машины. Армия получила также броневики, моторные лодки, стрелковое оружие и боеприпасы. В 1964 году по объему затрат действия США в Конго вышли на второе место после Вьетнама (с июля 1960 по конец 1964 года США истратили более 500 млн. долл. на различные операции в Конго).

Результаты сказались быстро. Так, в одном из центральных эпизодов войны, в сражении за г. Букаву, Чомбе смог добиться успеха, получив подкрепление в виде батальона карателей, отрядов наемников, броневиков и тяжелых орудий, переброшенных на американских самолетах. Помощниками Чомбе выступали и агенты ЦРУ. При президенте Джонсоне

ЦРУ в течение почти четырех лет вело тайные операции против повстанцев. Когда некоторые африканские страны начали переправлять оружие повстанцам через озеро Танганьика, ЦРУ наняло для патрулирования этого района летчиков и экипажи катеров из южноафриканцев. Обслуживанием патрульных катеров и самолетов-истребителей занялась подставная организация ЦРУ — компания УИГМО, что позволило избежать обвинений в прямом участии американского военного персонала в боевых действиях.

Становилось, однако, ясным, что даже при массивной помощи Запада марионетки не в состоянии нанести решающий удар повстанцам. Тогда империализм пошел на прямую интервенцию. Поводом стало пресловутое «спасение» проживающих в Стэнливиле иностранцев. 24 ноября самолеты ВВС США перебросили в Стэнливиле с английской базы на о. Вознесения несколько сот бельгийских парашютистов. Одновременно в город вступили отряды наемников и карателей. Боевые действия координировали военные атташе США и Бельгии. Описания расправ над повстанцами и населением обошли страницы мировой прессы. «Спасательная операция» стоила жизни почти 10 тыс. африканцев. Однако никто еще не подсчитал, сколько стоила народу Конго гражданская война, развязанная по вине империалистов и длившаяся более пяти лет — до конца 1965 года и даже позже. О том, как вели себя оккупанты, свидетельствует красноречивое признание главаря иностранных наемников в Конго Майкла Хора по прозвищу Бешеный: «Мы уничтожили 5 или 10 тыс. конголезцев, а нужно было бы уничтожить 7 млн., так как половина населения страны — повстанцы».

Но повстанческое движение расшатало режим Чомбе. События 1965 года показали, что ни премьер-министр Чомбе, ни президент Касавубу не подходили на роль «сильных личностей», способных контролировать положение и обеспечить условия для прибыльной деятельности империалистических монополий. Для США и их союзников оба деятеля были уже «отработанным материалом». 24 ноября 1965 года ЦРУ организовало в Конго новый военный переворот. Власть взяла армия. Главой государства стал генерал Жозеф Мобуту.

Наступил длительный этап президентского режима Мобуту, продолжающийся до сих пор. Отношения **135**

его с США не всегда складывались гладко. Мобуту время от времени позволял себе фрондировать: то вышлет американского посла, который, мол, замыслил против него заговор, то откажется от американской помощи, которая покажется ему унижительно маленькой. Но официальный Вашингтон терпеливо сносил эти выходки, ибо знал, что военный режим превратил страну в «инвестиционный Клондайк» для американских монополий и что США всегда могут рассчитывать на него в своих антиафриканских и антикоммунистических акциях. Поэтому США продолжали держать его на своем содержании и еще не раз приходили ему на помощь, когда многострадальный народ Конго (в 1971 году страна была переименована в Заир) поднимался на борьбу за свою свободу.

Считается, что ЦРУ прекратило прямые выплаты Мобуту в конце 60-х годов. Но это в сущности ничего не меняет, ибо помощь США правительству продолжалась. Кроме того, в 70-х годах ЦРУ ведало подготовкой личной охраны Мобуту.

Наиболее серьезной помощью были «спасательные операции», предпринимавшиеся США против национально-освободительного движения и различных претендентов на пост президента. В 60-х годах главным из них был все тот же Чомбе. В июле — сентябре 1966 года он и его агенты организовали мятеж катангских жандармов в Стэнливиле, в котором приняли участие и продолжавшие служить в конголезской армии наемники. Мятежники были разбиты войсками Мобуту. Но Чомбе, опираясь на определенные промышленно-финансовые круги в Западной Европе, стремившиеся вернуть его к власти и тем самым потеснить своих американских конкурентов, вновь приступил к вербовке наемников в западноевропейских странах. Опасавшееся повторного выступления наемников, правительство Мобуту решило расформировать их подразделения. Это вызвало новый бунт.

На июль 1967 года был назначен «день икс». В этот день Чомбе планировал нелегально прилететь в Конго. Отряды наемников — «комmando № 6» Боба Денара и «комmando № 10» Жака Шрамма — должны были начать мятеж. Им в помощь готовились еще 500 наемников и бывших катангских жандармов на территории португальской Анголы и 2 тыс. жандармов под командой родезийских наемников. Для их

переброски имелось восемь самолетов. Но не дремали и покровители генерала Мобуту.

В воскресенье, 2 июля 1967 года, Чомбе вылетает на своем личном самолете из Мадрида в направлении Канарских островов, откуда он должен был направиться в Конго. На борту самолета — экипаж, два телохранителя, два испанских жандарма и некий Френсис Боденан, наемный уголовник, подкупленный ЦРУ специально для того, чтобы втереться в доверие к Чомбе и «нейтрализовать» его. Боденан сумел обезоружить жандармов и телохранителей Чомбе, заставить экипаж изменить курс и приземлиться в Алжире в аэропорту Дар-эль-Бейда. Чомбе оказался в алжирской тюрьме, где вскоре и умер. Боденан впоследствии рассказывал, как его подражали на похищение Чомбе американские и заирские высокопоставленные лица, как агенты ЦРУ ханжески убеждали его послужить интересам «конголезского народа» и «предотвратить кровопролитие». «Пробуждение совести» у ЦРУ объяснялось просто: Чомбе давно уже был не нужен США, он мешал планам американского империализма в Африке.

Несмотря на арест хозяина, главари наемников 5 июля начали мятеж. Но первое же выступление — попытка тысячи наемников захватить Кисангани — после кровопролитных недельных боев провалилось. Мобуту был заранее предупрежден американцами о начале операции «Кириллис». На трех срочно присланных из США с экипажами и обслуживающим персоналом самолетах в Кисангани были переброшены два батальона его войск, бронев автомобили, артиллерия. Это было полной неожиданностью для наемников. Часть их на захваченном американском самолете покинула страну, другие отступили к г. Букаву, выбили из него мобутовских солдат и создали там свой форпост, ожидая подкреплений. В Букаву было много боеприпасов и оружия, но обещанные подкрепления не появлялись. Так прошли июль, август, сентябрь, октябрь. 4 ноября войска Мобуту наконец решились на штурм. Наемники были разгромлены. Оставшиеся в живых оказались в лагере для интернированных в Бухсудже (Руанда). Так расправились с теми «псами войны», которые осмелились сорваться с цепи.

Сложнее было подавить народное повстанческое движение в Заире, которое знало свои приливы и от- 137

ливы, но фактически так никогда и не прекращалось. Развал экономики, массовое обнищание населения, чрезвычайно высокая безработица — все эти следствия ориентации на западные монополии порождали социальную напряженность. Многочисленные антиправительственные выступления в 70-х годах охватили провинции Киву, Бандунду, Нижний и Верхний Заир, север Шабы (бывшей Катанги), Касаи.

12 мая 1978 года в провинции Шаба вспыхнуло восстание под руководством Фронта национального освобождения Конго. Восставшие захватили центр горнорудной провинции — город Колвези. Мобутовские войска не смогли противостоять восставшим и в панике разбежались. Население оказало повстанцам полную поддержку. Мобуту прибег к испытанному приему, заговорив о «коммунистическом вмешательстве». Администрация Картера немедленно «обнаружила» участие кубинских войск и советских советников в этом восстании. По мнению даже американской печати, эти «недостойные» утверждения «оказались недоказуемы».

Однако повод для вмешательства был найден. США выделили режиму Мобуту военную помощь на 20 млн. долл., а также самолеты своих ВВС для переброски парашютистов стран НАТО. Была также приведена в боевую готовность 82-я воздушно-десантная дивизия США в Форт-Брэгге. Однако ее услуги не понадобились. Устроив в Колвези «второй Стэнливилль» (во время происшедшей там резни погибли сотни африканцев, а также не менее 130 тех самых европейцев, которых интервенты прибыли «спасать»), войска стран НАТО затем уступили свое место сколоченным при участии США межафриканским силам в составе частей Марокко, Сенегала, Того, Габона, Берега Слоновой Кости и Центральноафриканской империи. Характер этой операции наглядно показал, что речь шла о реализации заранее разработанного в штабах НАТО под руководством Вашингтона очерченного плана необъявленной войны против Заира.

После подавления восстания страны-кредиторы Заира, в число которых, естественно, входят все прямые и косвенные западные участники интервенции, полностью подчинили экономику страны своему контролю. Дальнейший приток иностранной «помощи» и предоставление режиму Мобуту отсрочки в уплате **138** долгов (тогда 5 млрд. долл.) были обусловлены ус-

тановлением полного контроля над заирским бюджетом, валютными и таможенными доходами, включая замену в ряде ключевых министерств заирского персонала европейским, а также над армией. Так завершился порочный круг: сотрудничество с Западом породило хроническую нестабильность в Заире, в свою очередь эта нестабильность была превращена в средство дальнейшего закабаления страны.

Каковы же итоги? Вот уже 25 лет фактически ни на один год не прекращается необъявленная война США против народа Заира. Война эта ведется разными средствами. В первые пять лет после завоевания тогдашним Конго независимости США непосредственно участвовали в гражданской войне в этой стране, беззастенчиво манипулируя ситуацией (они то поддерживали сепаратистские тенденции, то выступали за единое (прозападное) Конго) и людьми (организовали убийство законно избранного первого премьер-министра страны П. Лумумбы, затем перебравли своих марионеток — Касавубу, Адулу, Чомбе, пока наконец не остановились на Мобуту).

Режим Мобуту, навязанный Соединенными Штатами стране, принес народу неисчислимые бедствия, но обеспечил тем самым процветание американских и иных западных монополий, создал плацдарм для подавления национально-освободительного движения в Африке. Хотя этот режим и требует постоянных «подпорок» со стороны США, а то и «спасательных операций», он и сам отрабатывает свои серебреники, участвуя, например, в интервенции против Анголы в 1975 году и в продолжающейся необъявленной войне империализма против этой страны, в убийствах мирного населения в бывшей Центральноафриканской империи по просьбе ее «императора» Бокассы, в агрессии западных держав против Чада в 1983 году.

«Политическое долголетие режима Мобуту, — писала «Нью-Йорк таймс» 8 мая 1982 года, — является одним из наиболее заметных успехов США в холодной войне». Однако у этого «достижения» есть и обратная сторона: США теперь накрепко привязаны к «самому продажному, неэффективному и непопулярному военному режиму в Африке», как характеризуют его сами американские специалисты по Африке.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО,

НЕ ПРЕКРАЩАВШЕЕСЯ НИКОГДА

К политике американского империализма в Южной Африке и к той роли, которую сыграл в этой связи заговор США против Заира, мы еще вернемся. Сейчас же, чтобы не нарушать хронологическую последовательность, остановимся на событиях конца 60-х годов, когда США, обеспечив приход к власти Мобуту и добившись стабилизации его режима, вновь свернули свои операции в Африке. Тогда Вашингтон из всех сил наращивал свое вмешательство в Индокитае, одновременно спасая своего союзника на Ближнем Востоке — сионистский Израиль, а Африка, как всегда в подобных случаях, была оставлена «на потом». Но прямое или косвенное вмешательство США в африканские дела не прекращалось.

Оно принимало самые различные формы — от участия в государственных переворотах до более тонких тайных интриг, от официальной поддержки некоторых государств, имеющих стратегическое значение, до молчаливого потворства политике отдельных колониальных держав или системе апартеида. Поэтому, если официально Вашингтон провозглашал политику «невмешательства» в Африке, это значило лишь то, что основное бремя этого вмешательства переходило в руки ЦРУ.

В арсенал методов ЦРУ входили многообразные средства — от простой пропаганды и субсидий руководителям мятежников, подавления восстаний руками наемников и участия в государственных переворотах и убийствах до тщательно разработанных планов различных маневров и интриг в африканских странах. ЦРУ предпринимало широкие усилия по подрыву радикальных режимов во всем мире и пыталось утвердить, насколько возможно, господство Соединенных Штатов в Африке. Особенно большое внимание оно уделяло Кении, Гане, Гвинее, Мозамбику, Танзании, Нигерии, Уганде. На некоторых из этих операций мы и остановимся.

«Оперативные офицеры ЦРУ руководствуются принципом «победить или умереть», т. е. офицер, который не проводит операций, не продвигается по службе. Поэтому офицеры энергично изыскивают возможности защитить нашу национальную безопасность», — иронически писал бывший сотрудник ЦРУ,

Джон Стокуэлл в своей на шумевшей книге, которую он так и назвал: «В поисках неприятеля». Говард Бейнс, руководитель резидентуры ЦРУ в столице Ганы Аккре (дело было в 1966 году), не был исключением. Поэтому он запросил у вышестоящего начальства разрешение на создание небольшого отряда из специалистов ЦРУ по подрывным действиям. Эти люди должны были, замаскировавшись под африканцев, напасть во время переворота на китайское посольство, тогда единственное в Африке, убить всех находившихся там, выкрасть как можно больше секретных документов из шифровальной комнаты, а затем взорвать здание, дабы замести следы. Звучит диковато. Но таково свидетельство Стокуэлла, впервые приоткрывшего завесу тайны над этим эпизодом деятельности ЦРУ в Африке.

Однако о каком, собственно, перевороте идет речь? Речь идет о подготовленном ЦРУ и осуществленном 24 февраля 1966 года свержении правительства Кваме Нкрумы в Гане. Штаб-квартира ЦРУ отклонила несколько экстравагантный план Бейнса, но не саму идею переворота. Резидентура, получив щедрые средства, поддерживала самые тесные связи с заговорщиками, пока они готовили переворот. «В штаб-квартире ЦРУ полностью признали, хотя и неофициально, роль резидентуры в Аккре в осуществлении переворота. Но это не нашло никакого отражения в документах ЦРУ», — пишет Стокуэлл. Однако Г. Бейнс вскоре продвинулся по службе, став начальником оперативного отделения в африканском отделе ЦРУ.

Сразу после переворота США предоставили Гане крупную помощь, в чем ранее было отказано Нкруме. Позже президент Р. Никсон признавал, что в Вашингтоне «с огромным удовольствием» восприняли этот переворот. Результатом свержения Нкрумы стала хроническая нестабильность политической обстановки в Гане. С 1966 по 1981 год она пережила пять военных переворотов.

Стремясь закрепить возврат Ганы в западную орбиту, ЦРУ, свидетельствовала 2 апреля 1976 года французская газета «Либерасьон», разместило в стране целый ряд контрольных служб, чтобы предотвратить возможность государственного переворота. Однако на этот раз ЦРУ не удалось изменить ход событий: в 1979 году, а затем еще раз в 1981 году перево-

рот совершила группа военных во главе с лейтенантом ВВС Дж. Ролингсом. И вновь, как и 15 лет назад, в стране активизировалось ЦРУ. Подрывными операциями в Гане руководит резидент ЦРУ Дж. Д. О'Шонесси, один из организаторов свержения Нкрумы. К услугам американских резидентов в Гане — современная система связи, которой располагают американская компания ВАЛКО и посольство Великобритании, огромный парк автомобилей, зарегистрированных при посольстве США или под обычными ганскими номерами, целая сеть особняков в Аккре. ЦРУ снабжает оружием, боеприпасами и денежными средствами тех, кто готов поднять антиправительственный мятеж.

В начале 1983 года нигерийская полиция арестовала в Лагосе группу бывших ганских военнослужащих, у которых было обнаружено оружие американского производства, боеприпасы и валюта США, переданные им агентами ЦРУ. Другая группа ганских военных была арестована в Аккре. После этих разоблачений многие ганские контрреволюционеры переехали из Лагоса в Лондон, а затем в Берег Слоновой Кости и в Того. Оттуда они стремятся разжечь межплеменную рознь в Гане, спровоцировать конфликты между «радикальной» и «консервативной» фракциями военного руководства. За этими подрывными действиями стоит ЦРУ.

Гана не была исключением среди тех стран Африки, которые привлекали внимание Вашингтона и Лэнгли. 27 мая 1967 года военный губернатор Восточной провинции Нигерии полковник Одумегву Оджукву провозглашает создание «независимой республики Биафры», тем самым начав мятеж против центрального правительства в Лагосе. 6 июля началась 30-месячная междоусобная война в Нигерии, принесшая гибель одному миллиону нигерийцев, огромный материальный ущерб стране.

В сепаратизме Биафры, который в значительной мере был спровоцирован нефтяными монополиями, США увидели прежде всего возможность ослабить одно из крупнейших государств Африки путем его раскола и лишения богатой нефтью провинции. Одновременно США могли рассчитывать в будущем на сателлита в лице «независимой», но ослабленной войной Биафры, которая неминуемо попала бы под конт-

роль американских концернов, имевших там значительные позиции.

Вместе с тем общие инвестиции США в Нигерии, достигавшие тогда примерно 200 млн. долл. и рассредоточенные по всей стране, вынуждали их формально поддерживать федеральное правительство. В этой ситуации, несколько напоминая положение в Конго в начале 60-х годов, США играли двурушническую роль, выжидая результатов военных действий и стремясь обеспечить свои интересы при любом исходе войны.

Перенесемся теперь на противоположное, восточное побережье Африки, в названную когда-то У. Черчиллем «жемчужиной Африки» Уганду. Там в январе 1971 года был совершен государственный переворот, в результате которого был смещен проводивший прогрессивный курс президент Милтон Оботе, а к власти пришел кровавый диктатор Иди Амин. США приложили руку и к этому перевороту, прежде всего через офицеров разведок ВМС и ВВС, находившихся в Кампале, а также агентов ЦРУ, действовавших под прикрытием Управления международного развития.

В первой половине 70-х годов ЦРУ занималось подготовкой палачей для аминовской охраны в находившихся в ведении ЦРУ полицейской академии в Джорджтауне и в школе «Международные полицейские службы».

Здесь рассказано лишь об отдельных эпизодах непрекращающейся войны, которую ведут США против Африки силами Центрального разведывательного управления и других членов разведывательного сообщества. Всего же, как утверждают, ЦРУ ежегодно совершает на Африканском континенте не менее 130 тайных операций. В последние годы эта деятельность активизируется. ЦРУ стремится действовать как автономная, самодовлеющая и охватывающая всю Африку «глобальная разведывательная сила». Когда нужно, оно сотрудничает с другими западными разведками, но главным образом опирается на собственную широкую разведывательно-диверсионную сеть. В настоящее время, как сообщают, ЦРУ располагает 40 резидентурами в столицах африканских стран и 50 «опорными пунктами». Главными являются резидентуры в Рабате (Марокко), Каире (Египет), Монровии (Либерия), Киншасе (Заир), Найро- 143

би (Кения), Претории (ЮАР). Только Управление внешних операций ЦРУ — этот «департамент грязных дел», отвечающий за проведение тайных операций и располагающий 4800 агентами, — использует в Африке 900 агентов (против 300 в 1976 году). Африканский отдел Управления имеет годовой бюджет в 50 млн. долл. из 450 млн., составляющих бюджет Управления.

По данным различных источников, сеть африканских осведомителей ЦРУ состоит из 1500—2000 «корреспондентов», порой занимающих очень высокие посты и получающих солидную плату за шпионскую информацию. Эти цифры отражают лишь объем «регулярной» работы. В случае каких-либо крупных операций их бюджет может во много раз превышать бюджет всего африканского отдела, а к их осуществлению могут быть привлечены десятки сотрудников других служб ЦРУ. Так, например, случилось в период тайной войны США против Анголы в 1974—1976 годах, на ведение которой только ЦРУ выделило более 100 сотрудников и свыше 100 млн. долл.

ОПЕРАЦИЯ «А — БУДУЩЕЕ»

25 апреля 1974 года произошла революция в Португалии. Фашистский режим был свергнут. Затрещала по швам и последняя в Африке Португальская колониальная империя. В июне 1975 года добился независимости Мозамбик, президентом которого стал Самора Машел, возглавлявший Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО). Новое правительство провозгласило курс на социалистическую ориентацию. На очереди стояла Ангола, борьбу за независимость которой с самого начала возглавляло и фактически вело Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), созданное в 1956 году Агостиньо Нето.

13 июля 1974 года резидент ЦРУ в Заире встретился с агентом Холденом Роберто. Он сообщил агенту, что отныне тот будет получать ежегодно значительно больше тех 10 тыс. долл., которые выплачивались ему до сих пор за «информацию» о положении в Анголе. Но агент получил и новое задание: на деньги ЦРУ он должен был превратить разношерстную банду своих приспешников, пышно именованную Фронтом национального освобождения Анголы

(ФНЛА), в организованную группировку головорезов, которую не только можно было бы выдать за политическую «альтернативу» МПЛА, но руками которой можно было бы физически уничтожить Народное движение за освобождение Анголы. Выплаты начались немедленно. Операция получила кодовое название «А — будущее».

Строго говоря, тайная война против Анголы началась задолго до этой встречи. Ведь лиссабонский режим мог вести длительную колониальную войну, лишь получая от союзников по НАТО, прежде всего от США, огромную экономическую и военную помощь. Помогая Португалии, они отстаивали и собственные империалистические интересы в ее колониях. Вместе с тем на случай возможного краха португальского колониализма в Вашингтоне разрабатывались и запасные варианты. В Анголе главной целью этих приготовлений было недопущение прихода к власти МПЛА, пользовавшейся поддержкой СССР, других социалистических государств и африканских прогрессивных сил и режимов. В рамках этих акций в октябре 1959 года в нью-йоркском отеле «Тюдор» агентом ЦРУ был завербован некий Жозе Жилмор с ежемесячным содержанием в 100 долл.

Этот ловкий авантюрист, подвизавшийся на роли главы существовавшей только на бумаге племенной организации монархического толка в Северной Анголе, сумел втереться в доверие к руководителям национально-освободительного движения Конго, Ганы, Гвинеи. Обосновавшись в Конго, он под руководством и на деньги ЦРУ, а также с помощью полностью зависимых от ЦРУ Касавубу и Адулы приступил к созданию «ангольской национально-освободительной организации». Тогда же марионеточные правители Конго изгнали из страны МПЛА. Инструкции ЦРУ, полученные Жилмором в марте 1961 года в посольстве США в Леопольдвиле, гласили, что главной целью его организации должно быть «проведение операций против отрядов МПЛА». Вскоре Жозе Жилмор превратился в Холдена Роберто, который в 1962 году и провозгласил создание ФНЛА. Он усердно отработывал полученные деньги. За 14 лет освободительной борьбы в Анголе от рук бандитов ФНЛА погибли тысячи патриотов. Выложив Роберто немалые деньги на создание ФНЛА, ЦРУ затем ограничилось «поддерживающей» помощью. Но с июля 145

1974 года суммы начали возрастать, исчисляясь десятками тысяч долларов.

Еще одним орудием империализма в Анголе был УНИТА (Национальный союз за полное освобождение Анголы), созданный в 1966 году Ж. Савимби. Горевший непреодолимым желанием стать «политическим деятелем», он вначале подвизался в ФНЛА, претендуя на пост его «президента». Но американцам вполне хватало одной марионетки. Тогда Савимби основал собственную организацию. В 60-х годах агенту ЦРУ С. Каннингхэму было поручено вступить с ним в контакт и «на всякий случай» поддерживать связь. До 1974 года УНИТА представлял собой шайку бандитов, вооруженных ножами, а затем благодаря американской поддержке «превратился в хорошо финансируемую и вооруженную силу».

В 1974 году Португалия осуществляла в Анголе политику, согласованную с США и Заиром на секретных переговорах, которые провел временный президент генерал Спинола с Мобуту (в сентябре на острове Сал) и с Никсоном. Согласно достигнутым договоренностям в Анголе должна была быть установлена диктатура ФНЛА, а затем создана «федерация Заир — Ангола — Кабинда», в президенты которой намечался Мобуту, а в вице-президенты — его зять Роберто. Тем самым Мобуту не только стремился реализовать свои давние притязания на богатый нефтью ангольский анклав Кабинда, но и фактически замахивался на установление протектората над всей Анголой. США это вполне устраивало, учитывая их полный контроль над Заиром.

Португалия начала с того, что отказалась вести переговоры об условиях предоставления независимости только с МПЛА и навязала участие в них ФНЛА и УНИТА. Эти переговоры лишь маскировали подготовку Спинолой правого переворота в Португалии, одновременно с которым должны были произойти «мини-перевороты» в Мозамбике и Анголе. Провал попытки этих переворотов в конце сентября 1974 года вынудил Спинолу уйти в отставку, а Лиссабон — вернуться за стол переговоров.

Их итогом явились Алворские соглашения (15 января 1975 года), предусматривавшие создание в Анголе правительства из представителей МПЛА, ФНЛА, УНИТА и Португалии, которое должно было

146 управлять страной до 11 ноября, т. е. даты провоз-

глашения независимости. План империалистов состоял в том, чтобы использовать переходный период для ликвидации МПЛА. С этой целью уже через неделю, 22 января, Комитет-40 (правительственная инстанция США, контролировавшая в тот период осуществление тайных операций за рубежами США) санкционировал выделение ФНЛА 300 тыс. долл. на расширение операций против МПЛА. По требованию ЦРУ ФНЛА и УНИТА саботировали деятельность правительства, а затем развязали кровавый террор против МПЛА по всей стране. Руководство МПЛА сделало последнюю попытку примирения в июне. Она не принесла успеха. Тогда войска МПЛА, опираясь на помощь населения, вышвырнули бандитов ФНЛА и УНИТА из столицы.

США немедленно предпринимают очередной шаг, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. ЦРУ подготавливает программу увеличения военной помощи ФНЛА до 6 млн. долл. 27 июня Комитет-40 и президент Форд увеличивают ее до 14 млн. долл. Получив такой куш, Роберто провозглашает начало «тотальной войны» против МПЛА. 20 августа Вашингтон выделяет на помощь раскольникам еще 10,7 млн. долл.

Оружие, закупленное на эти средства, направлялось в Анголу непосредственно из США. Для этих целей в распоряжении ЦРУ имеются заранее подготовленные склады оружия, пополняемые за счет списанного оружия американской армии и покупок иностранного. Перебрасывается оно самолетами ВВС США.

Чтобы скрыть американское участие, используются также частные авиакомпании, специально созданные ЦРУ для этих целей. Наконец, может быть заключен контракт с иностранными торговцами оружием, которые сами организуют доставку. Первый самолет с оружием прибыл в Киншасу 29 июня 1975 года, последний — 29 января 1976 года. Всего было совершено 29 рейсов. 12 сентября в заирском порту Матади стал под разгрузку корабль ВМС США «Американ чемпион», отплывший из США 30 августа с грузом оружия. Потребовалось 144 железнодорожных вагона, чтобы перебросить его груз в Киншасу.

Но этот массивный воздушный морской мост не достиг своих целей. МПЛА собственными силами **147**

отбросила ФНЛА к границе с Заиром, на юге и востоке фронт также был стабилизирован, хотя уже 8 августа ЮАР начала небольшими силами интервенцию в Анголу, оккупировав зону ГЭС на пограничной реке Кунене. Без помощи извне МПЛА восстановила контроль над 12 из 16 провинций страны. Было ясно, что мятежники не могут противостоять пользовавшимся широкой поддержкой населения отрядам МПЛА. О бандах ФНЛА и УНИТА Стокуэлл позже писал в одной из своих статей: «Это не были организованные воинские части, которые могли сражаться. Это были наемники, которые отрывали головы невинным людям». Поэтому следующим ходом США была организация массовой интервенции в Анголу регулярных частей Заира и ЮАР.

11 сентября Мобуту перебросил два отборных батальона своих командос в Анголу, которые совместно с отрядами ФНЛА и иностранными наемниками (всего до 25 тыс. человек) через неделю ворвались в г. Кашито и начали продвижение к Луанде. Чуть позже еще одна заирская колонна вторглась в анклав Кабинда, вступив во взаимодействие с действовавшей там сепаратистской группировкой Фронт освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК). Для этой операции США направили Мобуту оружие, достаточное, чтобы вооружить 1 тыс. человек. На обоих фронтах интервентов сопровождали инструкторы и советники ЦРУ.

23 октября 1975 года границу Анголы пересекли регулярные части ЮАР. Южноафриканская бронетанковая колонна численностью около 6 тыс. человек начала наступление на Луанду с юга. В тесном взаимодействии с ней двумя колоннами наступали отряды УНИТА (20 тыс. человек) и белых наемников. Иностранные наемники, находившиеся в отрядах и ФНЛА, и УНИТА, были завербованы ЦРУ. Следует подчеркнуть, что всей этой разноплеменной рати МПЛА в тот период могла противопоставить 20—25 тыс. бойцов, имевших на вооружении 50 танков и 200 бронетранспортеров. До 2 тыс. человек с танками и артиллерией обороняли Кабинду.

Независимость страны оказалась в опасности. Две трети ее территории находились в руках бандитских формирований, субсидировавшихся ЦРУ, и иностранных интервентов. Экономическая жизнь была парализована. Непосредственная угроза нависла

над Луандой. Чтобы отстоять независимость Анголы, разорвать кольцо окружения, потребовалось мобилизовать все силы народа. На защиту родины встали мужчины, женщины, даже дети старших возрастов. МПЛА приняла срочные меры для повышения боеспособности вооруженных сил. Люди у МПЛА были хорошо подготовленные, владеющие оружием всех видов. Но вооружения и боеприпасов не хватало.

Советский Союз, другие социалистические страны оказывали патриотам помощь оружием и техникой. В стране находилось также несколько сот военных инструкторов, присланных правительством Кубы по просьбе МПЛА. Но перед лицом иностранной военной интервенции этого было уже недостаточно. Однако большего до провозглашения независимости сделать было невозможно. Формально португальцы еще не ушли, и без согласия португальского верховного комиссара помощь социалистических стран, которая оказывалась открыто, с соблюдением всех норм международного права, в том числе Устава ООН, не могла быть увеличена. Западные же поставки оружия раскольникам, а затем и совершенная их приспешниками по доверенности Запада военная интервенция осуществлялись тайно. Ведь о поставках американского оружия в Анголу мировой печати стало известно только в конце октября, об интервенции ЮАР — в конце ноября. На это и рассчитывали империалисты, стремясь во что бы то ни стало захватить Луанду до дня провозглашения независимости, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом.

Главная опасность исходила с юга, где моторизованная колонна ЮАР, используя равнинную местность и колоссальное превосходство в вооружении, стремительно продвигалась вперед и могла оказаться в Луанде за 3—4 дня. «Наша самая большая надежда,— говорил А. Нето на встрече с группой корреспондентов из социалистических стран,— поставки оружия из дружественных стран. Но на это нельзя надеяться до момента провозглашения независимости... При такой обстановке ждать шесть дней чересчур рискованно. Сейчас у нас идет заседание Политбюро, на котором мы обсуждаем вопрос о досрочном провозглашении независимости. Если мы решимся пойти на такой шаг, то объявим о провозглашении нашего независимого государства в 149

ночь с пятого на шестое ноября...» Решение было принято. Но воины МПЛА последним героическим усилием нанесли удар по бронетанковой колонне ЮАР у Бенгелы и задержали ее продвижение на несколько дней. В положенный срок, 11 ноября, была провозглашена независимость Народной Республики Ангола (НРА).

Империализм не смирился со своим поражением. Кольцо вокруг Луанды продолжало сжиматься. В середине ноября Комитет-40 и президент Форд утвердили последнюю дозу помощи в 7 млн. долл. Тогда правительство Анголы обратилось за поддержкой к СССР, Кубе, другим социалистическим странам. Социалистические страны немедленно откликнулись на эту просьбу. Выполняя свой интернациональный долг, для участия в разгроме интервентов в Анголу прибыли кубинские добровольцы. К концу февраля 1976 года вторгшиеся части Заира, ЮАР, иностранных наемников и предателей ФНЛА и УНИТА были изгнаны с территории НРА.

Такой оборот событий привел к активизации антиангольских усилий США. На высшем государственном уровне была развязана пропагандистская кампания против интернациональной помощи социалистических стран, которую ЦРУ вело с начала 1975 года путем фабрикации и распространения клеветнических материалов в африканской и мировой прессе. Открыто обсуждались планы поставок ангольской контрреволюции оружия: ракет «Ред-ай», тяжелой артиллерии, тактической авиации. Стоял вопрос о посылке американских советников, использовании частей армии США, об угрожающих маневрах флота у Луанды. Курс правительства встревожил конгресс, который после поражения во Вьетнаме с подозрением относился к новым внешнеполитическим авантюрам администрации. В декабре 1975—январе 1976 года конгресс запретил дальнейшую помощь США раскольникам в Анголе, приняв так называемые поправки Танни и Кларка. Хотя ЦРУ вопреки запрету продолжало оказывать помощь ФНЛА и УНИТА до марта 1976 года, это означало крах очередной авантюры США.

Необъявленная и тайная война США против Анголы в 1974—1976 годах была самым крупным вооруженным вмешательством США в Африке в 70-х годах. Однако она отнюдь не закончилась в марте

1976 года. Перегруппировав силы, США подтолкнули своего давнего союзника — ЮАР на развязывание широкомасштабной неоколониальной войны против Анголы, а также остальных так называемых «прифронтовых» государств — Мозамбика, Замбии, Ботсваны, Танзании, хотя теперь их с полным основанием можно считать настоящими фронтовыми государствами. Привлечены к ней были и некоторые другие союзники США. В этом вновь проявилась не только специфика подхода империалистических держав к Африке — коллективный неоколониализм, но и особенность всех необъявленных войн США — использование в них «по доверенности» разного рода третьих сил: местной реакции, коллаборационистов, предателей родины, наемников. Поэтому есть смысл особо остановиться на «нечестивом союзе» США и ЮАР.

«Для ЦРУ,— пишет Стокуэлл,— южноафриканцы были идеальным решением в Анголе». Между резидентом ЦРУ в Киншасе Сент-Мартином и резидентом БОСС* происходили регулярные встречи. Дважды директор БОСС Хендрик Дж. ван дер Берг посещал Вашингтон и встречался с начальником африканского отдела Управления тайных операций ЦРУ Джимом Поттсом. Резидент ЦРУ в Претории получил приказ постоянно информировать БОСС об операциях в Анголе. «ЦРУ,— констатирует Стокуэлл,— традиционно симпатизировало ЮАР и поддерживало тайный контакт с БОСС. Обе организации придерживались воинственно антикоммунистических взглядов. В начале 60-х годов южноафриканцы помогли ЦРУ в создании наемной армии для подавления восстания в Конго... Таким образом, хотя в штаб-квартире ЦРУ не было написано ни одного документа, где говорилось бы: «Давайте сотрудничать с южноафриканцами», сотрудничество осуществлялось на всех уровнях ЦРУ».

Если у кого-то и были сомнения в союзнических отношениях США и ЮАР, то после заявления тогдашнего премьер-министра ЮАР Дж. Форстера они полностью рассеялись. В интервью журналу «Ньюсуик» 17 мая 1976 года Форстер, отвечая на вопрос: «Будет ли правильно сказать, что Соединенные

* Бюро государственной безопасности — разведслужба ЮАР. Ныне переименована в Национальную разведывательную службу (НИС).

Штаты добивались помощи ЮАР, чтобы изменить положение в Анголе в ущерб русским и кубинцам прошлой осенью?»— сказал: «Я не хочу отвечать на это... Но если вы делаете такое заявление, то я не скажу, что вы лжец». «Будет ли правильно сказать также, что вы получили одобрение Киссинджера на военные операции в Анголе?»— спросил корреспондент. «Если вы говорите это от себя, то я не назову вас лжецом»,— последовал ответ. В 1977 году министр обороны ЮАР П. Бота высказался еще более определенно: «США были прекрасно осведомлены о военных акциях правительства ЮАР в Анголе и полностью их одобрили».

Эти акции, которыми так гордились в Вашингтоне, оказались и одним из самых уязвимых элементов тайной войны США, ибо разоблачение участия в ней ЮАР немедленно повлекло за собой переход ряда колебавшихся африканских стран на сторону МПЛА. ЮАР истратила на войну в Анголе 133 млн. долл., т. е. больше, чем США. Но это было только начало. Всю глубину своего презрения к африканцам США показали, когда выбрали ненавистный африканцам режим апартеида в ЮАР своим главным орудием в борьбе против народов Юга Африки. Тем самым ЮАР отработывала долги США и другим странам Запада, которые подкармливали этого цепного пса империализма и расизма на Африканском континенте.

ЦЕРБЕР НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

США рассматривают ЮАР с ее военным потенциалом в качестве плацдарма для продвижения собственных интересов в Африке южнее Сахары. Речь идет прежде всего о подавлении силой национально-освободительных движений, что уже было продемонстрировано в Анголе, бывшей Родезии, в Заире, Намибии. А разве могли бы без поддержки ЮАР существовать диктаторские режимы в Заире, Чаде, бывшей Центральноафриканской империи, Малави, Береге Слоновой Кости? Американская военщина делает ставку на то, что «в перспективе ЮАР может стать крупной объединяющей силой на континенте» для всякого рода прозападных режимов.

няющим» фактором, по меркам Пентагона, является военный потенциал ЮАР, который значительно превышает военные возможности не только любого африканского государства, но, видимо, и любой их мыслимой коалиции. За последние два десятилетия численность вооруженных сил ЮАР выросла в 16 раз и составляет ныне более 100 тыс. человек в регулярной армии и 500 тыс. человек в резерве. За тот же период военные расходы ЮАР возросли в 60 раз, приблизившись ныне к 4 млрд. долл. в год.

ЮАР является также крупнейшим производителем вооружений в южном полушарии и десятым в мире. Она занимает 11-е место в мире среди стран — экспортеров оружия.

3 марта 1981 года только что пришедший к власти президент Р. Рейган выступил с заявлением, где ЮАР была названа «союзником США во всех войнах, которые они вели». Он был не так уж не прав — редкий случай для рейгановских экскурсов в историю. Правда, участие ЮАР во второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции было двусмысленным. Вся африканерская элита и ее националистическая партия (ныне правящая в ЮАР, тогда оппозиционная) превозносила Гитлера и гитлеризм, за что и была на время войны изолирована тогдашним правительством страны. Зато бесспорно, что ЮАР и США были созниками во всех необъявленных войнах послевоенного периода. Особенно многочисленны примеры такого сотрудничества в Африке. Но сотрудничали они и за ее пределами. Скажем, ЮАР активно помогала деньгами, оружием и военным персоналом Израилю во всех его войнах против арабов. Поддерживала ЮАР и грязные войны США в Корее и во Вьетнаме.

Так что в своем заявлении Рейган лишь открыто воздал должное столь верному американскому союзнику, о чем предыдущие американские администрации стыдливо умалчивали. Одновременно он выдал и определенный аванс Претории, ибо, чем дальше, тем больше Вашингтон рассчитывает на расширение этого сотрудничества в будущем.

С завоеванием независимости народами Анголы и Мозамбика в 1975 году и победоносным завершением в 1980 году 15-летней борьбы народа Зимбабве против расистской клики Яна Смита рухнули вопреки всем усилиям ЮАР и Запада последние коло-

ниальные бастионы, которые отгораживали ЮАР от независимой Африки. Фронт национально-освободительной борьбы подступил непосредственно к границам ЮАР и оккупируемой ею с 1915 года Намибии. В этих условиях режим апартеида провозгласил начало «тотальной войны» за выживание. Запад действовал тоньше. В 1977 году США и их союзники по НАТО создали «контактную группу», стремившуюся своим участием в дипломатическом урегулировании намибийского вопроса свести его к косметическому варианту: создать в Намибии «белое правительство с черными лицами». И хотя данная «инициатива» до сих пор используется Западом для маскировки его подрывных действий и затягивания предоставления независимости Намибии, становится ясным, что одного дипломатического нажима явно не хватает для навязывания африканцам очевидно-го фарса. Тогда-то в недрах администрации Рейгана и родился далеко идущий проект создания «системы региональной безопасности» на Юге Африки.

Замысел его состоит в том, чтобы национально-освободительным движениям в Намибии (Народная организация Юго-Западной Африки — СВАПО), в ЮАР (Африканский национальный конгресс — АНК) и союзным с ними «прифронтовым» государствам (Ангола, Мозамбик, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Танзания) противопоставить «контрпартизанскую силу» в лице ЮАР и созданных ею марионеточных антиправительственных банд в перечисленных странах. Тем самым налицо военный вариант создания «субимпериалистической» сферы влияния США в регионе методами государственного терроризма. Его детали были всесторонне обсуждены и согласованы в ходе интенсивных консультаций между Вашингтоном и Преторией. Итогом этого сговора стали, во-первых, резкое наращивание агрессии регулярной армии ЮАР против «прифронтовых» государств в начале 80-х годов и, во-вторых, начало планомерного внедрения так называемой внутренней оппозиции в странах Африки, идущих по некапиталистическому пути.

Основной удар империализма и местной реакции был направлен против Анголы и Мозамбика. С 1976 года ЮАР ограничивалась в основном акциями «набегового» характера, организацией саботажа и диверсий и восстановлением УНИТА. С приходом в

Белый дом администрации Рейгана на Юге Африки развернулась настоящая неокOLONиальная война.

Еще в декабре 1980 года состоялась встреча У. Кейси и тогдашнего помощника президента по национальной безопасности У. Кларка с лидерами УНИТА. Затем состоялось еще несколько встреч на высоком уровне, в ходе которых обсуждались планы агрессии против НРА. Летом 1981 года этот план был утвержден окончательно.

Операция, получившая название «Протея», началась 23 августа 1981 года и была крупнейшей после 1975 года. Вторжение осуществляли сухопутные войска ЮАР численностью 11 тыс. человек при поддержке авиации, танков и артиллерии. Армейские части сопровождали отряды УНИТА. В итоге было оккупировано 55 тыс. кв. км территории на юге Анголы. Как стало известно позже, планы интервентов шли гораздо дальше — они предусматривали оккупацию всей южной части Анголы и создание там марионеточного правительства Савимби. Героическое сопротивление народной армии Анголы сорвало эти замыслы. Но агрессия на этом отнюдь не закончилась.

В декабре 1981 года в Вашингтон прибыл сам Савимби для переговоров о дальнейшей эскалации военных действий против НРА. Одновременно, по официальной версии, «случайно» там находился и президент Заира Мобуту, без которого не обходилась ни одна антиангольская акция в прошлом. В январе 1982 года Вашингтон посетил главарь ФЛЕК Франшишку Лубота. В том же году там снова побывал Савимби, а в начале 1983 года и возникший из политического небытия Х. Роберто. Главари раскольников стали постоянными визитерами в Вашингтон, а УНИТА даже основал постоянное представительство в столице США. «Когда я приезжаю сюда, все проявляют интерес к встрече со мной», — похвалялся Ж. Савимби в одном из интервью для американской печати. Не особенно скрывал он и тот факт, что без иностранной помощи УНИТА давно бы исчез. «Когда человек тонет в реке, — цинично заявил он западным журналистам, — он не спрашивает о том, чья рука вытащила его на берег». В начале 1982 года другой лидер УНИТА, Фернандеш, приезжал в Преторию, где встречался с руководителем НИС Я. Кемпом, его заместителем **155**

Д. Брэхэмом и главой полиции безопасности ЮАР Й. Коэтце.

В соответствии с новыми инструкциями из Вашингтона ЮАР совместно с УНИТА сосредоточили на захваченном плацдарме крупные силы и в 1982—1984 годах предприняли ряд попыток расширить оккупируемую территорию. В крупнейшей операции «Лотос-83» участвовали 3 моторизованные бригады, 4 артиллерийские группы, 2 парашютно-десантных батальона, батальон наемников «Буффало» и другие части общей численностью 18 тыс. человек. Интервенты сумели продвинуться до 300 км в глубь территории Анголы, а их авиация бомбила города, расположенные в 500 км от границы с Намибией. Но большего им сделать не удалось.

Как показано в изданной правительством НРА в начале 1984 года «Белой книге», военщина ЮАР в 1975—1982 годах совершила 352 преступные акции против ангольского народа. Ущерб, нанесенный ею стране, по данным ООН, значительно превысил 10 млрд. долл. Жертвы среди мирного населения пока точно подсчитать невозможно. Но они исчисляются десятками тысяч человек.

Поощряя эту агрессию, США стремились развязать себе руки для ликвидации прогрессивного режима в НРА и замены его своими ставленниками из УНИТА. С этой же целью США намеренно «увязали» вопрос о предоставлении независимости Намибии с выводом кубинских добровольцев из Анголы, хотя эти вопросы и юридически и политически совершенно не связаны между собой. Наконец, элементом той же стратегии стало использование Соединенными Штатами переговоров с Анголой, ведущихся ими с 1982 года, для навязывания ей своих условий урегулирования в Намибии и даже в самой Анголе, хотя последний вопрос давно решен ангольским народом. Позднее Вашингтон подключил к этим переговорам и ЮАР, сделав их трехсторонними. В начале 1984 года была достигнута договоренность о «перемирии» между Анголой и ЮАР и эвакуации оккупированной территории Анголы. Вместе с тем очевидно, что это лишь новый маневр реакции, поскольку США и ЮАР не намерены допустить справедливого решения вопроса о независимости Намибии и не собираются прекращать свою помощь

Доказательства не заставили себя долго ждать. В мае 1984 года ЮАР сорвала проходившие в Зимбабве переговоры со СВАПО по поводу решения вопроса о Намибии с помощью «проблемы увязки» и приступила к непосредственной подготовке фарса с «внутренним урегулированием». Под прикрытием разговоров о мире Вашингтон и Претория разработали новую крупномасштабную террористическую операцию, цель которой — физическое уничтожение руководства Африканского национального конгресса и СВАПО. Подготовкой этой операции руководил премьер-министр ЮАР П. Бота. В июле 1984 года ее жертвой стали член АНК Жанетт Скуни и ее 6-летняя дочь Кэтрин. Методы диверсии аналогичны тем, которые использовались для убийства активистов АНК Джо Гарби и Рут Ферст, — бомба-посылка.

Той же тактике дестабилизации подвергались и другие «прифронтовые» государства. Военщина ЮАР активизировала боевые действия против Мозамбика, не останавливаясь даже перед бомбардировками столицы страны города Мапуту. В этом ей оказывала помощь созданная ее же спецслужбами группировка «Мозамбикское национальное сопротивление». Диверсионные акты, саботаж, поддержка антиправительственных группировок и, наконец, налеты армии ЮАР — все эти бандитские действия испытали на себе Зимбабве, Замбия, Ботсвана, Лесото. По данным журнала «Тайм», ЮАР ежегодно тратит на террор против соседних государств 1,5 млрд. долл.

Необъявленная неокOLONиальная война США на Юге Африки разгорается. Это сулит новые бедствия народам региона, угрозу дальнейшей эскалации конфликта, серьезную опасность для международного мира. Однако планы империализма ждет тот же позорный финал, к которому они пришли во Вьетнаме. На стороне патриотов поддержка СССР и других стран социализма, всех прогрессивных сил мира. И это главный сдерживающий фактор, не позволяющий империалистам и их пособникам всех мастей задуть свободу африканских народов.

«ЗАБЫТАЯ ВОЙНА», О КОТОРОЙ ВСПОМНИЛ РЕЙГАН

21 апреля 1974 года. 21.30. Ночь холодная и безлунная. У подножия плато Тибести в долине Бардаи царит тишина. Франсуаза Клостр, археолог по специальности, приехавшая сюда всего три дня назад, рано легла спать. В том же глиняном строении, где расположилась французская «Миссия административных реформ», в ту ночь находился и французский техник Марк Комбе, который по заданию миссии занимался рытьем колодцев и строительством школ. В то же самое время в каких-нибудь 500 м от здания миссии западногерманский врач Кристоф Штевен и его супруга Эльфрида вышли из своего дома, чтобы проводить гостей — двух офицеров чадского правительственного гарнизона, расквартированного в Бардаи. Внезапно в лучах света их карманных фонариков оказались восемь вооруженных людей, которые в ту же секунду открыли огонь. Один из офицеров был убит на месте. Второй пытался спастись бегством, но тщетно. Жена Штевена получила смертельные ранения. Сам доктор был взят в плен. Другая группа напала на здание миссии и захватила Франсуазу Клостр и Марка Комбе. Им велели одеться и влезть в кузов захваченного на месте «лендровера». Затем нападавшие погрузили туда радиостанцию, сели сами и, направив на Комбе пистолет, заставили его вести машину. Прежде чем солдаты гарнизона успели понять, в чем дело, мятежники скрылись со своей «добычей».

Нападение на Бардаи произошло именно так, как планировал лидер мятежников Хиссен Хабре. Штевена позже выкупило правительство ФРГ, Комбе удалось бежать. Но Франсуазе Клостр, а затем и ее мужу, который, пытаясь вызволить ее, сам оказался пленником, пришлось провести в неволе еще многие месяцы. Так началось «дело Клостр», ставшее фактически единственным событием, которое было известно миру о гражданской войне в Чаде. Правительство США до начала 80-х годов вообще стремилось не замечать эту продолжающуюся почти два десятилетия войну.

Конфликт в Чаде был порожден племенными и религиозными причинами. Реакционный режим Ф. Томбалбая (1960—1975 годы), державший равне-

ние на интересы французских монополий, усугубил политику жестокой эксплуатации, которую узурпировавшие власть племена юга страны (в основном христианского и анимистского вероисповедания) проводили в отношении арабского и мусульманского населения севера. Результатом было создание в 1966 году в северных районах Фронта национального освобождения Чада (ФРОЛИНА), который провозгласил своей целью борьбу за равноправие всех народностей страны. Попытки подавить национально-освободительное движение оказались безуспешными. Это вынудило Запад в конце 70-х годов перейти к тактике сколачивания союза южан с приемлемой для него частью повстанцев. Ей оказалась группировка Хабре, которая в 1973 году откололась от ФРОЛИНА. Захватив вскоре после этого супругов Клостр, Хабре потребовал от Парижа в качестве выкупа оружие для борьбы с правительством Чада, но получил отказ. Однако Хабре так настойчиво твердил о своей лояльности интересам Запада, что в конце концов недавние враги поладили.

В итоге длинной цепи событий, которые главным образом определяло деятельное и конструктивное участие Организации африканского единства, в ноябре 1979 года в Чаде было создано Переходное правительство национального единства (ППНЕ). Участие ОАЕ позволило сформировать его на вполне справедливой основе и обеспечить включение в него представителей всех влиятельных группировок севера и юга. Президентом Чада стал лидер ФРОЛИНА Гукуни Уэддей, вице-президентом — лидер южан А. Камуге, министром обороны — Х. Хабре.

Однако Хабре, стремившийся к единоличной власти, весной 1980 года начал боевые действия против группировки Г. Уэддея и его сторонников. В апреле правительство объявило о снятии с поста Хабре.

Гражданская война возобновилась с новой силой, причем теперь она подогревалась только стремлением Хабре к единоличной власти и иностранной поддержкой его прозападной группировки. В обстановке, когда силы Хабре начали получать растущую помощь Судана и Египта, за спиной которых стояли США, Уэддей обратился за помощью к Ливии. 15 июня в Триполи был подписан ливийско-чадский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной обороне, в соответствии с которым Ливия направила в Чад 159

воинский контингент. С его помощью в декабре 1980 года силы Хабре были разбиты в Нджамене и изгнаны с территории страны. Военные действия прекратились. Во время визита Г. Уэддея в Ливию в январе 1981 года была достигнута договоренность об увеличении экономической и военной помощи со стороны Ливии.

Этот момент Вашингтон и счел удобным для перехода в наступление. 11 января госдепартамент выразил «озабоченность» «вмешательством» Ливии во внутренние дела Чада. Одновременно Хабре, бежавший в Каир, а затем в Хартум, встретился там с военным руководством Египта и Судана и с военными атташе США в обеих столицах. Вероятно, на этих встречах и был обсужден план возобновления антиправительственных выступлений в Чаде. Судан обязывался предоставить базы войскам Хабре и оказывать им всестороннюю помощь, США и Египет взяли на себя обучение и снабжение их оружием и боеприпасами. Одновременно ставилась задача добиться объединения всех оппозиционных групп в Чаде против Уэддея и заставить соседние африканские государства занять негативную позицию в отношении его правительства. Координатором всей этой деятельности вновь выступило ЦРУ.

В начале 1981 года была начата тайная операция ЦРУ, включавшая поставки оружия мятежникам Хабре и обучение его солдат, которая обошлась в 10 млн. долл. В Африке антиливийская и античадская кампания Запада не пользовалась поддержкой. В интересах решения чадской проблемы сессия ОАЕ приняла решение о посылке в Чад межафриканских сил по поддержанию мира (МАС). Ухватились за этот проект и западные страны, особенно США, замышлявшие использовать МАС в той же роли, какую сыграли войска ООН в Конго в 60-х годах.

Чтобы подготовить почву для МАС, страны Запада и их «друзья» в Африке оказали огромный нажим на правительство Г. Уэддея с целью добиться вывода ливийских войск. Посулы помощи, заверения в скором и эффективном введении сил ОАЕ, тяжелое экономическое положение — все это побудило Уэддея уступить. 11 ноября по его просьбе Ливия вывела свои войска.

Буквально в день эвакуации ливийцев войска Хабре, за истекший период прошедшие в Судане обу-

чение под руководством американских инструкторов и вооруженные американским оружием, вторглись в Восточный Чад и начали теснить верные правительству части. Прибывшие в ноябре—декабре контингенты МАС (свои войска прислали Заир—800 человек, Сенегал—650 человек, Нигерия—2300 человек) проявляли полнейшую пассивность. Уэддей настаивал на их активном участии в боевых действиях, угрожая в противном случае вновь обратиться к Ливии.

Это обстоятельство серьезно встревожило страны Запада. Они ускорили переброску МАС в Чад. Чтобы усыпить бдительность правительства Чада, Вашингтон прибег к прямой дезинформации. 13 декабря в Нджамену прибыл представитель госдепартамента Р. Салазар, который передал согласие США прекратить прямую и косвенную помощь группировке Хабре. Тем самым был официально признан факт оказания такой помощи по каналам ЦРУ, хотя на деле она, естественно, не была прекращена. Одновременно Салазар исключил возможность военной помощи США национальной армии Чада.

Напротив, в том же декабре США оказали крупную военную помощь заирскому контингенту МАС в Чаде. Договоренность об этом была достигнута в ходе визита в Вашингтон 19 ноября президента Судана Дж. Нимейри и президента Заира Мобуту 7 декабря. Во время последующего пребывания в Париже и Лондоне Мобуту заявил, что получил в США «все, что просил». На помощь заирскому контингенту МАС конгресс США выделил 12 млн. долл. Первые два самолета США прибыли в Чад уже 12 декабря. Кроме того, военная помощь самому Заиру на 1982 год была увеличена до 15 млн. долл.

Отряды Хабре, пользовавшиеся всесторонней военной поддержкой США, смогли к лету установить контроль над значительной частью страны, а 7 июня без боя вошли в Нджамену. МАС занимались эвакуацией иностранных дипломатов, а затем эвакуировались сами.

Председатель ППНЕ и лидер ФРОЛИНА Г. Уэддей отошел в горный район на севере Чада. С мая 1983 года он начал наступление на силы мятежников. Начался второй этап вмешательства США в чадский конфликт—«спасение» их марионетки. Первым делом были вновь усилены антиливийские провокации. К границам Ливии были направлены 161

самолеты, оснащенные системой АВАКС, авианосцы «Эйзенхауэр» и «Нимиц». Базировавшиеся на них самолеты систематически совершали провокационные полеты в ливийском воздушном пространстве. Только в течение июля самолеты французских ВВС перебросили в Чад более 400 т вооружений и 150 советников. В Чаде появились и военные советники из Англии.

Параллельно спецслужбы стран Запада осуществляли широкую программу вербовки наемников. Причем наемники, несколько сот которых уже в июле участвовали в боях, рассматривались теперь чуть ли не как законные регулярные войска. С ними координировали военные планы, их перебрасывали через территории соседних стран на американских военно-транспортных самолетах, их действия направлялись американскими спутниками-шпионами.

Западным странам удалось без труда втянуть в интервенцию и режим Мобуту, который тем самым отбрасывал акции по его спасению в 1977 и 1978 годах. В течение июля Заир перебросил более 2 тыс. своих командос и более 10 военных самолетов. Все эти войска поступили в распоряжение Хабре и приняли участие в боевых действиях. Судан, Египет, Израиль продолжали по согласованию с Вашингтоном оказывать косвенную помощь мятежникам.

Решающей фазой операции было вмешательство самих США. Первым его этапом была попытка блокировать действия Ливии, с тем чтобы создать предлог для последующего вмешательства США в Чаде. США также снабжали войска Хабре и Заира разведанными со спутников-шпионов и самолетов системы АВАКС. Наконец, 19 июля президент Рейган санкционировал «срочную» переброску в Чад крупной партии военного снаряжения непосредственно из США на сумму 10 млн. долл., взятых из специального чрезвычайного фонда, не контролируемого конгрессом. Вашингтону нужны только послушные страны в развивающемся мире. Начиная с 25 июля самолеты ВВС США приступили к переброске в Чад через Азорские и Канарские острова оружия и боеприпасов, предназначенных для войск Хабре и заирских интервентов. Обращает на себя внимание то, что страны Запада полностью игнорировали усилия ОАЕ по восстановлению мира в Чаде, которыми они охотно прикрывались в 1982 году.

В заявлении ТАСС от 12 июля 1983 года указывалось: «Цели иностранного вмешательства вполне очевидны. Народу Чада пытаются навязать неокониалистские порядки, хотят превратить территорию этого суверенного государства в новый плацдарм для борьбы против свободы и независимости африканских народов. Чисто внутренний конфликт в Чаде по вине западных держав грозит перерасти в серьезный очаг международной напряженности»*. Позиция Советского Союза нашла полную поддержку африканских народов.

В середине июля 1983 года мобилизованной Вашингтоном разноплеменной рати удалось приостановить продвижение частей Уэддея. Решающую роль во временном успехе сил Хабре сыграли не столько поставленные США и другими странами Запада танки, тяжелая артиллерия, минометы, джипы со 106-мм безоткатными орудиями, противотанковые ракетные установки, транспортные средства и т. п., сколько иностранные войска и наемники, которые могли использовать это оружие. Несмотря на это, войскам Уэддея после перегруппировки удалось в начале августа нанести серьезное поражение врагу и восстановить контроль почти над половиной территории страны.

В ответ Запад пошел на дальнейшую эскалацию конфликта. В конце июля — начале августа Мобуту посетил Вашингтон для обсуждения дальнейших совместных действий. Прямым результатом этих переговоров было увеличение заирского контингента в Чаде до 3 тыс. человек, переброску и в значительной мере расходы на содержание которого взяли на себя США. Вашингтон расширил военную помощь Чаду еще на 15 млн. долл., направил туда группу военных советников. США явно давали понять, что могут пойти на прямую интервенцию, чтобы установить контроль над положением в Чаде. Президент Р. Рейган на пресс-конференции 11 августа 1983 года провокационно заявил, что Чад является прежде всего сферой влияния Франции, хотя и отнес его также к «зоне интересов США».

Коллективными усилиями Запада была «спасена» еще одна африканская марионетка. Самый большой куш достался США. Хабре остается американским

* Правда, 1983, 13 июля.

ставленником, которого ЦРУ в 1982 году извлекло из его убежища в Судане, где он отсиживался, будучи изгнан своим народом, и поставило у власти. Вашингтон же спас его в 1983 году, организовав посылку 6,5 тыс. войск своих союзников. В Вашингтоне не скрывали, что вооруженное вмешательство в Чаде чужими руками лишь составная часть далеко идущих политических и военно-стратегических планов США. Создание в центре Африки нового империалистического плацдарма открывает для США новые возможности для усиления давления и подрывной деятельности против развивающихся стран Африки.

Глава шестая
**От Юго-Восточной
до Юго-Западной
Азии: курсом
агрессии и авантюры**

КРОВЬ И БОЛЬ ВЬЕТНАМА

Двадцать лет США вели войну против вьетнамского народа. Напомним основные ее этапы. Вмешательство Вашингтона во Вьетнаме началось в 1954 году, когда стало очевидным, что французские колонизаторы терпят поражение. Во Вьетнаме образовался, с точки зрения американского правящего класса, «вакуум силы», который Вашингтон вознамерился заполнить. Среди главных причин, почему США стали наращивать свое вмешательство, было и стремление захватить в Индокитае позиции, принадлежавшие старым колониальным державам, и страх перед национально-освободительными революциями, всколыхнувшими колониальную периферию империализма в 50-х и 60-х годах. Но, пожалуй, наиважнейшей из них был ослепляющий антикоммунизм, охвативший правящие круги США в годы «холодной войны», неприятие ими любых изменений в мире.

Формулируя в начале 60-х годов логику американского подхода, министр обороны США в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона Р. Макнамара был предельно откровенен: «Вьетнам — это испытание, в ходе которого надо доказать, что свободный мир может противостоять коммунистическим освободительным войнам». Чем кончилось это испытание, хорошо известно: американский империализм увяз в трясине крупномасштабной преступной войны и потерпел поражение.

Вернемся, однако, к истории американской агрессии во Вьетнаме. Вмешательство США нарастало постепенно. Сначала, со второй половины 50-х годов, это была военная и экономическая помощь антинародному режиму Нго Динь Зьема, правившего в Южном Вьетнаме. За 1955—1960 годы она составила колоссальную по тем временам сумму — 1 млрд. долл. Одновременно с ростом сопротивления марионеточному 165

режиму, восстановившему против себя подавляющее большинство населения страны, стало нарастать и собственно военное вмешательство США. В 1956—1957 годах во Вьетнаме появляются первые подразделения американских сил специального назначения, увеличивается число агентов ЦРУ. Они занимаются в первую очередь подготовкой местных карателей, руководят их операциями. Но эти операции не достигают поставленных целей: сопротивление сайгонской клике с каждым годом растет.

И с начала 60-х годов американские солдаты сами ведут военные действия. Начинается новая ступень эскалации необъявленной войны. Группы «зеленых беретов» численностью около двенадцати человек каждая сбрасываются с самолетов в контролируемых партизанами районах, отравляют колодцы с питьевой водой, уничтожают линии связи и, самое главное, убивают всех, кого можно заподозрить в связях с партизанами или в сочувствии им. Начинаются действия, которые позже получают название «операции Феникс», — массовое уничтожение «коммунистических кадров», а на деле всех, кто попадает под руку, террор и запугивание населения Южного Вьетнама.

Но и прямое участие американских сил специального назначения в войне против вьетнамского народа не помогало. Положение сайгонских марионеток становилось все более шатким. ЦРУ проигрывало войну, но не хотело ни признать, ни допустить этого и поэтому требовало подкреплений.

В феврале 1962 года Вашингтон создает Управление иностранной военной помощи. К этому времени во Вьетнаме находилось уже около 4 тыс. американских солдат и шпионов. Пентагон отказывался сообщить их точное количество, намекая вместе с тем, что США придерживаются установленного Женевскими соглашениями 1954 года по Вьетнаму лимита в 685 человек.

К началу 1963 года во Вьетнаме было уже 16 тыс. американских военных. Объем американской помощи сайгонскому режиму составлял 1,5 млн. долл. в день. Однако положение Нго Динь Зьема становилось все более неустойчивым. Сопротивление хунте нарастало во всех слоях населения Южного Вьетнама. Недовольство принимало открытые формы, и в мае 1963 года в г. Гуэ буддисты устроили демонстрацию, протестуя против запрещения вывешивать свои флаги и религи-

озные символы. Войска Зьема расстреляли ее. В знак протеста несколько буддистских монахов публично сожгли себя. Родственница сайгонского диктатора, жена «серого кардинала» в его правительстве мадам Нью высмеяла эти акты как «спектакли монашеского самоподжаривания». Репрессии продолжались.

В этой ситуации Вашингтон решил «поменять лошадей», сместить непопулярный режим. 1 ноября 1963 года в Сайгоне произошел военный переворот, за кулисами которого стояло посольство США в Южном Вьетнаме. Нго Динь Зьем был убит. К власти пришла группа генералов во главе с Зыонг Ван Минем. Но положение в стране не стабилизировалось. Вашингтон стоял на перепутье: идти ли на дальнейшую эскалацию войны или попытаться разрешить конфликт политическими средствами? Спустя менее месяца после убийства Нго Динь Зьема в Далласе был убит президент Кеннеди, начавший к концу 1963 года сомневаться в необходимости эскалации войны во Вьетнаме. Незадолго до своей смерти президент говорил: «В конечном итоге ведь это их (сайгонских марионеток.— П. Х.) война. Мы можем помочь им, дать им снаряжение. Мы можем послать туда наших людей в качестве советников». Смерть Кеннеди окутала еще более плотным покровом тайны все операции Вашингтона, связанные с ликвидацией его марионетки — Нго Динь Зьема, переставшего устраивать своих хозяев. Однако имеется достаточно свидетельств, подтверждающих, что Кеннеди непосредственно санкционировал убийство Зьема.

После ухода со сцены Дж. Кеннеди логика оголтелого противостояния коммунизму окончательно взяла верх в Вашингтоне. Глубоко увязнув в войне, Пентагон и ЦРУ показали свою неспособность выиграть ее «малыми силами» и теперь стремились взять реванш путем развязывания крупномасштабных военных действий против вьетнамского народа, сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и поддерживающей их Демократической Республики Вьетнам.

ЦРУ и силы специального назначения спровоцировали эскалацию и крупномасштабную войну. Последовала серия переворотов в Сайгоне, и к апрелю 1964 года там была окончательно установлена диктатура правых генералов. Одновременно с весны 1964 года в Южный Вьетнам стали прибывать уже не 167

только «советники» из ЦРУ и Пентагона и диверсанты из «зеленых беретов», но и регулярные американские войска. Первыми были морские пехотинцы, высадившиеся на пляжах Дананга.

Но администрацию Джонсона смущало то, что она идет на крупномасштабную агрессию, не имея даже формального повода. Вскоре он был найден. Скорее всего в Вашингтоне кто-то вспомнил известный эпизод из американской истории. 15 февраля 1898 года на рейде Гаваны взлетел на воздух американский броненосец «Мэн». И сам броненосец, и его команда, как это стало известно позднее, были принесены в жертву, чтобы дать Вашингтону повод для начала войны против Испании — первой войны эпохи империализма, войны за передел уже поделенного мира. Вся война, в результате которой бывшие испанские колонии в Карибском бассейне и бассейне Тихого океана перешли к США, велась под боевым кличем «Помни Мэн!».

В ночь на 4 августа 1964 года на экране радара находившегося в Тонкинском заливе эсминца военно-морского флота США «Мэддокс» появились неясные сигналы. Был отдан приказ открыть огонь и послано сообщение о нападении. Уже через несколько часов — оперативность небывалая — президент Джонсон заявил о том, что корабли 7-го флота США подверглись нападению «торпедных катеров» ДРВ. А 5 августа, еще до того, как этот вопрос был рассмотрен конгрессом, Джонсон отдал приказ начать массированные бомбардировки ДРВ.

В этот момент, видимо желая обезопасить себя, командуящий тихоокеанским флотом США адмирал Шарп послал министру обороны США Макнамаре телеграмму, в которой ставил под вопрос нападение на американские корабли. Макнамара приказал адмиралу разобраться, но распоряжение о начале бомбардировок оставил в силе. 7 августа конгресс подавляющим большинством голосов принял так называемую тонкинскую резолюцию, которая, как заявлялось, давала президенту полномочия на ведение войны во Вьетнаме. Но «тонкинская резолюция», послужившая формальным предлогом для развертывания массированных военных действий США против вьетнамского народа на Юге и Севере Вьетнама, была фальшивой по крайней мере с двух точек зрения.

дении неких «торпедных катеров» на «Мэддокс». Позже это признал и капитан этого эсминца Г. Огайер, прямо заявивший, что в августе 1964 года эсминцы военно-морского флота США не подвергались нападению в Тонкинском заливе и что он по ошибке принял за шум катеров звуки, издававшиеся гребными винтами его судна, а также другого американского корабля. Эта простая истина, надо думать, была известна в Вашингтоне с самого начала. Но там искали предлог для эскалации и «вспомнили Мэн».

Во-вторых, «тонкинская резолюция», основывавшаяся на прямой дезинформации, была незаконна, ибо противоречила американским законам и международному праву и не являлась тем, за что ее выдавали,—объявлением войны. В докладе авторитетного Комитета юристов по вопросу об американской политике в отношении Вьетнама, выдержки из которого были приведены в сенатских слушаниях, состоявшихся уже после принятия «тонкинской резолюции», указывается (и смущенные сенаторы даже не пытались оспорить эти выводы), что эта резолюция противоречит Уставу ООН, женевским договоренностям по Вьетнаму, договору СЕАТО. Кроме того, заявлялось в докладе, «в резолюции... Вьетнам даже не упоминался... Нет никаких свидетельств того, что конгресс понимал, что он объявляет войну... Конгресс не объявил войну Вьетнаму, его совместные резолюции... не делают ведение войны администрацией Джонсона конституционным».

Спешно изыскивая предлог для развертывания массированных военных действий, дабы дать «показательный бой» национально-освободительному движению, Белый дом не побеспокоился даже о том, чтобы, перед тем как посылать боевые части и соединения армии США во Вьетнам, заручиться «официальным приглашением» со стороны своих сайгонских марионеток. Президент Джонсон не раз заявлял, пытаясь отбиться от критики со стороны противников американского участия в войне, что войска США находятся там «по приглашению южновьетнамского правительства». Но когда в 1969 году сенатор-демократ Уильям Фулбрайт, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, потребовал, чтобы государственный департамент представил документ, который доказал бы, что сайгонское руководство обращалось к Вашингтону с просьбой о введении войск, 169

такого документа не оказалось. Выяснилось, что это решение было принято военными чинами США в Южном Вьетнаме и их руководителями в Вашингтоне.

Впрочем, незаконность действий мало смущала администрацию Джонсона. К 1965 году в Южном Вьетнаме находилось 180 тыс. американских солдат и США по уши увязли во вьетнамской авантюре. К концу 60-х годов в Южном Вьетнаме было уже более полу-миллиона американских солдат, и США вели одну из крупнейших войн за всю свою историю, унесшую жизни 58 тыс. американских солдат.

Агрессия, закончившаяся военным поражением США и их подручных, имела серьезные последствия. Она привела к беспрецедентному внутривосточному кризису в стране, послужила катализатором резкого ухудшения глобальных позиций американского империализма.

Самым же страшным итогом войны, покрывшей Америку несмываемым позором, явилась политика геноцида в отношении вьетнамского народа — в ходе войны погибло более 2 млн. вьетнамцев, в большинстве своем гражданских лиц.

Будучи не в силах справиться с народом, боровшимся за свою свободу и независимость, американские милитаристы использовали наиболее зверские виды вооружений — шариковые бомбы, напалм, фосфорные бомбы, бомбы-ловушки. Велось бомбометание по площадям, американские каратели и их марionетки уничтожали население целых деревень — у всех в памяти Сонгми, Майлай.

Пожалуй, впервые в мировой истории во Вьетнаме велась война против самой среды обитания человека. Вооруженные силы США применили здесь около 90 тыс. тонн отравляющих веществ — по три килограмма на каждого жителя Южного Вьетнама. Было уничтожено почти 2 млн. гектаров лесов и полей, надолго подорван экологический баланс, произошли необратимые изменения в структуре почвы. До сих пор во Вьетнаме рождаются неполноценные дети — жертвы химической войны, которую вел американский империализм против народа Вьетнама. Список жертв вьетнамской агрессии продолжает расти.

История самой войны во Вьетнаме достаточно хорошо известна. Менее известно, как одновременно с войной во Вьетнаме Вашингтон вел широкомасштабные необъявленные войны против Камбоджи (ныне

Кампучии) и Лаоса. При этом грубо попиралось не только международное право. Эти войны были столь очевидно противозаконны, что само их ведение скрывалось от американского народа и конгресса США. Белый дом обманывал даже многих из тех американских военных, кто непосредственно участвовал в пограничной национальной суверенитета двух сопредельных с Вьетнамом государств, в убийствах их жителей, скрывал от своих ландскнехтов, где и против кого они воевали.

ВОЙНА ПРОТИВ КАМПУЧИИ

Эскалация американской агрессии против Вьетнама неминуемо вела к расширению масштабов военных действий, а это ставило Вашингтон в уязвимое положение. Нарастало сопротивление его бессмысленным и авантюристическим действиям внутри США — со стороны все более широких слоев населения, включая и некоторые группировки правящего класса. Это сопротивление резко активизировалось с 1967 года, когда в результате эскалации войны в США из Вьетнама пошел поток цинковых гробов, накрытых звездно-полосатым флагом. В Америке крайне болезненно относятся к гибели «американских парней» за рубежом (к сожалению, до сих пор гораздо меньше беспокоит ее судьба тех, кого эти парни убивают). Одновременно с нарастанием внутри США критики вьетнамской агрессии усиливалось сопротивление вьетнамских патриотов в Южном Вьетнаме, Демократической Республике Вьетнам. Белый дом проигрывал войну на всех фронтах.

Граница Кампучии и ее суверенитет нарушались систематически уже с 1967 года так называемыми группами Даниэля Буна — группами сил специального назначения, названными в честь знаменитого американского следопыта, разведчика и «борца против индейцев», умершего в начале XIX века. Эти группы, включавшие, как правило, трех американцев и десяток натаस्कанных на убийства наемников-горцев, отличавшихся особой жестокостью, периодически высаживались с вертолетов вдоль восьмисоткилометровой границы Южного Вьетнама с Кампучией. Задание — разведка и подрывная деятельность.

Сознавая незаконность этих акций, американское 171

командование принимало чрезвычайные меры секретности — участники налетов либо носили форму без знаков различия, либо переодевались в обмундирование солдат Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (хотя, по свидетельству очевидцев, их откормленные белые лица и высокий рост не оставляли никаких сомнений в том, кто они на самом деле).

Для усиления секретности операций, с тем чтобы скрыть их от мировой общественности и от американского конгресса, где нарастали протесты против эскалации войны во Вьетнаме, американские участники рейдов подписывали специальные обязательства о неразглашении. Разглашение самого факта таких операций означало штраф в 10 тыс. долл. и тюремное заключение сроком до 10 лет. (В одной из таких незаконных операций принимал участие, как отмечал известный американский журналист Сеймур Херш, написавший книгу-расследование о Белом доме времен Никсона и Киссинджера, человек, впоследствии возглавивший дипломатическое ведомство США и ставший главным, вслед за президентом, представителем Соединенных Штатов на международной арене,— Александр Хейг.)

Но успех сопутствовал этим разведывательно-диверсионным группам редко. По свидетельству английского исследователя агрессии США против Кампучии У. Шоукросса, уже через несколько часов после высадки групп специального назначения их, как правило, выслеживали и они вынуждены были спасаться бегством, пробираясь сквозь джунгли, или прятаться в высокой траве, дожидаясь прилета вызванных вертолетов.

Видя неспособность американских и марионеточных войск выиграть наземную войну против вьетнамского народа, Пентагон с 1968 года стал требовать от Белого дома разрешения на тайные бомбардировки территории Кампучии в надежде затруднить снабжение сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, а главное, уничтожить его штаб, за которым постоянно охотились и диверсанты, и разведывательные самолеты. Но штаб НФОЮВ находился в постоянном движении, и шпионы обнаруживали лишь потухшие костры.

Президент Джонсон, понимая, что разглашение бомбардировок Кампучии сведет к нулю шансы демократической партии на выборах, сопротивлялся

давлению Пентагона. Положение изменилось, когда к власти пришли республиканцы. Р. Никсон, по-видимому, цинично рассчитывал на то, что у него есть время до следующих выборов и он сможет рискнуть тайно, в обход американских законов и международного права, совершить еще одну агрессию и выиграть войну. Игра шла ва-банк. Читая мемуары самого Никсона, Киссинджера, другие документальные свидетельства того времени, потрясаешься тому, что американские руководители, взращенные на выпренних словах о морали, знавшие законы (многие из них были юристами), не обращали практически никакого внимания на незаконность своих действий, открыто пренебрегали тем, что их планы неизбежно вели к новым тысячам жертв — в основном среди гражданско-го населения нейтральной страны.

Призывы руководства Пентагона начать массированные бомбардировки территории Кампучии нашли благодатную почву: республиканская администрация не желала смотреть реальности в глаза и, испуганная национально-освободительным движением, стремилась во что бы то ни стало остановить его в Индокитае. Свою роль сыграла и одержимость противостояния коммунизму, «происки» которого мерещились Вашингтону повсюду. Страх перед коммунизмом и одновременно великодержавное пренебрежение интересами народов Индокитая, их стремлением к независимому развитию и социальному прогрессу, наконец, их боевым духом и готовностью нести жертвы в борьбе за свободу застилала глаза даже таким неординарным представителям правящего класса США, как Никсон и Киссинджер, и они постоянно ставили перед американской военной машиной все более невыполнимые задачи, шли на новые преступления.

США все глубже увязали в трясине войны. В начале 1969 года Белый дом решил — в дополнение к угрозам применить ядерное оружие, к усиленным бомбардировкам освобожденных районов Южного Вьетнама, интенсификации наземных операций — начать массированные бомбардировки Кампучии, с тем чтобы попытаться затруднить снабжение бойцов НФОЮВ через «тропу Хо Ши Мина», проходившую и по территории Кампучии. Речь шла о том, чтобы открыто посягнуть на суверенитет нейтральной страны, расширить масштабы войны. Одержимый стремлением показать свою «решительность», Белый дом рассматри- 173

вал бомбардировки Кампучии еще и как дополнительную возможность продемонстрировать, что он «в случае чего готов на все». «Ковровые бомбардировки» нейтрального мирного государства Никсон и Киссинджер считали очередным ходом в ядерном шантаже.

Планированием бомбардировок, как свидетельствует Сеймур Херш, занялся лично Киссинджер. «Разговоров о международном праве или дипломатических деликатностях не шло». Главное, что обсуждалось, — все та же секретность. Киссинджер беспокоился не только за позицию администрации, но и за свою собственную репутацию: выступая за кулисами в качестве одного из наиболее последовательных сторонников жесткой линии и эскалации, на публике, при встречах с репортерами он выдавал себя за либерала, сторонника как можно более быстрого выхода из войны.

Подготовка к бомбардировкам Кампучии началась уже через несколько дней после вступления в должность нового президента. В Белый дом был вызван полковник Рей Ситтон, один из наиболее опытных чиновников стратегического авиационного командования США, получивший в Пентагоне кличку «мистер В-52» по названию основного бомбардировщика стратегической авиации США. Ситтону был дан приказ подготовить планы бомбардировки Кампучии.

Обуреваемый страстью к секретности и страхом перед тем, что преступные планы могут быть раскрыты, Г. Киссинджер потребовал от пентагоновца, чтобы никто, даже пилоты бомбардировщиков, не знал, что бомбят территорию Кампучии. Ситтон воспротивился, сославшись на то, что члены экипажей могут заподозрить неладное, поползут слухи, дознается пресса и конгресс остановит бомбардировки.

Тогда был выработан другой вариант заговора против Кампучии и американского конгресса. План Ситтона получил название «системы двойного доклада». В каждый полет должно было отправляться 60 бомбардировщиков В-52. Перед полетом всем командам экипажей, собранным вместе, ставилась задача — бомбардировка территории Южного Вьетнама близ границы с Кампучией. Затем 48 пилотов отзывались в сторону и каждому из них сообщалось, что незадолго перед полетом к целям они получают специальные инструкции со станции наведения авиации, находящейся на территории Южного Вьетнама. Радары этой станции, подчиняясь специальным программам,

заложены в их компьютеры, выводили бомбардировщики на цели в Кампучии, над которыми, опять же по команде компьютера, происходил сброс бомб. По возвращении на базы пилоты рапортовали о выполнении задания, как будто они бомбили Южный Вьетнам. Эти же сведения поступали и в официальные отчеты Пентагона.

Не доверяя никому в администрации, Никсон послал секретную телеграмму послу США в Сайгоне Банкеру с сообщением, что бомбардировок Кампучии не будет. Расчет строился на том, что эту телеграмму прочитают многие высшие чины в администрации, в первую очередь в государственном департаменте, и будут таким образом дезинформированы. Одновременно через тайные каналы телеграмму противоположного содержания получил генерал Крейтон Абрамс, командующий американскими войсками во Вьетнаме.

Операция по бомбардировке Кампучии, названная «Меню», включала зловещие «завтраки», «обеда» и «ужины». Первый «завтрак» состоялся 17 марта 1969 года, когда 48 бомбардировщиков, подчиняясь команде компьютеров, оставили позади себя 48 полос выжженной земли длиной около 3 километров и шириной 700—800 метров, где все живое, находящееся на поверхности, было уничтожено. Уничтожались главным образом попадавшие в зону «ковровых бомбардировок» мирные жители на полях или в деревнях. Бойцам же Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, находившимся в укрытиях, эти бомбардировки значительного урона принести не могли. И в этом интервенты вынуждены были убедиться с самого начала.

Через несколько часов после первой бомбардировки торжествующее американское командование распорядилось послать в один из районов бомбардировок «группу Даниэля Буна». Ей было приказано захватить несколько выживших бойцов патриотических сил, которые, по расчетам американских офицеров, должны были после такого удара находиться в прострации и не оказать никакого сопротивления. Но уже через минуту после высадки группа оказалась под мощным перекрестным огнем и была практически полностью уничтожена. Энтузиазм несколько поуменился, и, когда через несколько дней последовал приказ повторить операцию, вояки из сил специального **175**

назначения, привыкшие убивать, но не желавшие быть убитыми, отказались. В элитных войсках назревал скандал. Трое «зеленых беретов» были арестованы. Но один из их командиров, уловив своеобразную иронию момента, успокоил их: «Вас нельзя судить судом военного трибунала за отказ нарушить суверенитет нейтральной Камбоджи». Он оказался прав: трибунал не состоялся.

Несмотря на неэффективность бомбардировок, операция «Меню» продолжалась 14 месяцев. За это время бомбардировщики сбросили на территорию Кампучии, по опубликованным впоследствии официальным данным Пентагона, 110 тыс. тонн бомб. На кампучийской земле было оставлено 3630 трехкилометровых полос выжженной земли. Преступление совершалось втихомолку. Число жертв среди мирного населения в Вашингтоне не подсчитывали.

Одновременно с массированными бомбардировками Кампучии Вашингтон начал еще одну кампанию в тайной войне против этой страны — подготовку к свержению правительства, возглавляемого принцем Н. Сиануком, с тем чтобы покончить с формальным нейтралитетом Кампучии и вовлечь ее в войну на стороне США и их сайгонских марионеток. Н. Сианук отнюдь не был настроен антиамерикански. Более того, он соглашался на американские бомбардировки своей собственной страны, на гибель своих подданных, не сделал ничего, чтобы прекратить кровопролитие, стал фактически американским сообщником. Но закусившего удила Белый дом он все равно не устраивал. Почему? Во-первых, принц не хотел воевать против ДРВ и НФОЮВ. Во-вторых, он не хотел, чтобы американские войска воевали на территории Кампучии. Главное же, Р. Никсона и его окружение разъярило то, что Сианук понимал: война американцами проиграна — и открыто призывал Вашингтон признать это и уйти из Индокитая.

Подготовка к свержению Сианука осуществлялась по многим каналам. Правому генералу Лон Нолу, премьер-министру и министру обороны в его правительстве, было сообщено о том, что США поддержат переворот. ЦРУ активизировало подготовку и финансирование так называемой Кхмер Серей — группировки тайских наемников, боровшихся против Сианука. «Зеленые береты» проводили операцию «проект гамма», целью которой был сбор информации об уязвимых

сторонах правительства Сианука. ЦРУ подталкивало своих наемников из различных группировок к тому, чтобы они проникали в кампучийскую армию с целью поддержки переворота в случае необходимости.

Офицер разведки ВМФ США С. Торнтон сообщал, что он видел документ с грифом «совершенно секретно», озаглавленный «Грязные трюки», требовавший разрешения на формирование команды с целью подготовки убийства Сианука, чтобы расчистить дорогу для переворота. Члены этой группы, которых предлагалось подготовить «зеленым беретам», должны были быть замаскированы под бойцов НФОЮВ. Вскоре после прихода к власти администрации Никсона план был утвержден «одним из ее высших чинов» и получил более невинно звучащее название «Парк в лучах солнца».

Лон Нол, познакомившись с планом, отказался от убийства Сианука, считая, что эта акция может вызвать общенациональное восстание и обернется против хунты, которую он собирался возглавить.

В марте 1970 года Сианук был свергнут, в то время когда он совершал поездку по ряду стран мира. Лон Нол сразу же начал увеличивать армию, довел ее до 70 тыс. человек, чтобы развернуть широкомасштабные действия против НФОЮВ. Страна была ввергнута в войну. Но уже через месяц стало ясно, что лонноловская армия, состоявшая из необученных солдат, не умевших обращаться с оружием, которое им поставляли США и их сайгонские марионетки, эффективно воевать не может. Война велась в первую очередь против местного населения. Волна мародерства, насилия, убийств залила полстраны. Режим Лон Нола зашатался.

Своей политикой Белый дом создал ситуацию, когда дальнейшая эскалация войны в Индокитае, прямая агрессия против Кампучии, ввод войск на ее территорию становились в его глазах неизбежными.

30 апреля 1970 года Никсон обратился к нации с речью, транслировавшейся по телевидению. Он начал с прямого обмана. «Забыв» про операцию «Меню», он заявил, что США «тщательно соблюдали» нейтралитет Кампучии на протяжении предыдущих пяти лет. США, как было заявлено, не делали ничего, чтобы сместить Сианука. Объявляя о вторжении американских войск, президент утверждал, что целью США является «не распространение войны на Камбоджу, а окончание войны во Вьетнаме». «Помощь» же Кампу- 177

ции оказывалась для того, чтобы «она смогла защитить свой нейтралитет, а не для того, чтобы вовлечь ее в военные действия» на стороне США. Ложь громоздилась на ложь.

Одновременно войска США и их марионеток перешли границу Кампучии и начали продвигаться в глубь страны, сметая все на своем пути. Уже в первые дни агрессии были разрушены города Снуль и Мимот, десятки деревень. Вот как описывал эту войну английский журналист У. Шоукросс: «Несмотря на начавшийся сезон дождей, американские и южновьетнамские войска продолжали наступать, сжигая все, что могло бы быть использовано противником, когда он вернется, захватывая запасы риса... выгоняя местных жителей — кампучийцев и вьетнамцев. Американцы не могли отличать друзей от врагов, а южные вьетнамцы даже и не пытались делать это. Они ворвались в Камбоджу, насилуя, мародерствуя, сжигая...»

Но на этот раз администрация Никсона серьезно просчиталась, недооценив силу антивоенного движения в Америке. Через два-три дня после вторжения в стране начались массовые протесты. В начале мая уже треть американских университетов и колледжей была закрыта. Студенты выгоняли представителей Пентагона из университетских городков. Власти на местах стали вызывать войска для усмирения бунтующей молодежи.

Волна протеста, охватившая Америку, поднялась еще выше, когда губернатор штата Огайо Дж. Родс, заявив, что те, кто протестует против войны, «хуже коричневорубашечников, фашистов», что они «худшие люди», приказал национальной гвардии войти на территорию Кентского университета в штате Огайо.

Дальнейшее развитие событий известно. Национальные гвардейцы расстреляли демонстрацию тех, кто на деле был совестью Америки. Было убито четыре человека, одиннадцать ранено. Война из Индокитая перебросилась на территорию Америки. События в Кенте всколыхнули США, многих из тех среди «молчаливого большинства», кто не выступал против агрессии во Вьетнаме. В Вашингтон стекались десятки тысяч людей, чтобы выразить протест против политики Никсона. Испуг властей предержавших был так силен, что Белый дом начал готовиться к осаде. Вокруг его знаменитой лужайки были воздвигнуты баррикады из автобусов, в его подвалы, как позже сообщил

одному журналисту А. Хейг, занимавший тогда пост заместителя помощника президента по национальной безопасности, были введены войска «на случай вторжения».

Никсона охватил приступ ярости. Когда министр внутренних дел У. Хикел написал президенту, что к «голосу протестующей молодежи следует прислушаться», он был уволен.

И все-таки Никсон был вынужден уступить. 8 мая он заявил, что к концу июня все американские солдаты будут выведены из Кампучии.

Милитаристы в Белом доме терпели поражение не только в Америке, но и в самой Кампучии. Как писал находившийся в то время там вашингтонский корреспондент сент-луисской газеты «Пост-диспетч» Р. Дадмэн, «бомбардировки и стрельба радикализировали крестьян Камбоджи и превращали страну в огромную надежную и эффективную базу для партизан. Американские бомбы и снаряды убедили камбоджийцев в том, что США ведут неспровоцированную колониальную войну против камбоджийского народа».

Под давлением американской и мировой общественности, получив мощный отпор в самой Кампучии, Белый дом вывел большинство своих сил из страны. Но на кампучийской земле продолжали зверствовать южновьетнамские марионетки Вашингтона. Война охватила всю страну. Был погран ее нейтралитет, разрушены ее хозяйство, государственные институты. Необъявленная война Вашингтона не только привела к сотням тысяч жертв среди кампучийцев, но и фактически проложила путь к власти кровавой клике Пол Пота, господство которой стоило народу этой страны 3 млн. жизней.

«ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» В ЛАОСЕ

В конце января 1971 года Массачусетский технологический институт, одно из наиболее престижных научных и учебных заведений США, организовал семинар, в котором участвовали крупные бизнесмены, бывшие политики, ученые. На семинар прилетел Г. Киссинджер, выступивший с лекцией. После лекции ему были заданы вопросы. Одним из первых встал Д. Элсберг, известный американский ученый либеральных взглядов, бывший сотрудник Пентагона и корпора-

ции РЭНД — крупнейшей исследовательской организации, обслуживающей военные и внешнеполитические ведомства США. Он опубликовал так называемые Бумаги Пентагона — документы, разоблачающие закулисную историю американской агрессии во Вьетнаме. Вопрос Эллсберга был простым. Известно, сказал он, что сотрудники Совета национальной безопасности готовят оценки числа американцев, которые погибнут во Вьетнаме на протяжении следующего года войны. «Каково, по вашим оценкам, число вьетнамцев, которые будут убиты в следующие 12 месяцев в результате нашей политики?» Киссинджер смутился. Вопрос был неприятен ему не только с политической точки зрения. У него не было ответа. Таких оценок не делалось. Председательствующий объявил, что доктор Киссинджер устал, и закончил семинар.

Но Эллсберг продолжал ставить вопросы. Через несколько недель он опубликовал в журнале «Нью-Йорк ревью оф букс» статью, название которой «Убийство в Лаосе» было крайне неблагозвучным для администрации. В этой статье он критиковал Белый дом за то, что тот даже не задумывался о жертвах американской агрессии в Индокитае среди гражданского населения. «Сколько погибнет в Лаосе? — вопрошал Эллсберг. — Во сколько оценивает количество убитых Р. Никсон? У него нет ответа. Он не спросил Генри Киссинджера, а Киссинджер не спросил Пентагон».

Вопросы Эллсберга привлекли внимание потому, что они высветили еще одну позорную сторону американской политики — презрительное, замешенное на расизме отношение к другим народам. Эта особенность политики США стала особенно выпуклой в начале 70-х годов в результате взятого администрацией Никсона курса на «вьетнамизацию». Речь шла об ограничении прямого вовлечения американских войск в боевые действия, с тем чтобы улучшить «отчетность» вьетнамской войны и свой облик, уменьшив поток цинковых гробов с останками погибших в Индокитае. Таким образом, Белый дом в паническом поиске путей спасения от поражения схватился за соломинку — «вьетнамизацию», сделав ставку на то, чтобы вьетнамцы еще больше убивали вьетнамцев во имя имперских интересов США и «борьбы с коммунизмом».

Вопросы Эллсберга оказались весьма своевременными, ибо они привлекли внимание общественности к другой актуальной проблеме: одновременно с «вьет-

намизацией» американское руководство сделало еще одну попытку эскалации войны — организовало открытую интервенцию против Лаоса.

К началу 70-х годов тайная война против Лаоса велась уже более пятнадцати лет. Сначала, со второй половины 50-х годов, Вашингтон через ЦРУ препятствовал превращению страны в подлинно нейтральное государство во главе с коалиционным правительством, которое включало бы и представителей прогрессивных демократических сил, руководимых Патет Лао. ЦРУ поддерживало реакционного генерала Фуми Носавана, фактически содержало армию, с помощью которой он воевал против патриотов. Эта армия натаскивалась и управлялась американскими советниками.

Однако все попытки Вашингтона навязать Лаосу проамериканское правительство были безуспешными, и к концу 1963 года, подписав Женевские соглашения по Лаосу, США отозвали своих советников. Деятельность ЦРУ, однако, продолжалась.

Период относительного спокойствия и мира для Лаоса был недолгим. Уже в 1965 году, с начала эскалации американской интервенции во Вьетнаме, возобновилась и тайная война против Лаоса. ЦРУ увеличило финансирование своей наемной армии, набравшейся из наиболее отсталых племен, проживавших на территории страны. Одновременно с 1965 года начало быстро расти число налетов групп «зеленых беретов», отрядов морской пехоты. К концу 70-х годов число таких налетов равнялось 900 в год — в среднем более двух в сутки. Велись и интенсивные, такие, как в Кампучии, засекреченные бомбардировки Лаоса. Число самолето-вылетов бомбардировщиков достигло к 1969 году 650 в день.

Массированные бомбардировки не могли достигнуть поставленной цели — перерезать «тропу Хо Ши Мина» и помочь наемной армии ЦРУ разгромить Патет Лао, выступавшей в союзе с патриотическими силами Вьетнама. С начала 1970 года Белый дом развязал новую агрессию — на этот раз вторжение на территорию Лаоса. По уже известному сценарию в Белом доме готовились планы наступления, тщательно скрывавшиеся от прессы и конгресса. Одновременно началась психологическая обработка общественности. Началась, как обычно, с большой лжи.

Выступая в марте, президент заявил, что в Лаосе 181

находится 70 тыс. «северовьетнамских солдат». Это сообщение вызвало шок у американских дипломатов в Лаосе, которые днем раньше называли на пресс-конференции с участием иностранных корреспондентов цифру вдвое меньшую. Никсон далее заявил, что до того времени американцы не воевали на территории Лаоса. Через день «Нью-Йорк таймс» напечатала изобилующий красочными подробностями рассказ о смерти капитана американской армии в джунглях Лаоса. Пентагон сквозь зубы вынужден был признать факт гибели американцев в боях на территории Лаоса и, следовательно, их участие в военных действиях. Никсон был изобличен в прямой лжи.

Просчеты в психологической подготовке новой интервенции дополнялись провалом вторжения в Кампучию. Начало новой авантюры в Лаосе затягивалось, но Белый дом продолжал усиленно готовиться к ней, цепляясь за иллюзорную надежду «уйти из Индокитая с победой». Расчет был простой: бросая южновьетнамские войска (в этой операции в соответствии с концепцией «вьетнамизации» упор делался именно на них) при поддержке американских советников и летчиков на Лаос, американский президент и его окружение рассчитывали ослабить силу наступления Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в следующем 1972 году в надежде на то, чтобы предвыборная кампания, в которой Никсон вновь выставлял свою кандидатуру на пост президента, не омрачилась разгромом войск интервентов и их южновьетнамских ставленников. Южновьетнамские солдаты, не говоря уже о тысячах мирных лаосцев, сознательно приносились в жертву интересам предвыборной борьбы.

Но расчеты стратегов из Вашингтона не оправдались. Развернув наступление в начале февраля 1971 года, уже через 20 дней интервенты начали отступать, а еще через 10 дней панически бежали, бросая оружие. Массовый характер приобрела симуляция ранений: южновьетнамские солдаты срывали окровавленные бинты с раненых, обматывались ими, чтобы попасть в тыл на вертолетах санитарной авиации. По свидетельствам очевидцев, озверевшие американские летчики, управлявшие вертолетами, обнаружив симулянтов, попросту сбрасывали «союзников» вниз.

В результате лаосской авантюры южновьетнамская армия, превращенная в «пушечное мясо» амери-

канских предвыборных батальев, потеряла 9 тыс. человек. Но, несмотря на крах интервенции, Белый дом не унимался. Тайная война с помощью наемников и бомбардировки продолжались еще несколько лет, пока наконец в 1975 году американские интервенты не были окончательно выдворены из Индокитая.

Война против Лаоса превратила сказочную мирную «страну миллиона слонов» в груды развалин, отбросила ее в экономическом развитии на многие годы назад. С помощью братских социалистических стран Лаос залечил свои раны, но сотни тысяч лаосцев, погибших в войне, которую в течение 20 лет инспирировал Вашингтон, невоскресимы и остаются в списке жертв его преступлений.

Ныне на территории Индокитая нет американских войск, но США не оставляют в покое этот регион. Вашингтон поддерживает полпотовские банды, вторгающиеся в Кампучию, проводит экономический бойкот стран Индокитая, пытается помешать восстановлению их хозяйства, препятствует налаживанию нормальных добрососедских отношений между Вьетнамом, Кампучией и Лаосом и близлежащими государствами. Преступная политика продолжается.

ТАЙНАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

Выступая 3 июля 1983 года в лагере афганских басмачей Насрбах в окрестностях пакистанского города Пешавара, государственный секретарь США Дж. Шульц, деятель весьма сдержанный, отбросил свою обычную чопорность. Речь руководителя дипломатического ведомства США была неожиданно цветистой. Обращаясь к толпе вооруженных бандитов, он воскликнул: «Собратья в борьбе за свободу... Я горжусь, что нахожусь здесь вместе с вами, что я один из вас». Корреспонденты, присутствовавшие на митинге, отмечали, что перед тем, как начать свою пламенную речь, Шульц сидел мрачнее тучи. Надо думать, он понимал, что за публика находится перед ним, с кем он собирается брататься.

Поприветствовав душманов, Шульц произнес следуюшую примечательную фразу: «Хочу выразить свое восхищение людям, которые приехали сюда со всего света как добровольцы, чтобы помочь». Нетрудно до-

гадаться, кому выражал свое «восхищение» государственный секретарь США: мировая печать пестрела многочисленными сообщениями о вербовке наемников, ведущейся уже многие годы в США и других странах Запада, о том, что натаскиванием бандитов занимаются агенты ЦРУ.

Выступление Шульца явилось лишь одним из свидетельств поддержки Вашингтоном военного вмешательства в дела демократического Афганистана, агрессии, которую США и подталкиваемые американцами правые режимы Юго-Западной Азии и Ближнего Востока ведут руками афганской контрреволюции.

Шулец продолжил уже установившуюся за последние годы у американских руководителей сомнительную традицию посещения лагерей афганских контрреволюционеров. Ее начал в январе 1980 года известный своей патологической ненавистью к СССР и его союзникам помощник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский. Во время посещения Хайберского перевала, находящегося на границе Пакистана и Афганистана, он не мог сдержать свою воинственность, схватился за ручной пулемет и был запечатлен в таком виде репортерами. Фотография стала своеобразным символом преступной политики США в отношении Афганистана.

Но этот мини-скандал ничуть не смутил американское руководство. В дальнейшем высокопоставленные американские визитеры были осторожнее, но появлялись в лагерях афганских мятежников с завидным постоянством. Приграничные районы посещали американские министры и их заместители, конгрессмены. Уже после визита Шульца в Пешаваре побывали делегация палаты представителей конгресса США и американский министр обороны К. Уайнбергер. Пешавар стал, пожалуй, городом, который американские официальные лица посещали чаще, чем большинство столиц мира.

Главарь бандитских формирований, которых в Вашингтоне называют «борцами за свободу», в свою очередь совершают визиты в США, и их принимают в Белом доме, госдепартаменте, особенно охотно после прихода к власти администрации Рейгана.

Уместно вспомнить о том, чем занимаются эти «борцы», какую «свободу» они хотят принести афганскому народу. Руководители многочисленных группировок — по большей части бывшие крупные феодалы,

помещики, лишившиеся в результате прогрессивных реформ, и прежде всего земельной, своих привилегий и владений,— хотят вернуть Афганистан во мрак средневековья.

До Апрельской революции 1978 года Афганистан был, по оценкам экспертов ООН, одной из самых бедных и отсталых стран мира. В государстве с 15-миллионным населением насчитывалось лишь около 800 врачей, действовало всего 75 учебных заведений, 1,5 млн. детей не имели возможности учиться. Каждые 9 из 10 афганцев были неграмотны. Крестьянство находилось в полурабской зависимости от местных феодалов, племенных вождей и ростовщической буржуазии. Женщины были лишены элементарных прав. Национальные меньшинства подвергались дискриминации.

Апрельская революция направила страну по пути прогресса. Была проведена демократическая земельная реформа, началось раскрепощение женщин, сделаны значительные шаги в решении национальной проблемы, весьма острой в отсталом многонациональном государстве. В школах введено преподавание на языках национальных меньшинств, на них издаются газеты, ведется радиовещание. Огромные усилия предпринимаются по духовному раскрепощению народа, чтобы вывести его из вековой отсталости и забитости, искоренить предрассудки, разорвать те духовные пути, с помощью которых феодально-помещичья верхушка удерживала трудящихся в повиновении.

Демократические преобразования вызвали ненависть у старой феодально-помещичьей верхушки, реакционной части духовенства, лишившихся своих привилегий. Именно с этими средневековыми мракобесами братается руководство США. С самого начала мятежа и внешней интервенции важнейшими мишенями для душманов стали школы и больницы. Были убиты сотни учителей, врачей.

Как тут не вспомнить, какую злобу вызывало у администрации Рейгана присутствие в Никарагуа кубинских учителей, помогающих никарагуанскому народу организовать новую, подлинно свободную жизнь. Ненависть к социальным изменениям, происходящим в мире, к духовному пробуждению народов толкает руководство страны, считающей себя столпом цивилизованного мира, в стан самой темной реакции, заставляя видеть угрозу «жизненно важным интересам США» 185

даже в распространении элементарной грамотности.

Контрреволюционные мятежи в Афганистане начались уже вскоре после Апрельской революции. Их причины были многообразными. В первую очередь это уже упоминавшееся недовольство феодально-помещичьей верхушки утратой экономических и социальных привилегий. Свою роль сыграли косность и заботливость значительной части афганского населения, делавшие его легким объектом манипуляции. Клерикально-феодальной верхушке удалось вовлечь в борьбу против революционных преобразований значительную часть крестьянства, поверившую ложным слухам о том, что новая власть якобы «против ислама».

На руку контрреволюционерам играло и то, что Х. Амин и его окружение, свергнувшие руководителя Апрельской революции Н.-М. Тараки, практиковали недопустимые методы при проведении преобразований, применяли репрессии против мирных жителей, особенно в пограничных районах. При проведении земельной реформы проявились поспешность, отсутствие гибкости. В частности, не была предусмотрена компенсация за изъятие земли даже военнослужащим, что толкнуло некоторых из них в лагерь контрреволюции. Такие методы игнорировали традиции народа, искажали прогрессивное содержание реформ. Режим Амина допускал также грубые нарушения революционной законности, имели место многочисленные аресты, казни без суда и следствия невинных людей, в том числе честных, преданных делу революции членов и руководителей правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Затормозилось решение национального вопроса.

Здоровые силы в НДПА смогли бы, по-видимому, решить внутренние проблемы, если бы не одно обстоятельство: практически с самого начала мятежей контрреволюционеры стали получать поддержку из-за рубежа. «Мятеж старого мусульманского консервативного и традиционалистского общества против потрясенной, вызванной революцией, в целом не требует объяснений,— писала 3 июля 1979 года «Фигуро», французская газета консервативного направления.— Но как только появились первые признаки этого мятежа, американские специалисты сразу увидели, какую пользу можно из этого извлечь, и правительство последовало их советам».

186 · С начала 1979 года американские спецслужбы ак-

тивизировали поддержку контрреволюционных банд. Вопрос об усилении этой поддержки обсуждался, по сообщениям прессы, во время визита в Исламабад весной 1979 года заместителя государственного секретаря США У. Кристофера. Эти же вопросы были предметом рассмотрения во время визита делегации конгресса США, побывавшей в Пакистане в августе 1979 года. Члены делегации встречались с руководителями вооруженных формирований, действующих с пакистанской территории.

Весной 1979 года Вашингтон посетил представитель афганских мятежников З. Назри. Он не скрывал, что приехал в США за «политической и моральной поддержкой для сопротивления с властями в Афганистане». Он встречался с рядом видных сенаторов, был принят в государственном департаменте. 2 февраля 1979 года корреспондент «Вашингтон пост» сообщил о подготовке мятежников в Пакистане «с целью свержения афганского правительства».

Первая база на территории Пакистана, где афганских мятежников натаскивали для диверсионных акций, была создана уже через несколько недель после Апрельской революции. Поддержка Вашингтоном афганских мятежников резко усилилась после свержения шаха Ирана. Развал шахского режима, который в Вашингтоне рассматривался в качестве оплота антисоветской стратегии, регионального жандарма, резко повысил стратегическую значимость Афганистана. Этому же способствовало и то обстоятельство, что антишахская революция лишила США шпионских станций слежения, нацеленных на СССР.

К концу 1979 года на территории Пакистана действовали уже десятки баз и лагерей для диверсантов. Началась широкомасштабная тайная интервенция против республики. Ставка была сделана на дестабилизацию положения в Афганистане и превращение страны, имеющей многолетние дружественные отношения с СССР, в плацдарм для антисоветских действий.

Одновременно резко нарастало американское военное присутствие в зоне Индийского океана. Уже в апреле 1979 года близ Юго-Западной Азии курсировало 14 кораблей военно-морского флота США, в их числе авианосцы «Констеллейшн» и «Мидуэй». Захват в Иране американских дипломатов в качестве «заложников» был использован как предлог для еще больше-

го увеличения военно-морской армады. К концу 1979 года близ Персидского залива курсировало уже 26 крупных военных кораблей США. Из Вашингтона звучали угрозы прямого применения силы в отношении Ирана. США создавали предпосылки для крупномасштабного военного конфликта около южной границы СССР. Тайная война против Афганистана стала частью более широких военно-политических планов Вашингтона.

Как уже упоминалось, в самом начале правления администрации Дж. Картера З. Бжезинский выдвинул концепцию «дуги кризисов», простирающейся от Индокитая до Восточной Африки. Согласно Бжезинскому, Советский Союз пытался «еще более дестабилизировать» ситуацию в странах, расположенных на ней, и подчинить их своему влиянию. Ну а раз так, то от США требовалось одно — срочно расширить в регионе свое военное присутствие и «стабилизировать» его на своих условиях, с помощью угрозы применения оружия заставить отступить силы национального и социального освобождения. За «дугой кризисов» стоял уже набивший оскомину стереотипный сценарий: «советская угроза» обнаруживается там, где хочет нарастить свою угрозу Вашингтон. По этому сценарию легко предвидеть изменения американской внешней и военной политики. Выдумали в середине 50-х годов «разрыв в бомбардировщиках» — и в США начинается массированное наращивание сил стратегической авиации. «Обнаружился» на рубеже 50-х и 60-х годов «разрыв в ракетах» — и с конвейеров сходят сотни межконтинентальных ракет. «Растет угроза коммунизма в Юго-Восточной Азии» — и полумиллионная армия США направляется в Индокитай. Заявляется, что «Советский Союз поддерживает международный терроризм», — и уже Вашингтон минирует порты в Никарагуа, санкционирует диверсионные операции против стран Центральной Америки, Азии, Африки, захват Гренады, т. е. расширяет действия, которые иначе как международным терроризмом на государственном уровне не назовешь.

«Дуга кризисов», о которой вдруг заговорила американская пресса в 1978 году, среди искушенных в политике людей вызвала усмешку не только потому, что ее направленность на оправдание роста американского военного присутствия в Индийском океане была очевидной. «Дуга кризисов» была как две капли воды

похожа на недоброй памяти даллесовский «северный ярус» времен «холодной войны». По этому «ярусу», проходившему вдоль южных границ СССР, Вашингтон строил военные базы, создавал антисоветские пакты. В 60-х и 70-х годах в результате освободительных революций в «ярусе» появилось немало пустот. Выдумывая «дугу кризисов», Вашингтон решил попытаться, увеличив свое военное присутствие, усилив военную поддержку своих вассалов — правых реакционных режимов, подлатать «северный ярус», а потерю Ирана хотя бы частично компенсировать созданием антисоветского режима в Афганистане.

Возникновение очага кризиса у южных границ нашей страны, переброска в Персидский залив огромной военно-морской армады, дестабилизация с помощью тайной войны обстановки в Афганистане — все это явилось новым проявлением агрессивности американской политики, усиления военного давления на СССР, отказа руководства США от политики разрядки. Вехами этого процесса стали: принятие в мае 1978 года вашингтонской сессией Совета НАТО долгосрочной программы перевооружения Североатлантического блока; интенсификация Вашингтоном усилий по созданию военно-политического квазисоюза на Дальнем Востоке между США, Японией и Китаем; отказ от ратификации Договора ОСВ-2; наконец, принятие в декабре 1979 года на брюссельской сессии Совета НАТО так называемого двойного решения, предусматривающего размещение в Европе новых американских ракет, дестабилизацию военно-политической ситуации на континенте.

В этой обстановке Советский Союз не мог не откликнуться на просьбу правительства дружественного Афганистана. Поступить иначе означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму, позволить агрессивным силам повторить здесь то, что им удалось сделать, например, в Чили, где свобода народа была потоплена в крови. Поступить иначе означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства.

Введение в конце 1979 — начале 1980 года по просьбе афганского правительства ограниченного контингента советских войск на территорию Афганистана находилось в полном соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР

и ДРА, статьей 51-й Устава ООН и не было направлено против соседних государств.

Этот шаг предотвратил более серьезное обострение кризиса в регионе, в частности планировавшееся Белым домом широкомасштабное вторжение США в Иран, что признавал косвенно в своих мемуарах З. Бжезинский.

В начале 1980 года Дж. Картер назвал ситуацию вокруг Афганистана «самой большой угрозой миру со времен второй мировой войны». Это заявление не столько отражало потерю всякого чувства меры или стремление показаться сверхжестким в ситуации усилившегося вызова со стороны ультраправого Рейгана, соперника Картера на президентских выборах 1980 года, сколько указывало на то, во что администрация пыталась превратить афганскую ситуацию.

Провал планов дестабилизации обстановки в Афганистане, военной интервенции в Иране Вашингтон решил использовать для еще большего взвинчивания милитаристской истерии, для еще большего увеличения военных расходов, для дальнейшего наступления против тенденций разрядки в мировой политике.

Одновременно был взят курс на расширение необъявленной войны против Афганистана. Для этого использовалась в первую очередь территория Пакистана. С американских военных кораблей в Индийском океане на пакистанскую военную базу в Манипуре доставлялись партии оружия, а оттуда оно перевозилось в учебные лагеря душманов. Одновременно администрация Картера договорилась с А. Садатом о налаживании снабжения бандитов копиями советского оружия, с тем чтобы создать впечатление, будто мятежники получают оружие не из-за рубежа, а захватывают его внутри страны. Позже, незадолго до своей смерти, А. Садат признал это. Оружие из Египта, как он сообщил, перевозилось на американских самолетах, американцы оплачивали и его стоимость.

Чтобы вовлечь Пакистан в необъявленную войну против Афганистана, Исламабаду была предложена военная помощь на 400 млн. долл., но глава Пакистана Зия Уль Хак презрительно отказался, назвав эту сумму «орешками». Позже уже администрация Рейгана сторговалась с Исламабадом. Согласие Пакистана на использование его территории в качестве плацдарма необъявленной войны против Афганистана обходится американскому налогоплательщику в 3,2 млрд.

долл. Прямые же поставки США душманам, только по опубликованным данным, оцениваются в 75—100 млн. долл. в год.

Оружие и снаряжение душманы получают не только по правительственным каналам. В США создана целая сеть «частных» организаций, целью которых является «оказание помощи афганским беженцам». Какого рода «помощь» предоставили эти организации, видно хотя бы из того, что почетным председателем крупнейшей из них — «Америкэрс» — является З. Бжезинский, который еще в бытность свою в Белом доме делал все возможное, чтобы расширить масштабы войны в Афганистане.

При администрации Рейгана финансирование и поддержка Вашингтоном афганских бандитов приобрели еще более широкие масштабы. Руководители администрации, сам президент даже не скрывают, что США поддерживают террористическую деятельность афганских бандитов. Чаше, правда, речь идет опять же о «помощи афганским беженцам» (эту формулировку отчеканил заместитель государственного секретаря Л. Иглбергер). Один из представителей администрации сообщил видному американскому журналисту Л. Гелбу, из чего состоит эта «помощь» — из гранатометов, минометов, безоткатных орудий, зенитных ракет, мин.

Почти сразу же после прихода к власти новой администрации назначенный на пост директора ЦРУ У. Кейси распорядился начать вербовку афганцев в Западной Европе, США, развивающихся странах, чтобы создать сеть перевалочных баз для переброски оружия мятежникам. Было завербовано и обучено около 100 человек, и теперь они работают в принадлежащих ЦРУ торговых и судоходных компаниях, переправляя оружие в Пакистан и далее — через караванные пути на верблюдах — в Афганистан. Оружие эти агенты получают и со складов американской армии, включая, как сообщил журнал «Тайм», расположенные на территории ФРГ. Соответствующая маркировка предварительно стирается. В США же налажено производство боеприпасов под калибры винтовок и пулеметов, используемых душманами.

Несмотря на увеличение потока оружия, мятежники терпят тяжелейшие поражения. Растеряв крупные формирования, они переключились в основном на грабежи, диверсии, индивидуальный террор, тактику мел-

ких стычек. Они убивают жителей, активистов НДПА, их семьи, сжигают школы, подрывают мосты, линии связи и электропередач. Делается все, чтобы замедлить экономическое возрождение страны, претворение в жизнь прогрессивных реформ.

Увеличивая помощь мятежникам, США и их союзники пытаются не допустить полного разгрома контрреволюционного отребья, установления мира в Афганистане. Этой же цели служит и политическая стратегия Вашингтона, направленная на то, чтобы торпедировать переговоры об урегулировании ситуации вокруг Афганистана, ведущиеся под эгидой ООН. Призывая на словах к восстановлению мира в Афганистане, на деле Вашингтон стремится не допустить решения конфликта политическими средствами, прекращения интервенции против ДРА, что создало бы условия для вывода ограниченного контингента советских войск.

В Белом доме многие понимают, что Афганистан для Америки «потерян», писал крупнейший американский знаток афганской проблемы Селиг Харрисон, но не хотят прекращения войны. «Но ведь это означает решимость сражаться до последнего афганца?» — такой вопрос задал Харрисон одному из руководителей администрации. «Афганцы любят сражаться», — ответил тот.

«Афганская проблема» нужна Вашингтону для того, чтобы поддерживать международную напряженность, которая в свою очередь необходима ему для оправдания погони за военным превосходством, политики силового давления и шантажа.

Ведя тайную войну «до последнего афганца», Вашингтон воюет не только против народа Афганистана, пытаясь загнать его в средневековье. Необъявленная война в Афганистане является частью широкой кампании, направленной на подрыв международной безопасности, на противодействие стремлению народов к самостоятельности, свободному развитию в условиях мира, на восстановление той гегемонии в несоциалистическом мире, которой США обладали в 40-х и 50-х годах и ностальгия по которой вновь и вновь застилает глаза американского правящего класса, толкает его к новым авантюрам.

Ближний Восток — зона перманентной агрессии США

ОТ БЕЙРУТА ДО БЕЙРУТА: РЕЦИДИВЫ АГРЕССИИ

В конце 70-х годов З. Бжезинский в присущей ему манере сенсационного откровения провозгласил Ближний Восток «третьей стратегической зоной» в мире, где США имеют «жизненно важные интересы». С момента изобретения двигателя внутреннего сгорания и начала использования нефти и продуктов ее перегонки в качестве основного горючего американская дипломатия вела борьбу за контроль над нефтяными богатствами Ближнего Востока. И в наши дни одной из основных целей американской политики на Ближнем Востоке остается все тот же контроль над нефтью и путями ее транспортировки.

Ближний Восток богат нефтью. Запасы этого топлива в регионе примерно в 10 раз превышают его запасы на территории США. Американское руководство давно вынашивает планы превращения Ближнего Востока в свой энергетический придаток, создания здесь военного плацдарма на подступах к Советскому Союзу. Последнее время для достижения своих целей Вашингтон делает все большую ставку на военную силу.

Поскольку США на Ближнем Востоке стремились сохранять стабильные отношения с влиятельными арабскими странами, они до поры до времени избегали открытой агрессии против государств этого региона. Главным же орудием в ближневосточной политике американского империализма всегда была постоянная угроза применения военной силы против неугодных режимов и движений, разжигание национальных, религиозных, социальных и других противоречий между странами, народами и общинами внутри государств, натравливание прозападных режимов на антиимпериалистические, подрывная, диверсионная, заговорщическая деятельность и т. д.

Вашингтон официально никому на Ближнем Востоке не объявлял войны, но на практике США с первых послевоенных лет втянуты здесь в войну необъявленную. В 1983 году США впервые после 1958 года вновь перешли Рубикон, направив крупный контингент морской пехоты в Ливан и подтянув к его берегам военно-морские силы.

Факт забытый, но символический: впервые Соединенные Штаты применили военную силу за пределами Северо-Американского континента именно на Ближнем Востоке в начале XIX века в борьбе с пиратами... Через полтора столетия США сами стали пиратами в этом регионе, пытаясь с помощью силы и угрозы силой захватить чужие богатства.

После второй мировой войны интерес Вашингтона к Ближнему Востоку резко усилился. Конкуренты были ослаблены войной, а Соединенные Штаты, как никогда, сильны. Мощной американской промышленности нужна была нефть, много нефти. Так почему бы не прибрать ее к рукам, тем более что обстановка благоприятствует, рассуждали в американской столице. Началась активная экспансия американского капитала на Ближний Восток. Там, где США не могли добиться своих целей «по-хорошему», в ход пускались шантаж, подкуп и угроза военной силой.

Положение осложнялось мощным ростом национально-освободительного движения в регионе. Революции в Египте (1952 г.) и в Ираке (1958 г.), других арабских странах нанесли серьезный удар по позициям европейских колониальных держав. США это устраивало в той мере, в какой эти процессы ослабляли позиции их западноевропейских конкурентов. Именно поэтому они остались в стороне, когда после национализации египетским правительством компании Суэцкого канала в 1956 году Англия, Франция и Израиль развязали агрессию против молодой республики. «США были информированы о «тройственной агрессии», — признавался позднее директор ЦРУ Аллен Даллес, — но не захотели ее предотвращать, ожидая, как дальше развернутся события».

Но события развернулись совсем не так, как рассчитывали в Вашингтоне. США не удалось прибрать к рукам Суэцкий канал с помощью так называемой Ассоциации пользователей Суэцким каналом, изобретенной братом главы ЦРУ — государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом. Опираясь на под-

держку Советского Союза, других социалистических стран, Египет сумел сохранить канал в своих руках. Вот тогда-то США и начали сами бряцать оружием.

5 января 1957 года президент США провозгласил так называемую доктрину Эйзенхауэра для Ближнего Востока. Он прямо декларировал «право» США использовать в этом районе американские вооруженные силы. «США считают жизненно важным для своих интересов и мира во всем мире сохранение независимости и целостности ближневосточных стран», — демагогически заявил он. «Мы предоставим любой стране или группе стран Ближнего Востока, — продолжал президент, — экономическую и военную помощь в интересах поддержания безопасности».

Иными словами, был взят курс на непосредственное военное вмешательство в регионе. При этом Соединенные Штаты отнюдь не смущал тот факт, что об этой помощи их никто не просил. «Доктрина Эйзенхауэра» автоматически перенесла на Ближний Восток уже хорошо апробированные методы американского экспансионизма в противодействии прогрессивным силам — организацию заговоров, переворотов, насаждение послушных марионеточных правительств, опору на местную реакцию.

Первым практическим проявлением нового курса стала американская агрессия в Ливане в июле 1958 года, когда прозападная ливанская верхушка во главе с президентом К. Шамуном решила принять «доктрину Эйзенхауэра». Массовые протесты охватили всю страну. «Ливану грозит коммунистическая опасность!» — твердили в Вашингтоне. Когда в ливанском парламенте решался вопрос «да» или «нет» «доктрине Эйзенхауэра», над его зданием с ревом пронеслись реактивные самолеты с находившегося неподалеку от ливанского побережья американского авианосца «Форрестол».

Парламент капитулировал, народ — нет. В Бейруте, Триполи, других ливанских городах началось восстание против режима К. Шамуна. Выросли баррикады. США приступили к поставкам оружия реакционным ливанским силам. Однако те не горели желанием воевать против собственного народа. В Вашингтоне было решено бросить в Ливан союзные иракские, а также иорданские войска. Памятуя об уроках «тройственной агрессии», от услуг Тель-Авива пришлось отказаться. Действия иракских и иорданских войск ока-

зались крайне неэффективными. Воюя без энтузиазма, они сдавали одну позицию за другой.

Тогда вмешались сами США. В июле в Ливане высадилось около 17 тыс. американских военнослужащих, т. е. больше, чем численность всей ливанской армии. Английские войска высадились в Иордании. Всего же на подступах к Ливану США и Англия сосредоточили около 70 тыс. солдат и офицеров, 120 боевых кораблей. Через два дня после высадки американского десанта пришло тревожное сообщение из Ирака — пал прозападный режим Нури Саида. В Вашингтоне входили в раж. По существу оккупировав территорию Ливана и Иордании, англо-американские войска собирались двинуться в Ирак, чтобы спасти своего ставленника.

Трудно сказать, какие последствия имела бы англо-американская агрессия на Ближнем Востоке, если бы не быстрое и решительное вмешательство Советского Союза, положившее ей конец. «Советский Союз не может оставаться безучастным к событиям, создающим серьезную угрозу миру в районе, прилегающем к его границам,— говорилось в заявлении Советского правительства от 16 июля 1958 года,— и оставляет за собой право принять необходимые меры, диктуемые интересами мира и безопасности». К концу сентября 1958 года Вашингтон был вынужден вывести свои войска из Ливана.

После ливанской авантюры Соединенные Штаты не вмешивались открыто во внутренние дела стран региона, действуя больше в тени. Но на Ближнем Востоке у них было свое «доверенное лицо» — Израиль, развязавший в разное время пять войн против арабов (1948, 1956, 1967, 1973, 1982 годы).

К концу 70-х годов, немного оправившись после вьетнамского фиаско, Вашингтон вновь взялся за старое. Картер и его окружение стали твердить о необходимости защиты «жизненных интересов США на Ближнем Востоке», Рейган пошел еще дальше. Если Эйзенхауэр, выдвигая свою пресловутую доктрину, делал оговорку, что Соединенные Штаты применяют военную силу в регионе, если их об этом попросят, то команда Рейгана безапелляционно заявляет, что США применяют военную силу, если сочтут нужным.

И вот Ливан 1983—1984 годов, где американские 196 военнослужащие из «миротворцев» постепенно пре-

вратились в оккупантов. Что это, случайное стечение обстоятельств или рецидив агрессии? Ясно, что второе. Все возвращается на круги своя.

НЕТ МИРА НА ЗЕМЛЕ ЛИВАНСКОЙ

25 апреля 1982 года участники кэмп-дэвидской сделки — США, Израиль и Египет — разыграли спектакль с возвращением последнему оставшейся оккупированной части Синайского полуострова. Американские средства массовой информации возвестили об установлении между Египтом и Израилем «прочного и справедливого мира», что-де принесет мир всему Ближнему Востоку. Как показали дальнейшие события, громогласные разговоры о мире явились предвестником новой кровопролитной войны.

В Белом доме ломали голову над тем, как поступать дальше. Успехи были призрачны, политика США в регионе топталась на месте. Пресловутые египетско-израильские переговоры зашли в тупик. Египет тщетно пытался вырвать у Израиля хоть какие-то уступки в переговорах по палестинской автономии, чтобы показать осуждавшим его политику арабским странам «наличие прогресса». Прогресса не было. Израиль не шел ни на какие уступки. Единственное, что могли обещать в Тель-Авиве, — это продолжать бесплодные переговоры. Соединенные Штаты сами в достаточной степени осознали, что кэмп-дэвидский процесс практически мертв.

С другой стороны, активно действовал в деле разоблачения политики США на Ближнем Востоке, срыва кэмп-дэвидской сделки Национальный фронт стойкости и противодействия (НФСП) в составе прогрессивных арабских режимов и Организации освобождения Палестины (ООП). В самом Ливане не прекращалась упорная борьба между Национально-прогрессивными силами (НПС) и Палестинским движением сопротивления (ПДС), с одной стороны, и правохристианскими формированиями — с другой. Именно к этой стране и обратили свой взор американские и израильские стратеги. Им казалось, что создавшиеся условия дают неплохие возможности достичь здесь с помощью израильских вооруженных сил следующих целей:

1. Уничтожить военную и политическую инфраструктуру ООП, лишить организацию ее боевого авангарда и тем самым сделать ее неспособной оказывать военное противодействие Израилю. В условиях разгрома военизированных формирований ООП «умеренные» палестинские деятели западного берега р. Иордан могли бы пойти на такое соглашение об автономии, какое устраивало бы Израиль.

2. Путем оказания военной помощи правохристианским формированиям в их вооруженной борьбе против национально-прогрессивных сил и палестинцев насадить в Ливане прозападное правительство, которое пошло бы на заключение мирного договора с Израилем, как это сделал в свое время Садат, и тем самым оживить кэмп-дэвидский процесс.

3. Ликвидировать сирийское военное присутствие в Ливане.

Накануне агрессии печать, радио и телевидение Израиля усилили нападки на ПДС и ООП. К ливанской границе перебрасывались части израильской армии. Одновременно американские и израильские военные и дипломаты интенсивно обменивались визитами. В израильском генеральном штабе уточнялись последние расчеты. Момент для удара по Ливану, казалось, был выбран удачно.

Египет, участвовавший в переговорах с США и Израилем на правах парии, только что получил обратно Синайский полуостров, где не замедлили расположиться подразделения американских вооруженных сил и их союзники по блокам НАТО и АНЗЮС. Объем американской военной и экономической помощи Египту довольно прочно привязывал его к Соединенным Штатам. Египетская армия перевооружалась американским оружием. Представлялось маловероятным, что в ответ на израильское вторжение в Ливан новый президент Египта Мубарак порвет отношения с Израилем, не говоря уже о США. К тому же режим нового египетского президента нуждался во внутренней стабилизации. В конечном счете недовольство Египта можно было сгладить предоставлением ему новых партий оружия, увеличением военной помощи, что и пытался сделать министр обороны США К. Уайнбергер во время своего визита в Каир в сентябре 1982 года.

Суданский, сомалийский и оманский режимы, доставившие «военные льготы» американским силам

быстрого развертывания, достаточно глубоко успели втянуться в сотрудничество с Западом и скорее всего, рассуждали в Вашингтоне и Тель-Авиве, займут в этом вопросе ту же позицию, что и Египет. Ирак — одно из крупнейших арабских государств, противостоящих Израилю, целиком был занят войной с Ираном. Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива казались всерьез напуганными заявлениями Хомейни «экспортировать» исламскую революцию на их территорию и больше опасались Ирана, чем агрессивных действий Тель-Авива в Ливане. Более того, Саудовская Аравия заключила с США крупнейшую в истории торговли оружием сделку на поставку ей самолетов АВАКС и дополнительного оборудования к истребителям F-15 на сумму 8,5 млрд. долл., и не в ее интересах было портить отношения с Вашингтоном, противодействуя его «стратегическому союзнику». Иордания, учитывая специфичность ее позиции в вопросе ближневосточного урегулирования, практически в расчет не принималась.

И только Сирия на деле могла оказать вооруженное противодействие агрессору, тем более что контингент ее вооруженных сил находился в Ливане в качестве межарабских сил. Алжир и Ливия, сочли в Вашингтоне и Тель-Авиве, вряд ли окажут эффективную помощь Сирии, скорее их помощь будет чисто символической. В конечном счете напрашивался вывод, что Сирия в одиночку не решится на открытое столкновение с израильской армией, а постоянная угроза такого столкновения вынудит ее уйти из Ливана.

Представители Пентагона считали, что измотанные продолжительной гражданской войной отряды НПС—ПДС не смогут оказать серьезного сопротивления хорошо организованной и вооруженной израильской армии.

Серьезно опасались в США лишь за судьбу военных баз в прозападных арабских странах. А вдруг арабы решатся на крайний шаг и ликвидируют их? Однако в конце концов возобладало мнение, что и здесь все обойдется гладко, если проявить должную дипломатическую сноровку.

Итак, все было готово к агрессии. Ждали только подходящего предлога. И он вскоре нашелся. В начале июня палестинские боевики из раскольнической группировки Абу Нидаля, никакого отношения к ООП не имеющей, совершили нападение на израильского

посла в Лондоне. Западные политические обозреватели иронически сравнивали происшедшее с убийством в 1914 году австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве, использованным Германией в качестве предлога для развязывания первой мировой войны.

6 июня 1982 года началось массированное вторжение почти 30-тысячной израильской армии в Южный Ливан. «Мир для Галилеи» — такое кощунственное название получила эта агрессия. Разглагольствуя о необходимости создания 25-мильной буферной зоны вдоль северной границы Израиля с Ливаном, захватчики продолжали продвигаться в глубь ливанской территории, словно не замечая отмеренных ими же самими 25 миль. Израильская авиация бомбила ливанские города и села, а танки упорно продвигались на север. «Только военное решение проблемы даст нам мир», — заявлял начальник генерального штаба Израиля Р. Эйтан. К началу июля тель-авивские «миротворцы» уничтожили более 14 тыс. ливанцев и палестинцев. Более 20 тыс. получили ранения, и 700 тыс. лишились крова.

Несмотря на превосходство своих сил, оккупанты встречали упорное сопротивление. Легкой прогулки в Ливане не получилось. Вооруженные в основном стрелковым оружием, отряды НПС — ПДС нанесли израильской армии серьезные потери, которые, по некоторым данным, даже превышают потери израильского агрессора в ходе войны 1973 года.

А как же США? С самого начала израильского вторжения официальный Вашингтон занял двусмысленную позицию. Там высказались за вывод всех иностранных войск из Ливана — сирийского контингента, введенного в страну в соответствии с решением Лиги арабских стран (ЛАС), военизированных формирований ООП, также подведенных под статью иностранных войск, и войск Израиля. Все они ставились на одну доску. Одновременно в Вашингтоне намекали на готовность оказать помощь в формировании законного (читай: проамериканского. — П. Х.) правительства в Ливане.

В пригородах Бейрута шли упорные бои. Израильское командование в ультимативной форме требовало ухода ООП из столицы, угрожая в противном случае сровнять город с землей. Дабы не подвергать население города новой опасности, руководство ООП приняло решение покинуть ливанскую столицу. В августе на-

чалась эвакуация палестинцев из Бейрута. Непобежденные, с оружием в руках покидали они израненный город. На одном из французских кораблей отбыл из Бейрутского порта председатель Исполкома ООП Я. Арафат.

В Вашингтоне внимательно следили за ходом агрессии и, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же решили заняться претворением в жизнь собственных планов в отношении этой страны. Прежде всего ставилась задача разместить в Ливане под видом так называемых многонациональных сил контингенты своих войск, как это было в свое время на Синайском полуострове, превратить Ливан в еще один плацдарм американских сил быстрого развертывания на Ближнем Востоке. Не сразу, но удалось уломать некоторых союзников по НАТО — Францию, Англию и Италию. Таким образом, костяк многонациональных сил, превратившихся позднее в самый настоящий интервенционистский корпус, был оформлен. В скором времени американский контингент уже приступил к проведению на территории Ливана вертолетно-десантных учений по отработке наступательных операций с привлечением морских судов.

Другой задачей американской администрации в отношении Ливана являлось создание сильной армии, оснащенной американским оружием и способной «защищать интересы США на Ближнем Востоке». Армию предполагалось набрать в основном из числа «ливанских сил», основу которых составляли правые христиане-марониты, а также привлечь отдельных лояльных Вашингтону представителей мусульман.

В сентябре 1982 года в Ливане побывал министр обороны США К. Уайнбергер, который провел переговоры с президентом страны Баширом Жмайелем. С самого начала переговоров стало ясно, что Вашингтон намерен активно включить Ливан в свои военно-стратегические планы. Шеф Пентагона выступил с идеей американо-ливанского соглашения о совместном военном планировании, аналогичного ранее подписанному с Саудовской Аравией. Вслед за визитом К. Уайнбергера в Бейрутский порт прибыли два американских судна, доставившие в Ливан оружие и боеприпасы для так называемой ливанской армии, а по существу для правых христиан-фалангистов. Такие суда прибывали в Бейрут не раз. К середине февраля 1983 года администрация Рейгана израсходова-

ла 112 млн. долл. на оказание военной помощи «ливанской армии», а к июню 1983 года — 250 млн. долл. в целях превращения ее в инструмент американской политики на Ближнем Востоке.

Наиболее существенная задача американской администрации в отношении Ливана заключалась в формировании там прозападного правительства, способного контролировать положение в стране и пойти на подписание мирного договора с Израилем. Кандидатура на пост президента была подобрана в лице Б. Жмайеля, но оказалась для США не вполне удачной. Башир Жмайель, 34-летний сын лидера ливанских фалангистов Пьера Жмайеля, долгое время являлся союзником Израиля, приветствовал ввод израильских войск на территорию Ливана. Он возглавлял так называемую христианскую милицию — военизированные формирования фалангистов. На поспешно проведенных выборах в условиях военного времени Башир Жмайель стал первым ливанским президентом после начала оккупации. Будучи человеком амбициозным, настроенным националистически, он делал ставку на США и Израиль, поскольку они могли помочь ему стать президентом. Но, став президентом, Башир отнюдь не намеревался довольствоваться ролью марионетки в руках Вашингтона и Тель-Авива. Он стремился к созданию сильного и влиятельного Ливана под своим руководством. Ливанский президент уже почти не скрывал, что он — против пребывания израильских войск в Ливане, и не спешил с подписанием мирного договора с Израилем.

14 сентября в штаб-квартире фалангистов прогремел взрыв, в результате которого Б. Жмайель был погребен под грудой обломков. Президентом Ливана стал более покладистый 40-летний Амин Жмайель, брат погибшего.

Тем временем израильская агрессия против народа Ливана продолжалась. Она сопровождалась террором по отношению к коренным жителям страны, и палестинцам в особенности. Напалм, шариковые и касетные бомбы — все пускалось в ход. С гневом и возмущением восприняли во всем мире сообщения о массовом истреблении безоружных палестинцев в лагерях Сабра и Шатила, учиненном после того, как израильские войска вступили в восточную часть Бейрута. Начальник разведки христианской милиции Ильяс Хобейка, по словам западных дипломатов очень кру-

той и безжалостный человек, начальник военной полиции фалангистов Диб Анастас, еще в лагере Тель-Заатар жестоко расправлявшийся с палестинцами, и командир фалангистских «черных беретов» Жозеф Эдде со своими головорезами были пропущены израильскими войсками в Сабру и Шатилу якобы с целью разоружения палестинцев и устроили там кровавую бойню, продолжавшуюся двое суток — с 16 по 18 сентября. Было убито около 600 человек. И как бы израильская верхушка ни открещивалась от этого чудовищного преступления, именно на ее совести лежит главная вина за то, что произошло в Сабре и Шатиле.

Каковы же были результаты американско-израильской кампании в Ливане к весне 1983 года? Под напором почти 100-тысячной израильской армии отряды ПДС были вынуждены уйти из Южного Ливана. Кроме того, острые споры внутри организации по поводу того, как и в какой степени противодействовать Израилю, привели к усилению в ней внутренних противоречий. На этом, пожалуй, плюсы для Вашингтона исчерпывались. Далее шли минусы. Правительство А. Жмайеля, несмотря на значительную военную помощь со стороны США, так и не смогло установить контроль за положением в стране. Действия «ливанской армии» по «сдерживанию» НПС оказались неэффективными. Но главное — сирийские войска не ушли из Ливана, несмотря на угрозы в их адрес.

Вторжение оборачивалось совсем не тем, на что рассчитывали в Вашингтоне. В этих условиях администрация Рейгана вновь решила сделать ставку на Израиль, чтобы тот оказал давление на Сирию. В присутствии сирийских войск в Ливане Вашингтон видел камень преткновения для осуществления своих далеко идущих замыслов установления на Ближнем Востоке мира «по-американски». Если удастся убрать сирийский контингент из долины Бекаа, расположенной к востоку от Бейрута, решили в Вашингтоне, то без сирийской поддержки НПС Ливана будут вынуждены капитулировать.

В марте 1983 года США и Израиль подняли шумиху по поводу развертывания Сирией ракет ПВО в Ливане. Тель-Авив выступил с угрозой их уничтожения, если они не будут убраны. Обстановка в районе противостояния сирийских и израильских войск накалялась. 22 марта США предприняли очередной шаг на пути эскалации конфликта: заявили о решении возоб-

новить поставки оружия Израилю. Речь шла о 200 ракетах «Сайдуиндер» класса «воздух — воздух». Начались открытые столкновения между ВВС Израиля и Сирии. Сирийская армия стойко противостояла агрессору.

Примерно через год после начала агрессии, в июне 1983 года, израильские войска, несшие всевозрастающие потери, отошли от Бейрута. Подписанный месяцем ранее правительством А. Жмайеля так называемый мирный договор с Израилем до предела накалил обстановку в стране. Боевые действия между правохристианскими формированиями и НПС разгорелись с новой силой. В ответ на подписание договора оформился Фронт национального спасения Ливана, в который вошли Ливанская коммунистическая партия, Прогрессивно-социалистическая партия во главе с В. Джумблатом, шиитское движение «Амаль» и др. Все попытки А. Жмайеля установить контроль над положением в стране оказались безуспешными. Оппозиция требовала полной и безусловной отмены «мирного договора» с Израилем. Сирия продолжала прочно занимать свои позиции в долине Бекаа.

На внутриливанском фронте положение складывалось далеко не в пользу США и их протекже. Израиль, отойдя от Бейрута, казалось, не хотел больше выполнять за американцев черную работу. Дело шло к первому после 1958 года непосредственному вмешательству США во внутренние дела Ливана.

В первой половине сентября 1983 года на помощь американскому контингенту численностью 1600 человек на кораблях ВМС в Ливан прибыло еще 2 тыс. десантников. Морская пехота США стала активнее втягиваться в вооруженные перестрелки с НПС. Одновременно к ливанскому побережью подошел авианосец «Д. Эйзенхауэр» со 100 самолетами на борту в сопровождении эскорта военных кораблей. За ним подтянулся и линкор «Нью-Джерси», расчехлив свои 16-дюймовые орудия. «Один снаряд такого орудия, — хвастались американцы, — весит столько, сколько «Фольксваген», а стоит столько, сколько «Кадиллак». Площадь, которую он расчищает, равна пяти футбольным полям».

В условиях острого внутриливанского конфликта и усиливающегося иностранного участия в нем в стране активизировались проиранские шиитские террористические группировки. Волну шовинизма и воинствен-

ности в США вызвала серия взрывов, совершенных в Бейруте и других городах страны против так называемых многонациональных сил и израильских оккупантов арабами-смертниками. 23 октября 1983 года набитый взрывчаткой грузовик пробил ворота ограждения и врезался в здание штаба морской пехоты США в Бейруте. Мощный взрыв потряс здание. Под его обломками погиб 241 морской пехотинец. Подобная участь постигла в тот же день штаб французских сил в ливанской столице, а позднее — штаб израильской армии в г. Тир.

Администрация США пообещала отомстить за смерть пехотинцев и одновременно заявила о продолжении своих «миротворческих» усилий. Все это на практике означало эскалацию конфликта. «Мы не собираемся пасовать перед терроризмом и уходить», — твердили руководители конгресса. Ссылаясь на резолюцию о военных полномочиях, конгресс продлил пребывание морских пехотинцев в Бейруте на 18 месяцев, т. е. до марта 1985 года. Сами американские «миротворцы» вели себя как настоящие оккупанты: стреляли по «противнику», задерживали, обыскивали мирных жителей. Поскольку в крайне запутанной ситуации в Ливане трудно было найти людей, несших непосредственную ответственность за взрыв штаб-квартиры морской пехоты США, подавлять было приказано все точки, откуда велась стрельба. Американцев при этом ничуть не смущало, что основными жертвами их артиллерийских обстрелов и бомбардировок оказывались мирные жители.

В дальнейшем в ход были пущены орудия линкора «Нью-Джерси», обстреливавшие ливанское побережье и центральные районы Ливана (дальность их стрельбы — до 40 км). Вооруженное вмешательство США усиливалось. В одном из своих выступлений командующий корпусом морской пехоты генерал П. Келли назвал Ливан новым Вьетнамом. Параллель напрашивалась сама собой... В декабре 1983 года американские истребители с кораблей 6-го флота вступили в воздушные бои с сирийскими самолетами под предлогом «защиты морских пехотинцев». Таким образом, США подвели дело к порогу большой войны на Ближнем Востоке со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В США тем временем начиналась новая избирательная кампания по выборам президента и конгресса. 205

И в этой кампании главным требованием рядовых избирателей было требование мира, прекращения воинственных акций за рубежом. 7 февраля 1984 года Белый дом с большой неохотой принял решение о выводе морских пехотинцев из Ливана и переводе их на курсирующие у его берегов корабли 6-го флота. А 5 марта после переговоров с Сирией ливанский кабинет министров объявил недействительным «мирный договор» с Израилем. Так полным провалом завершилась очередная американская авантюра на Ближнем Востоке. Вместо мира пребывание американских войск в Ливане принесло народу этой страны новые жертвы и разрушения, вместо стабилизации обстановки — ее дальнейшее обострение.

Соединенные Штаты вывели свои войска из Ливана, но агрессия против этой страны не прекратилась. Израильская военщина продолжает оккупировать южные районы Ливана. Усилиями агрессоров Ливан превращен в огромную лабораторию, где в боевой обстановке проходят испытания новейших образцов американского и израильского оружия, отрабатывается тактика боя, в том числе ведения боевых действий в городах.

Главный же итог агрессии стараются замалчивать. А он заключается в том, что силой оружия, актами терроризма и неоправданной жестокости нельзя заставить народ, пусть даже немногочисленный, принять то, что он не желает принимать, навязать ему чуждые порядки и политику. Это главный итог агрессии в Ливане, полностью подтверждающий урок, полученный США во Вьетнаме, но не усвоенный в Вашингтоне.

30 июля 1984 года Советское правительство выступило с предложением по ближневосточному урегулированию. Выражая обеспокоенность взрывоопасной ситуацией в регионе, СССР выдвинул широкую программу действий по подлинному решению ливанской и всей ближневосточной проблемы. Важной стороной советских предложений является то, что они во многом совпадают с решениями Фесского совещания глав государств и правительств арабских стран, состоявшегося в 1982 году и выработавшего общеарабскую позицию по данному вопросу.

Советские предложения предусматривают строгое соблюдение принципа недопустимости захвата чужих земель путем агрессии, возвращение Израилем всех

оккупированных им с 1967 года территорий, обеспечение неотъемлемого права палестинского народа, единственным законным представителем которого является ООП, на самоопределение, возвращение арабам восточной части Иерусалима, обеспечение прав всех государств региона на безопасное и независимое существование и развитие, прекращение состояния войны и установление мира между арабскими государствами и Израилем, выработку международных гарантий урегулирования.

Как же отреагировали в американской столице на советские предложения, являющиеся на сегодняшний день, пожалуй, единственной реальной основой ближневосточного урегулирования? Официальный представитель госдепартамента с ходу отверг их. США никак не устраивает вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, возвращение восточной части Иерусалима, проведение международной конференции по ближневосточной проблеме, в работе которой участвовал бы СССР. Реакция США на советские предложения показала, что в Вашингтоне продолжают придерживаться агрессивной политики в регионе с целью укрепления позиций американского империализма.

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ: ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

В феврале 1979 года в результате антимонархической революции в Иране был свергнут давний союзник США — «шах шахов» Мохаммед Реза Пехлеви. Эта потеря для Вашингтона была очень чувствительной: ведь шахский Иран являлся одним из крупнейших поставщиков нефти в США. Это топливо он поставлял и Израилю, подрывая антиизраильский бойкот со стороны арабских нефтедобывающих стран. В Вашингтоне считали шаха «своим человеком» в становившейся все более строптивой Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Шахский режим закупал значительное количество американских вооружений, позволил США разместить на территории страны войска, а вдоль границы с СССР — станции радиоэлектронного слежения. Выполнял он и отдельные щекотливые поручения Вашингтона: совершил военную интервенцию в Омане с целью спасения прозападного режима сул-

тана Кабуса, отдал взаймы США американские реактивные самолеты, срочно понадобившиеся американцам во Вьетнаме, снабжал оружием Сомали в его войне против Эфиопии, оказывал военную помощь чадским прозападным группировкам, вопреки принятому ООН решению поставлял нефть расистской ЮАР, склонял египетского президента Садата к переговорам с Израилем и т. д.

С падением шахского режима Иран выпал из военно-стратегической системы американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Мгновенно распался блок СЕНТО. Новый режим аятоллы Хомейни ликвидировал станции слежения вдоль советской границы. Прекращены были поставки нефти Израилю и ЮАР. Иран разорвал дипломатические отношения с Израилем, а в здании бывшего израильского посольства разместилось постоянное представительство ООП.

Победа иранской революции вызвала резкое недовольство, но вместе с тем и испуг в Вашингтоне.

Иранская революция по сути своей была глубоко антиамериканской. С Америкой связывались бесчинства секретной полиции шаха — САВАК, процесс «вестернизации» иранской жизни, которому объективно противился «средний» иранец, деятельность шахской верхушки, глубоко коррумпированной и алчной. Всеобщее осуждение вызывало разнузданное поведение американских военнослужащих, которые в соответствии с шахским декретом 1963 года были неподсудны иранским законам. С гневом и возмущением воспринял иранский народ решение американского правительства предоставить убежище беглому шаху, прихватившему с собой награбленных богатств на сумму более 20 млрд. долл. После свержения монарха США заморозили иранские вклады в американских банках, предприняли ряд экономических санкций в отношении Ирана. Это способствовало еще более резкому росту антиамериканских настроений среди иранского населения. Кульминацией протестов стал захват 4 ноября 1979 года американского посольства в Тегеране студентами — сторонниками Хомейни. 53 сотрудника посольства оказались в роли заложников.

Безусловно, сам по себе факт захвата американского посольства явился грубейшим нарушением норм международного права. И тем не менее этот инцидент мог быть решен дипломатическими средствами, что

Соединенные Штаты, ослепленные ненавистью к иранской революции, ставили перед собой другую цель — любыми средствами свергнуть новый режим и восстановить в Иране правительство прозападного толка.

Используя в качестве предлога захват посольства, администрация Картера стала раздувать в США антииранскую истерию. В адрес иранского руководства раздавались открытые угрозы. В Вашингтоне приступили к планированию тайной операции по «освобождению заложников», с успешным проведением которой связывали активизацию сил контрреволюции в Иране и падение режима Хомейни. В январе 1980 года к району Персидского залива были подтянуты американские корабли во главе с авианосцем «Нимиц». Шла усиленная подготовка к операции, которая практически ничем не отличалась от обычной агрессии.

Операцию по «освобождению заложников» было решено начать с авианосца «Нимиц», находившегося в Аравийском море. Поскольку вертолеты, стартовавшие с него, не могли без остановки преодолеть расстояние до Тегерана, предусматривалась промежуточная посадка в 100 км юго-восточнее иранской столицы. Площадка для этой цели должна была находиться в укромном месте и быть достаточно большой, чтобы принять восемь вертолетов, шесть военно-транспортных самолетов с горючим и снаряжением. С помощью фотоспутников такую площадку нашли. Условно ее назвали «пустыня № 1». При выборе транспортных средств исходили из того, что они — для маскировки — должны соответствовать тем типам, которыми располагает Иран. Выбор пал на транспортные самолеты С-130 и вертолеты RH-53, которые были доставлены на авианосец «Нимиц». С января 1980 года начались тренировочные полеты вертолетов, а 12 апреля один из самолетов С-130 приземлился на площадке, обозначенной как «пустыня № 1».

Уже сам по себе полет этого самолета явился грубейшим нарушением воздушного пространства Ирана, но на подобную мелочь в Пентагоне не обращали никакого внимания. Впереди было дело покрупнее. С 20 апреля все вертолеты находились на борту авианосца и подвергались самой тщательной проверке. Хотя вертолетам предстояло совершить промежуточную посадку в пустыне, было решено снять с двигателей песочные фильтры для облегчения веса. Составлялись подробные метеосводки погоды как в районе 269

Тегерана и «пустыни № 1», так и на всем маршруте полета. В ночь с 24 на 25 апреля синоптики предсказали хорошую видимость, почти ясное небо и благоприятный ветер. Приказ о начале «операции» был отдан.

24 апреля во второй половине дня с авиабазы Ке-на, что в Центральном Египте, вылетели в направлении «пустыни № 1» шесть самолетов С-130 (египетский президент Садат активно поддерживал и поощрял враждебный курс США в отношении революционного Ирана), а в 19.30 с борта авианосца «Нимиц» стартовали восемь вертолетов RH-53.

Транспортные самолеты достигли «пустыни № 1» без происшествий. Однако через несколько минут после приземления первого самолета на близлежащей дороге показался автобус с пассажирами. Выстрелами его остановили, и, согласно инструкции, все пассажиры были задержаны. Через некоторое время по дороге загрохотала автоцистерна. В последующие часы в «пустыне № 1» было тихо. Прибытие вертолетов ожидалось в полночь. Назначенный час миновал, но их не было.

А тем временем в небе происходило следующее. Пилоты вели машины, выключив радиосвязь и пользуясь визуальным ориентированием. Как и планировалось, менее чем через два часа достигли побережья. Однако из-за неисправности лопастей воздушного винта вертолета № 6 пилот совершил посадку. Летевший последним вертолет № 8 также приземлился. Экипаж вертолета № 6, взяв с собой секретные документы, пересел в вертолет № 8.

Улетевшие вперед шесть вертолетов неожиданно попали в облако пыли и потеряли наземные ориентиры. Поскольку включать радиосвязь было запрещено, летчики ничего не знали друг о друге. Действия в зоне песчаной бури планом не предусматривались. Примерно через 30 минут возникли неполадки в системе электропитания вертолета № 5, и он был вынужден возвратиться на авианосец. В воздухе осталось шесть вертолетов — минимальное число для успешного завершения операции. Неожиданно в гидравлической системе вертолета № 2 возникли неполадки. Тем не менее полет продолжался.

Согласно плану, вертолеты должны были приземлиться в заданном районе в полночь. Они приземлились в промежутке времени между 0.50 и 1.40. Поэтому

му дозаправка вертолетов и погрузка снаряжения производились в спешке. Экипаж вертолета № 2, осмотрев машину, убедился, что на устранение неисправности уйдет несколько часов. Теперь вертолетов осталось меньше расчетного числа. Руководитель «экспедиции» Чарльз Бекуит понял, что придется прервать операцию. Все другие руководители операции, с которыми была установлена связь, согласились с ним. В 2.10 президент Картер дал отбой. Вертолеты под покровом ночи должны были вернуться на «Нимиц», а транспортные самолеты — на свою базу. И пожалуй, никто не догадался бы о происшедшем, если бы при свертывании операции не произошла авария.

Заправлявшийся у С-130 вертолет № 3 уже готов был уступить место вертолету № 4, но внезапно поднялся сильный ветер, и вертолет № 3, уже оторвавшийся от земли, накренился и ударил лопастью винта по крылу самолета С-130. В то же мгновение раздался взрыв (Пентагон впоследствии признал, что самолеты и вертолеты были начинены взрывчаткой). Находящиеся в самолете 40 человек сумели выбраться наружу через аварийный люк. Пять членов экипажа С-130 и три члена экипажа RH-53 погибли. В этих условиях было решено пересадить всех людей на самолеты, так как «время и топливо стали критическими факторами». Полчаса ушло на переноску из вертолетов секретной документации и карт. В темноте перегруженные самолеты поднялись в воздух. Тщательно планировавшаяся дорогостоящая операция закончилась полным провалом.

Что это — случайное стечение обстоятельств? Да, случай помешал американцам осуществить задуманное. Но случай, возможно, и предотвратил более серьезную трагедию. В принципе на данной «операции» можно было бы и не останавливаться столь подробно, если бы не одно «но». За так называемой операцией по «спасению заложников» крылась другая, более опасная и авантюристичная, а именно прямая агрессия США против Ирана. Случайно также или нет, но в одном из вертолетов, брошенных американцами в спешке, позднее обнаружили документы и карту, на которой был помечен дом Хомейни. Видимо, «спасатели» хотели прихватить его в качестве заложника. Основываясь все на том же докладе Пентагона, нетрудно представить, как могли развиваться события, не случись неполадок с вертолетами и аварией.

С 2.15 до 3.00 25 апреля вертолетам с командос предстояло высадить десант на станции Гермсар, в 80 километрах от Тегерана, где десант ожидало укрытие и семь грузовиков, крытых брезентом. Самим вертолетам предстояло на 22 часа скрыться в отдаленной высокогорной долине Лаагер. В полночь с 25 на 26 апреля вертолеты должны были стартовать в направлении Тегерана. Незадолго до этого специальный отряд выходил из укрытия, на машинах въезжал в столицу Ирана и следовал по маршруту, обозначенному на схеме.

Предполагалось подъехать к посольству с переулком и сразу же начать его штурм. Одна из машин должна была направиться к зданию иранского МИДа, чтобы освободить находящихся там трех заложников. В это время вертолеты будут уже подлетать к Тегерану. Четыре из них должны были приземлиться на стадионе «Амджадие», близ посольства, и взять на борт заложников и освободивших их людей, два вертолета — кружить над городом: один — выполняя роль координатора, задача другого состояла в том, чтобы взять трех заложников, находившихся в здании МИДа, и команду, освободившую их.

Американцы полагали, что на этом этапе операции могут произойти столкновения с иранскими подразделениями. Поэтому для вертолетов было подобрано 12 запасных посадочных площадок; при необходимости в Карадже и Корсаке (в 15 и 30 километрах от центра города) могли приземлиться задействованные в операции транспортные самолеты. На схемах иранской столицы западные посольства были помечены как возможные убежища. В 2.30 вертолеты с заложниками и спецкомандами должны были взять курс на юго-запад и через час прибыть на аэродром Мансари, где им предстояло пересечь на готовые в любую минуту взлететь С-130.

Американцы не исключали воздушные бои на завершающей стадии операции. Так, в случае угрозы со стороны иранских ВВС вертолеты могли условным сигналом запросить помощь сверхзвуковых F-14 и «Фантомов». В случае осложнения ситуации предполагалось вызвать на подмогу истребители-бомбардировщики А-6, специально предназначенные для боевых действий в ночных условиях, или штурмовики А-7, предназначенные для поддержки действий наземных сил. При этом как А-6, так и А-7 должны были

заранее стартовать с авианосцев «Нимиц» и «Корал си» и летать в готовности над территорией Ирана.

Можно себе представить, какая трагедия могла бы разыграться в небе Ирана на данной стадии. Не подлежит сомнению, что заговор против Ирана был намного шире, чем это явствует из скупого доклада министерства обороны. Остается неясным, кто обеспечивал убежище американским командос, кто должен был предоставить им грузовики в ночь с 24 на 25 апреля, кто готовил в качестве перевалочной базы аэродром Мансари? Вопросов напрашивается множество, а ответ один: в Иране существовала целая сеть американских агентов из бывших саваковцев, сторонников шахского режима, готовых в любой момент поддержать американскую авантюру. Эта «пятая колонна» США тогда не была приведена в действие, но, случись подобное, масштабы бойни в Иране могли бы быть непредсказуемыми. После провала авантюры в стране была раскрыта сеть заговорщиков, тесно связанных с бывшим шахским генералом Овейси и бывшим премьером Бахтияром. Тогда органы безопасности Ирана арестовали около 500 человек.

Кризис с «заложниками» в дальнейшем был урегулирован довольно спокойно. В июле 1980 года в каирском госпитале «Аль-Маади» умер от рака оказавшийся обузой для США иранский шах. Не исключено, что смерть его была ускорена самим же его союзником, дабы не осложнять обстановку в районе Персидского залива накануне президентских выборов. США разморозили часть иранских вкладов в американских банках (из которых, кстати, большую часть присвоили себе как долг Ирана), сняли некоторые экономические ограничения. В день, когда Р. Рейган принимал присягу в качестве сорокового президента США, из Тегерана вылетели самолеты с 52 американскими дипломатами на борту и взяли курс в направлении американской базы ВВС в Висбадене (ФРГ).

Кризис в американо-иранских отношениях был, казалось, преодолен. Однако в Аравийском море вблизи Персидского залива так и остались более 40 американских боевых кораблей, из которых на двух авианосцах — «Нимиц» и «Корал си» — находилось более 150 самолетов. Плелись и нити заговора против Ирана, о чем свидетельствуют раскрытые органами безопасности этой страны попытки государственного переворота.

В дальнейшем вплоть до начала 1984 года американо-иранские отношения развивались сложно, но без особых эксцессов. Иран втянулся в долгую и кровопролитную войну с Ираком, которая в целом была на руку США. В Вашингтоне питали некоторые надежды на то, что война ухудшит экономическое положение в Иране и режим Хомейни падет. Ставка делалась на его подрыв изнутри. Полезной война оказалась прежде всего для американских нефтяных компаний: в результате ее резко сократился поток иранской и иракской нефти в тот момент, когда возникла опасность потенциальной перенасыщенности рынка, и тем самым цены на нефть сохранялись на высоком уровне.

В связи с этим нельзя не вспомнить слова сенатора Г. Трумэна, сказанные им буквально на следующий день после нападения фашистской Германии на СССР: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше». Аналогичен и подход США к ирано-иракской войне. В июне 1984 года уже по другому поводу один из ближайших друзей США, министр обороны Израиля М. Аренс, заявил: «Я призываю (страны Запада.— П. Х.) держаться нейтралитета в ирано-иракском конфликте и наблюдать, как две самые безумные нации мира разрушают друг друга». Яснее, пожалуй, не скажешь. Пока же Соединенные Штаты в определенных пределах пытаются регулировать поставки оружия обеим воюющим сторонам — пусть воюют, пока окончательно не ослабнут, а может, и помощи попросят.

Что же еще конкретно дает ирано-иракская война Соединенным Штатам, а также их союзнику — Израилю?

Во-первых, она дает Вашингтону возможность представить дело таким образом, будто над Персидским заливом нависла иранская угроза. Под этим предлогом можно добиться от стран Персидского залива желанных военных льгот, в которых Вашингтону ранее отказывали, и тем самым создать военный плацдарм в непосредственной близости от границ СССР. В мае 1984 года в район Персидского залива было направлено восемь американских боевых кораблей, начавших сопровождать проходящие здесь американские танкеры. Подтянулся к району Ормузского пролива

и авианосец «Америка» с 85 самолетами на борту. Представители ВМС США запричитали, что, «хотя авианосное соединение подошло к Персидскому заливу, это было сделано без особого энтузиазма, поскольку ставит его в тактическом отношении в невыгодное положение». Вот если бы были базы, тогда другое дело.

Во-вторых, война отвлекает значительные материальные и людские ресурсы, силу и энергию не только Ирана и Ирака, но и других ближневосточных стран от решения главной задачи — освобождения оккупированных Израилем арабских земель, решения палестинской проблемы.

В-третьих, война служит выгодным подспорьем для американского военно-промышленного комплекса: есть кому продавать оружие, есть у кого выкачивать деньги.

В американской столице сейчас явно не прочь подтолкнуть к противодействию Ирану Саудовскую Аравию. Цель здесь двоякая. Во-первых, возникнет возможность «загрести жар чужими руками», а во-вторых, появится новый предлог для того, чтобы увеличить собственное военное присутствие в регионе. За последнее время в американской печати публикуется немало данных о том, что с точки зрения боевой техники вооруженные силы Саудовской Аравии превосходят вооруженные силы Ирана по всем показателям: боевых самолетов больше и лучшего качества, зенитных, авиационных и других ракет также больше. К тому же в Саудовской Аравии имеются АВАКСы — важное средство обнаружения противника и наведения самолетов на цель. Саудовской Аравии в срочном порядке было направлено 400 ракет ПВО «Стингер». При этом США сразу же сделали оговорку: мы, мол, отдали все имевшиеся у нас ракеты этого типа — вот какое благородство! Одновременно в эту страну было дополнительно направлено 2136 американских военных специалистов, 1300 гражданских технических специалистов и еще 600 военнослужащих по обслуживанию АВАКСов. И это в дополнение к тысячам американских специалистов по обслуживанию военной техники, работающих в Саудовской Аравии по частным контрактам. Контингент, сразу скажем, превышающий тот, который высадился в Ливане.

США стремятся приобщить к подстегиванию гонок вооружений в Персидском заливе и союзников по

НАТО. По данным английской газеты «Дейли экспресс», Англия согласилась поставить Саудовской Аравии 40 истребителей-бомбардировщиков «Торнадо» на общую сумму 11 млн. ф. ст.

Для чего же нужны американские авианосные соединения в Персидском заливе, поставки оружия в регион? Отнюдь не для защиты морских коммуникаций. Рядясь в тогу благодетеля стран Персидского залива, Вашингтон стремится здесь прежде всего осуществить собственные гегемонистские цели, не считаясь с мнением народов региона. Тучи над Персидским заливом сгущаются.

ВАШИНГТОН ПРОТИВ ЛИВИИ: ПУТЬ ПРОВОКАЦИЙ И АВАНТЮР

В один из ноябрьских дней 1969 года под председательством президента Р. Никсона в Вашингтоне происходило заседание так называемой вашингтонской группы специальных действий. Решался вопрос, как быть с Ливией. В этой небольшой арабской стране произошел государственный переворот: свергли давнего друга и союзника США короля Идриса, в свое время оказавшего американцам немалые услуги. К власти в стране пришли совсем еще молодые офицеры (лидеру ливийской революции М. Каддафи исполнилось 27 лет, его ближайшему сподвижнику А. Джеллуду — 28), единомышленники египетского президента Г. Насера.

Ливия — один из основных поставщиков нефти в США, там имеются американские и натовские военные базы. Не ликвидируют ли молодые офицеры американские интересы в стране? Помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер предложил провести в Ливии тайную операцию, пока обстановка здесь окончательно не устоялась: можно найти какую-нибудь политическую фигуру, которая удовлетворит массы и устроит США. Разгорелись споры: ливийцы закроют базы в любом случае — но нефть важнее. Совет революционного командования (СРК) — новое правительство Ливии пока не предпринимает в области нефтедобычи решительных шагов. К тому же этот Вьетнам, основательно сковавший Белому дому руки, да и вообще позиции США в арабском мире по-

А если операция провалится, где гарантия того, что Ливия не прекратит поставки нефти в США и не национализирует американские нефтяные компании?

В конце концов решили пока Ливию оставить в покое: поживем — увидим, как проявят себя молодые офицеры в дальнейшем. В дальнейшем же американо-ливийские отношения явили собой пример наиболее грубого силового давления крупнейшей страны капиталистического мира на малое государство, проводящее на международной арене собственный, независимый от США курс.

Но вернемся к предшествовавшим революции годам. В июне 1959 года группа геологов американской компании «Эссо» обнаружила в местечке Залтан, что в ливийской провинции Киренаика, крупные запасы нефти. В стране начался нефтяной бум. В течение сравнительно короткого срока Ливия превратилась в важного поставщика этого топлива в США. Прозападное соглашательское правительство короля Идриса по существу отдало страну на растерзание иностранным, преимущественно американским, монополиям. Американская и натовская военщина активно использовала ко всему прочему четыре базы стратегической авиации на территории этой страны. В тайне от ливийского народа через крупнейшую из них — Уилус-Филд в 1967 году, в период арабо-израильской войны, Соединенные Штаты осуществляли переброску оружия Израилю. Но этой идиллии для американского военного ведомства и нефтяных монополий пришел конец в сентябре 1969 года.

Меры нового руководства в области политики и экономики, хотя и носили поначалу довольно осторожный характер, отличались последовательностью. Совет революционного командования довел до практического конца вопрос об американских военных базах: американцы вынуждены были их оставить. День 16 июня 1970 года, когда над американской военной базой Уилус-Филд поднялся ливийский флаг, отмечается как национальный праздник Ливии.

Для США такое решение ливийского руководства не было неожиданностью: переговоры о ликвидации иностранных военных баз были начаты еще при короле. Ливийская и арабская общественность вынудила его на этот шаг. С 1971 года правительство Ливии сократило уровень добычи нефти в стране и в 1973 году приступило к частичной национализации имущества **217**

иностранных нефтяных компаний. Был национализирован 51 процент собственности американских компаний «Атлантик ричфилд», «Экссон», «Мобил», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексако», «Оксидентал» и «Оэйзис».

Национализация явилась одной из причин обострения с середины 70-х годов американо-ливийских отношений. Главное же состояло в том, что ливийское правительство нарушило введенное ранее Вашингтонским табу: стало активно помогать национально-освободительным движениям в Африке, на Ближнем Востоке, в других районах мира. В 1973 году в ответ на поддержку Соединенными Штатами Израиля Ливия объявила бойкот на поставки нефти в США, а затем установила тесные контакты с Советским Союзом, в том числе и в военной области. Все это малой стране с 3-миллионным населением, по вашингтонским меркам, делать не позволялось.

От практики угроз в американской столице перешли к действиям. Первоначально, поскольку ситуация разрядки и ухудшившиеся после нефтяного эмбарго арабов позиции США в арабском мире не позволяли им открыто вмешиваться во внутренние дела Ливии, было решено попытаться натравить на нее соседей. Тем более что Садат, занявший пост президента Египта после неожиданной смерти Г. А. Насера, взял курс на сближение с Вашингтоном и всячески стремился завоевать доверие своего патрона. Египетские органы безопасности начали репрессии против находившихся на территории АРЕ ливийских граждан. Одновременно зашевелились египетские спецслужбы и подрывные элементы в Ливии. В антиливийскую кампанию включился и взявший курс на блокирование с Западом суданский президент Нимейри. В 1976 году в Судане была совершена попытка государственного переворота, которую приписали проискам Ливии. Несмотря на официальное опровержение со стороны Триполи, Судан разорвал с Ливией дипломатические отношения и денонсировал все заключенные с ней ранее соглашения.

Немаловажную роль в подогревании антиливийских настроений в Египте и Судане играли ЦРУ и израильская разведка «Моссад». Как писал французский журнал «Жён Африк», в 1977 году египетскому президенту Садату через марокканские спецслужбы **218** была подброшена информация о якобы готовящейся в

Египте попытке государственного переворота с помощью Ливии. Одновременно на такую же информацию была наведена египетская разведслужба «Мухабарат». Результатом этого явились аресты и провокации против лиц ливийской национальности.

В июле 1977 года Египет двинул свои войска на ливийскую территорию и захватил населенный пункт Мусаид. Одновременно египетская авиация стала бомбить военные и гражданские объекты. В Вашингтоне эту весть встретили с удовлетворением. Через два дня после начала агрессии президент Картер в своем поздравлении Садату по случаю 25-й годовщины египетской революции всячески превозносил «важную и ответственную роль, которую АРЕ играет в мире».

Склонный временами к мрачному юмору, Садат говорил редактору американского журнала «Эсквайр»: «Я предлагаю так решить проблему перенаселенности долины Нила. Я говорю моим парням: начинайте с того, с чего начинали вы (американцы.— П. Х.). Идите на запад (Ливия находится к западу от Египта.— П. Х.). Оставьте эту старую долину. Идите на запад, парни, и сражайтесь, как бойцы. Как когда-то в Америке».

Доля правды в этом была: Садат готовил широкую агрессию против Ливии. Но политическая ситуация его сдерживала. Подписан мир с Израилем, его негоже начинать с войны. К тому же неизвестно, как поведут себя в таком случае другие арабские страны — слишком велико было возмущение его предательством. Да и внутривполитическая обстановка в Египте вызывала опасения.

Помимо Египта и Судана администрация Картера стремилась привлечь к противодействию Ливии Тунис. Тем более что между двумя странами имелись разногласия по вопросу о разграничении континентального шельфа в районе залива Габес, богатом, по мнению специалистов, нефтью.

Предлогом для непосредственного ввязывания США в инспирированную ими же антиливийскую кампанию явились события 2 декабря 1979 года в Триполи, когда группа демонстрантов, выразивших недовольство американской политикой на Ближнем Востоке, совершила нападение на американское посольство. Хотя ливийское правительство принесло свои извинения и заверило в том, что материальный ущерб, нанесенный посольству, будет возмещен, США реши-

ли действовать. В отношении Ливии со стороны США последовал целый ряд провокаций и экономических санкций. Администрация США «наложила эмбарго», а попросту не отдала Ливии закупленные и оплаченные ею самолеты и автомобили, другую технику. Сумма заблокированных товаров на начало 1980 года составила около 400 млн. долл. Эстафету от администрации Картера приняла следующая администрация.

Пожалуй, любая развивающаяся страна может «позавидовать» тому вниманию, какое американские средства массовой информации стали уделять Ливии в свете развернутой США кампании по борьбе с «международным терроризмом». «Каддафи — самый опасный человек в мире?» — задавался риторическим вопросом на первой странице обложки американский журнал «Ньюсуик» от 20 июля 1981 года. Ливийского руководителя обвиняли в том, что он «заслал в США группы вооруженных террористов с задачей уничтожить американского президента». Ливии инкриминировалось стремление создать ядерное оружие, аннексировать Чад с его месторождениями урановых руд, захватить соседние государства и «основать сахарскую империю». Над Каддафи нависла угроза физического уничтожения.

В Вашингтоне искали ему замену в лице ливийских диссидентских группировок. В Судане объявился так называемый Национальный фронт спасения Ливии во главе с бывшим главным контролером Ливии М. аль-Магарифом. Фронт провозгласил задачу свержения нынешнего режима с использованием военной силы, стал вести радиопередачи на ливийскую территорию, печатать листовки. В Каире поднимала голову так называемая Ливийская национальная лига, руководитель которой Мустафа аль-Бараки считал путь кэмп-дэвидских соглашений «единственно верным». В Марокко зашевелилась Организация освобождения Ливии во главе с бывшим ливийским премьер-министром А. Бакушем. В самих США активизировали свою деятельность ливийские диссиденты, руководимые бывшим министром иностранных дел М. Рашидом аль-Кихья.

Словом, в претендентах на кресло президента Ливии недостатка не было. Не хватало у них только силы. Помочь должны были Соединенные Штаты. Непосредственно перед переворотом планировалось проведение кампании по дезинформации, дестабилизации

обстановки в стране. Затем предстояло сформировать контрреволюционное правительство из числа диссидентов, после чего должен был состояться собственно переворот с осуществлением ряда диверсионных и террористических акций.

По срокам проведения переворот должен был совпасть с интенсивными маневрами ВМС США вблизи ливийского побережья. Однако переворот не состоялся. Возможно, время оказалось не совсем удачным: США предстояло окончательно утрясти египетско-израильские отношения в вопросе о выводе израильских войск с Синая. Возможно, боялись агрессией против Ливии начисто лишиться себя возможности расширить круг участников Кэмп-Дэвида, подорвать шансы на то, что консервативные арабские страны поддержат идеи «стратегического консенсуса».

Не исключено, что главные союзники США по НАТО не одобрили бы эту затею. Однако скорее всего в Вашингтоне не были до конца уверены в том, что попытка переворота не окажется пустой авантюрой. В связи с этим характерно мнение американского специалиста по разведке Роджера Хилсмэна, высказанное им осенью 1981 года на страницах журнала «Армд форсиз энд сосаети»: «Тайная операция является не более чем хитростью. В отдельных случаях она может быть удачным дополнением к чему-либо, но не более. До тех пор пока внутренние силы в стране не пойдут в нужном направлении, тайная операция не будет представлять чего-нибудь значимого».

Администрация Рейгана в отличие от своей предшественницы стала открыто угрожать Ливии применением военной силы. Прежде всего было заявлено, что США не признают суверенитет Ливии над заливом Сидра, который на 150 км вдается в глубь ливийского побережья, и будут проводить в нем учения кораблей 6-го флота США. Более того, руководство Пентагона пообещало сбивать ливийские самолеты, если они приблизятся к району учений. В августе 1981 года истребители 6-го флота США в заливе Сидра совершили нападение на два ливийских патрульных самолета и сбили их. Одновременно участились провокационные нарушения воздушного пространства Ливии американскими самолетами. В ходе проводившихся в 1982—1983 годах широкомасштабных учений СБР США типа «Брайт стар» американские стратегические бомбар- 221

дивовщики В-52 совершали устрашающие бомбометания вблизи ливийской морской границы.

В декабре 1981 года администрация Рейгана предписала всем своим техническим специалистам и промышленникам покинуть Ливию, поскольку, дескать, отвечать за их безопасность она не может. 12 марта 1982 года Вашингтон наложил эмбарго на импорт ливийской нефти. «Тем самым мы лишим Ливию тех 5 млрд. долл., которые она ежегодно тратит на поддержку международного терроризма», — твердили американские руководители. Иными словами, Вашингтон открыто расчищал путь военной агрессии против Ливии. В американской столице прикидывали, какие меры противодействия окажет Советский Союз, как отреагируют в Западной Европе и на Ближнем Востоке.

Цели и методы американской политики в отношении Ливии были откровенно сформулированы в документе исследовательской службы конгресса США под броским названием «Ливийский авантюризм в Африке». Там говорилось, что, поскольку идеологические и политические «воззрения и ценности» ливийского руководства не позволяют договориться с ним по-хорошему, необходимо, не исключая при благоприятных обстоятельствах возможности государственного переворота, поощрять антиливийские настроения в ОАЕ, воздействовать на африканские страны и Францию, с тем чтобы те заставили Ливию изменить свой политический курс; предоставлять африканским странам и Франции «информацию» относительно «подрывной деятельности Каддафи» и его «экспансионистских планов»; регулярно проводить разведывательные полеты авиации вдоль египетско-ливийской и судано-ливийской границ; наращивать военную помощь государствам, противостоящим Ливии; разрабатывать мероприятия по обеспечению более эффективного американского присутствия в регионе; проводить с целью устрашения военные маневры на территории Египта и Судана; поддерживать и поощрять деятельность антиливийских организаций и враждебных Ливии стран. «Когда у нас возникает проблема с такой страной, как Ливия, — заявил в марте 1983 года член комиссии палаты представителей конгресса США У. Брумфилд, — обычная дипломатия здесь не срабатывает».

После убийства Садата, учитывая сложность положения АРЕ в арабском мире и проявляя стремление

выйти из изоляции, президент Египта Мубарак практически отказался от вооруженных авантюр против своего западного соседа. Теперь роль основного подстрекателя в отношениях с Ливией перешла к президенту Судана Нимейри, который пообещал при необходимости перенести вооруженное противодействие Каддафи на ливийскую территорию, заслужив тем самым почетное звание одного из «самых надежных друзей США» в Африке. Характерно, что практически на каждый зов Нимейри о помощи в американской столице реагировали мгновенно отправкой в Судан боевой авиации, в том числе истребителей F-16, самолетов радиолокационной разведки АВАКС, а в район залива Сидра — авианосных соединений. Нагнетание напряженности вокруг Ливии продолжалось.

В начале мая 1984 года в ливийской столице гремели пулеметные очереди. Руководимые М. аль-Магарифом боевики, вооруженные пулеметами и гранатами, совершили попытку государственного переворота, напав на резиденцию ливийского руководителя. Заговорщики были разгромлены. За этим террористическим актом скрывалась деятельность суданских и стоящих за их спиной американских спецслужб. «Сейчас Каддафи остался жив, — пригрозил из Каира Магариф, — но в следующий раз ему не уйти».

Американо-ливийские отношения на современном этапе — пример откровенно агрессивного поведения США против государства, проводящего независимую политику. Учитывая целый ряд факторов военно-политического и экономического характера (малочисленность населения Ливии, ее значительная географическая удаленность от СССР, близость к южному флангу НАТО, большая зависимость экономики страны от экспорта нефти), в Вашингтоне намеренно проводят в отношении этой страны жесткую линию, чтобы заставить Ливию изменить свой политический курс. Такая линия порождает огромную опасность, ибо действия США по отношению к Ливии находятся буквально на грани, которая отделяет угрозу применения силы от ее реализации, силовой нажим — от открытой агрессии и разбоя.

«Добрый сосед» с большой дубинкой

ТРАДИЦИЯ ИНТЕРВЕНЦИЙ

Рано утром в воскресенье 23 октября 1983 года Р. Рейгана разбудили. Накануне президент долго играл в гольф и очень устал. Невыспавшийся и недвольный, он сидел в пижаме и слушал торопливые объяснения. Но ситуация была чрезвычайной — надо было принимать срочное и очень важное решение... Так американская телекомпания Си-би-эс начала свое сообщение о вторжении американских войск на Гренаду. Позже, уже после оккупации острова, телевидение США еще долго показывало «сложные» и «трудные» переговоры между командующим американскими силами вторжения и генерал-губернатором Гренады П. Скуном по поводу дальнейших действий на острове.

Трудно сказать, чего больше в этих репортажах — наивного бесстыдства или не знающей границ наглости. Ведь детальный план вторжения США на Гренаду был разработан загодя, а П. Скун, с которым велись переговоры, являлся по существу марионеткой США, не имевшей никакой реальной власти.

Цинизм, односторонность, извращенное восприятие «средним американцем» событий в мире проявлялись и позже, когда в США стали резко критиковать правительство в связи с событиями на Гренаде. Дело дошло чуть ли не до скандала, но не по поводу того, что Соединенными Штатами был попран суверенитет незащитной страны. Критику вызвало то, что... американскую прессу не пригласили на Гренаду вместе с морской пехотой. Что лежит в основе такого подхода? Ответ предельно ясен: США не привыкли относиться ни к латиноамериканцам, ни к народам других освободившихся стран как к равным. Не удивительно поэтому, что право американского корреспондента вести прямой репортаж с места событий ценится больше, чем право на жизнь какого-нибудь желтого или черного.

Пожалуй, нигде в мире Соединенные Штаты так часто не использовали военную силу, как в Латинской Америке. История этого континента насчитывает десятки малых и больших интервенций США, объявленных и необъявленных войн американского империализма. Впрочем, если посмотреть внимательнее, необъявленных намного больше. В 1846—1848 годах США вели объявленную войну против Мексики. Результатом ее было отторжение 2,3 млн. кв. км мексиканской территории. Последнюю объявленную войну Вашингтон вел в 1898—1899 годах с Испанией под лозунгом освобождения Кубы от колониального ига. Результатом ее было поражение Испании и превращение Кубы в... американскую полуколонию. Все остальные войны на континенте были необъявленными. Напомним основные интервенции США в Латинской Америке в XX веке.

1903 год — оккупация зоны Панамского канала, навязывание этой стране кабального соглашения.

1906—1909 годы — оккупация Кубы.

1911—1912 годы — интервенция против Никарагуа и Гондураса.

1913—1917 годы — почти непрерывные интервенции против Мексики.

1919—1921 годы — агрессии против Гондураса, Коста-Рики, Панамы.

1926—1933 годы — оккупация Никарагуа.

1954 год — интервенция в Гватемалу.

1961 год — организация агрессии против Кубы.

1964 год — расстрел демонстрации в зоне Панамского канала.

1965 год — агрессия против Доминиканской Республики.

1970—1973 годы — необъявленная война против Чили.

1960—1980 годы — непрерывные провокации против Кубы.

1980 год — начало необъявленной войны против Никарагуа, продолжающейся по сей день.

1983 год — агрессия против Гренады.

Иными словами, если бы перед каждым вторжением США объявляли войну тому латиноамериканскому государству, которое они собираются «наказать», то получилось бы, что Вашингтон находится в состоянии перманентной войны со своими южными соседями, А это, полагали в Белом доме, уронило бы 225

престиж США и у себя в стране и за рубежом. Да и зачем объявлять войны? Ведь американские правящие круги давно привыкли смотреть на Латинскую Америку как на свои задворки.

В 1823 году американский президент Дж. Монро провозгласил доктрину, смысл которой был заключен в трех словах: «Америка для американцев». Направленная формально против вмешательства европейских держав в дела западного полушария, эта доктрина фактически прикрывала экспансионистские планы США по установлению американской гегемонии на континенте. Ведь подразумевалось, что толкование доктрины и право определять, как и когда она может быть использована, США оставляют за собой.

С тех пор этим «правом» империалисты США пользуются постоянно. Так, поддержав на словах борьбу кубинского народа против испанских колонизаторов и объявив Испании войну в 1898 году, Соединенные Штаты меньше всего думали об обеспечении подлинной свободы кубинского народа. После поражения Испании Куба фактически была объявлена американским протекторатом и подвергалась агрессиям всякий раз, когда развитие событий на острове не устраивало Вашингтон.

А еще через несколько лет США выступили «на стороне» Панамы в ее борьбе за независимость. Чем это кончилось, хорошо известно: США навязали Панаме кабальный договор, по которому она уступала американцам часть своей территории для сооружения Панамского канала.

Впрочем, вскоре США перестали рядиться в тогу покровителя стран Латиноамериканского континента, искать предлог для вмешательства в их внутренние дела. Выступая 2 апреля 1903 года в Чикаго, президент Теодор Рузвельт, на «заветы» которого ныне часто ссылается Р. Рейган, выдвинул известную формулу, ставшую одной из основных заповедей США в их интервенционистской политике. Он откровенно заявил: «Доктрина Монро не является международной правом... и в этом нет никакой необходимости, пока она остается кардинальным фактором нашей внешней политики и пока мы обладаем как волей, так и силой обеспечить ее действенность... Есть простое старое изречение, которое гласит: «Говори мягко и держи в руках большую дубинку — ты пойдешь далеко!» Если

самое время создавать и держать в состоянии наивысшей готовности военно-морской флот (тогдашнее стратегическое оружие США.— П. Х.), доктрина Монро пойдет далеко». С тех пор американский империализм систематически практиковал в Латинской Америке политику «большой дубинки».

Особенность интервенционистской политики США в регионе заключалась в том, что латиноамериканские страны, формально не лишаясь своей политической независимости, фактически попадали под контроль США. У власти в них оказывались американские марионетки. Если же события в какой-либо «банановой республике» развивались не так, как хотели в Вашингтоне, решающее слово принадлежало американскому флоту, морской пехоте, авиации. Стоит ли говорить о том, что в странах региона такое «покровительство» вызывало резкие протесты. Государственный секретарь США в администрации Трумэна Дин Ачесон вынужден был признать: «За пределами США у доктрины Монро нет сторонников в западном полушарии».

В начале 1933 года американский посланник в Никарагуа Артур Б. Лей пребывал в мрачном настроении. Радоваться и в самом деле было нечему. Уже шесть лет в этой стране продолжалась народная война против проамериканского режима. На помощь ему были посланы американские войска, побережье Никарагуа блокировали американские корабли, против повстанцев действовала американская авиация. По некоторым подсчетам, небо этой маленькой страны бороздила $\frac{1}{20}$ всего мирового военно-воздушного флота.

Однако впервые за многие десятилетия ставка на силу, на интервенцию была безуспешной: будучи жестоко подавлено в одном месте, восстание вспыхивало с новой силой в другом. Руководил народной войной Аугусто Сандино — человек неумной энергии и выдающегося таланта. За его голову было обещано 100 тыс. долл., его самого пытались подкупить, даже обещали пост в правительстве. Но ничто не помогало.

Решение «проблемы Сандино» пришло неожиданно. В Вашингтоне решили: нужны переговоры. Мирные переговоры! Их взялся организовать А. Сомосстарший, отец того самого диктатора, которого никарагуанский народ сверг в 1979 году и которого президент Ф. Рузвельт назвал «нашим сукиным сыном». Поверив в честные намерения, повстанцы согласились

на перемирие. Ночью А. Сандино и несколько его сторонников, безоружные, уверенные в неприкосновенности парламентариев, прибыли к президентскому дворцу для переговоров. А затем... они были схвачены и расстреляны из пулемета. Американский посланник Артур Б. Лей долго рассматривал убитого Сандино, словно хотел удостовериться в том, что легендарный герой мертв. Впрочем, трагедия еще не была окончена. Вскоре после этой операции были уничтожены и все ее непосредственные исполнители — ни А. Сомосе, ни посольству США не нужны были лишние свидетели...

ПУЛИ И ДОЛЛАРЫ

После второй мировой войны наступил новый этап в интервенционистской политике США в Латинской Америке. Впрочем, Белому дому какое-то время казалось, что в прямой вооруженной агрессии нет большой необходимости. После войны США значительно укрепили свои экономические, политические и военные позиции в Латинской Америке. Вашингтону удалось навязать своим южным соседям Пакт Рио-де-Жанейро, по которому фактически все страны западного полушария связывались круговой порукой «защиты против коммунизма». Соединенные Штаты получили право использовать военную силу в любом латиноамериканском государстве или против любого из них под мнимым предлогом борьбы против «коммунистической агрессии». (Согласно вашингтонским представлениям, любое народное восстание против проамериканского режима интерпретировалось как «типичный случай» «коммунистической агрессии».) Создание Организации американских государств (ОАГ) и Межамериканского совета низвело многие государства континента фактически до положения американских сателлитов.

Пытаясь подавить растущие освободительные движения, США совместно с реакционными кругами Латинской Америки и армейской верхушкой организовали в ряде стран военные перевороты. В 1947—1949 годах в Венесуэле, Колумбии, Перу, Парагвае были установлены проамериканские диктаторские режимы, которые обрушили жестокие удары на освободительное движение, широко раскрыли двери американскому капиталу и во всем поддерживали агрессивный внеш-

Но, как говорится, на штыках можно прийти к власти, но сидеть на них долго невозможно. Несмотря на антикоммунистическую истерию, террор, подавление любой оппозиции, в Латинской Америке ширилось и крепло демократическое движение. В 1951 году в Гватемале пришло к власти прогрессивное правительство Х. Арбенса. Это было отнюдь не коммунистическое и даже не левое правительство, и у власти оно оказалось не в результате революции. Но это законное буржуазно-демократическое правительство боролось за суверенитет Гватемалы, за ограничение хозяйничанья монополий США, за улучшение жизненных условий народа. В общем, хотя это и было демократическое правительство, демократию оно, по мнению США, понимало «неправильно», не по-американски и этим подписало себе приговор.

19 июня 1954 года банды наемников, натасканные в лагерях ЦРУ, вторглись на территорию Гватемалы. Против союзного США государства началась интервенция, организованная самим Вашингтоном. Естественно, что ни устав ОАГ, ни Пакт Рио-де-Жанейро в расчет при этом не принимались. Оценивая сложившуюся ситуацию, президент Х. Арбенс сказал: «Наша вина состоит в том, что мы начали проводить аграрную реформу, которая затронула интересы «Юнайтед фрут компани»... Нас приговорили за то, что мы дали крестьянам землю и права». Итог гватемальской трагедии известен: на американских штыках была установлена жестокая диктатура К. Армаса.

Между тем во второй половине 50-х годов в Латинской Америке начался новый революционный подъем, сопровождавшийся наступлением на позиции проамериканских диктатур. В 1956 году в Перу рухнула диктатура Одриа, в 1957 году пал режим Рохаса Пинильи в Колумбии, в 1958 году в результате восстания в Венесуэле был свергнут генерал Перес Хименес. После победы революции на Кубе в январе 1959 года ясно вырисовывалась реальность социалистической альтернативы в Латинской Америке.

Развитие событий в регионе заставило американское правительство начать политическое маневрирование. Его результатом стал «Союз ради прогресса», о котором президент Джон Кеннеди объявил в своей речи на приеме латиноамериканских дипломатов в Белом доме 13 марта 1961 года. Эта программа была разрекламирована как начало «новой эры» в отно- **229**

шениях между США и странами Латинской Америки. Президент не пожалел красок, изображая США бескорыстным другом латиноамериканских народов, готовым оказать щедрую помощь своим южным соседям в целях «экономического прогресса» и «социальной справедливости». Было объявлено о поощрении выборов в странах региона, о предоставлении им экономической помощи в размере 5 млрд. долл.

Однако в основе «Союза ради прогресса» лежали далеко не альтруистические мотивы, а сознание того, как признает биограф и помощник президента Кеннеди Артур Шлезингер-младший, что «старый порядок в Латинской Америке со всей очевидностью рушится. Уже не могло быть и речи о сохранении статус-кво. Единственным вопросом был вопрос о той форме, которую примет будущее».

Программа президента Кеннеди была программой «перехвата революции», с тем чтобы направить ее по пути, неопасному для империализма и для межамериканской системы, основанной на гегемонии США.

Как показал исторический опыт, расширение экономической помощи, поддержка парламентаризма отнюдь не исключали интервенционизм, не означали прекращения тайных и явных войн США против своих соседей. Именно на период активного проведения программы «Союз ради прогресса» (1961—1965 годы) приходится и наиболее открытые интервенции США в регионе: организация агрессии против Кубы на Плайя-Хирон в 1961 году, расстрел демонстрации в Панаме в 1964 году, вторжение в Доминиканскую Республику в 1965 году.

В апреле 1965 года американское посольство в Доминиканской Республике было охвачено паникой. В шифровках, посылавшихся посольством в Вашингтон, утверждалось, что в столице республики Санто-Доминго организован коммунистический заговор! После обмена срочными телеграммами между посольством и Вашингтоном все формальности были отброшены и солдаты морской пехоты высадились в Санто-Доминго, чтобы «защитить жизнь американцев». Такую версию событий американцы, да и весь мир, узнали из сообщений средств массовой информации США.

На деле же посол Беннет беспокоился отнюдь не о жизни американцев, а совсем о другом: «Все свидетельствует о том,— сообщал Беннет в Вашингтон,— что, если нынешние действия сил, лояльных прави-

тельству, не увенчаются успехом, власть перейдет к группам, явно отождествляемым с коммунистической партией. И если ситуация, описанная выше, осуществится, то моя рекомендация... состоит в том, что мы должны вмешаться для предотвращения новой Кубы, которая возникнет из пепла нынешней неконтролируемой ситуации».

Вот чего боялись власти в США и их посол в Санто-Доминго, и вот из-за чего они устроили кровавое побоище, стоившее жизни почти 2 тыс. доминиканцев (цифра немалая для государства с населением 5 млн. человек).

Вскоре, однако, обнаружилось, что версия о «коммунистическом заговоре» в Доминиканской Республике — фальшивка чистейшей воды. Как быстро установили объективные латиноамериканские журналисты, многие из тех 58 «коммунистов», которые, по версии Вашингтона, якобы организовали заговор, вообще не существовали на свете, часть же фамилий принадлежала... 14-летним детям. Да и вообще события в Доминиканской Республике не имели никакого отношения к коммунистическому движению. Речь шла — и об этом пишет в своих мемуарах не кто иной, как сам президент Джонсон, — о возвращении к власти сторонников законно избранного в 1962 году президента Хуана Боша — буржуазного демократа, свергнутого в результате военного переворота в сентябре 1963 года. Но именно потому, что вашингтонские лидеры считали Боша «мягким по отношению к коммунистам», они и ринулись на поддержку реакционной военщины, своей надежной опоры.

Как явствует из тех же мемуаров Джонсона, планы интервенции в Доминиканскую Республику были заготовлены давно. Еще в октябре 1963 года, за месяц до своей гибели, президент Кеннеди дал указание министру обороны США Р. Макнамаре в качестве задачи «первостепенной важности» подготовить вооруженные силы к интервенции в Доминиканскую Республику. «Результатом всего этого, — сообщает Джонсон, — было то, что силы США были готовы быстро действовать, когда в этом возникла срочная необходимость».

Бывший агент ЦРУ в Латинской Америке Ф. Эйджи записал в своем дневнике: «Я так и не в состоянии понять, зачем потребовалась эта интервенция. Ведь правительство Х. Боша — законное буржуазно-демократическое правительство, которое проводит рефор- 231

мы. Зачем потребовалось его свергать? Не то что я настроен против интервенции в принципе, но... я не верю, что 58 коммунистов-заговорщиков могли представлять реальную угрозу движению, в котором участвуют тысячи и в которое входят опытные политические деятели». Но то, что не совсем было ясно резиденту ЦРУ, было вполне ясно и понятно его боссам в Вашингтоне.

Оправдывая интервенцию в Доминиканскую Республику, президент Джонсон заявил 3 мая 1965 года: «Мы не намерены сидеть сложа руки в кресле-качалке и позволять коммунистам учреждать какое-либо правительство в западном полушарии». Комментируя «доктрину Джонсона», американский еженедельник «Бизнес уик» писал: «Соединенные Штаты, если понадобится, будут предпринимать «превентивные» односторонние интервенции, чтобы предотвратить возможность создания другого коммунистического правительства типа Кастро в западном полушарии... В сущности это равносильно возрождению... доктрины Монро».

Таких провокаций США в 60-х годах становилось все больше.

Осенью 1968 года ЦРУ пыталось использовать студенческие волнения в Мексике для того, чтобы скомпрометировать многих видных политических деятелей этой страны. В Мехико были обнаружены склады оружия и листовки, призывавшие к немедленному захвату власти. Вскоре выяснилось, что оружие подброшено агентами ЦРУ, а листовки напечатаны в США на американской бумаге.

Одним из наиболее известных примеров подрывной деятельности секретных служб США в 60-х годах в Латинской Америке является разработка так называемого проекта «Камелот» — тщательно спланированной системы тотального политического шпионажа, целью которого было определить реальность угрозы «интересам США» в Латинской Америке, предсказать вероятность революционных движений в какой-либо стране и тем самым дать возможность американским спецслужбам наносить им эффективные «упреждающие удары». Согласно плану «Камелот», ЦРУ собирало информацию о возможности антиамериканских выступлений, изучало общественное мнение, составляло списки подозрительных лиц.

Информация о плане «Камелот» просочилась в 232 латиноамериканскую печать. Прогрессивные газеты и

журналы немало сделали для разоблачения американских спецслужб. «Операция Камелот» представляла собой столь одиозное мероприятие, что ее дальнейшее осуществление грозило крупным международным скандалом. Реализацию плана «Камелот» пришлось прекратить.

ПЛАН «КЕНТАВР»

На пресс-конференции в сентябре 1974 года президента США Дж. Форда спросили: «Г-н президент, недавние показания в конгрессе свидетельствуют, что ЦРУ по указанию специального комитета во главе с д-ром Киссинджером попыталось дестабилизировать правительство Чили во главе с бывшим президентом Альенде. Являются ли политикой Вашей администрации новые попытки дестабилизировать правительства в других демократических государствах?» «Наше правительство, — ответил президент, — как и другие, действительно предпринимает действия в области тайных операций, с тем чтобы осуществлять внешнеполитическую линию и защищать нашу национальную безопасность. Нами были приняты меры по оказанию помощи оппозиционным органам информации и оппозиционным политическим партиям... Я думаю, что это в наибольшей степени отвечает интересам США и Чили».

Президент Дж. Форд со свойственной ему прямолинейностью давал понять, что в Вашингтоне лучше, чем в Латинской Америке, знают, в чем заключаются подлинные интересы народов региона, в том числе и чилийского народа. Впрочем, ловчить и отрицать что-либо не имело смысла — факты вмешательства США в дела Чили уже получили широкую огласку.

Борьбу против партий блока Народного единства и против прихода к власти его лидера социалиста Сальвадора Альенде Вашингтон и его спецслужбы начали еще задолго до событий сентября 1970 года, когда С. Альенде был избран президентом Чили. Уже весной 1970 года американские спецслужбы, действуя в тесном контакте с заинтересованными транснациональными корпорациями — ИТТ, «Анаконда», «Коннекот коппер», развернули тайную деятельность, чтобы не допустить прихода к власти партий блока Народного единства. ИТТ практически контролиро-

вала все средства связи, а «Анаконда» и «Коннекот коппер» — намного больше половины производства меди в Чили. Этим компаниям было за что опасаться: в 60-х годах одна лишь «Анаконда» заработала 500 млн. долл. на вложенный в чилийскую экономику капитал в 300 млн. долл. (по собственной, явно завышенной, оценке компанией своих капиталовложений в Чили).

В 70-х годах высшим органом американского правительства по контролю за тайными подрывными операциями за границей был Комитет-40, названный так по номеру президентской директивы, на основе которой он был создан. Его председателем был помощник президента по национальной безопасности, а позднее государственный секретарь США Генри Киссинджер. Этот комитет принимал наиболее деликатные решения в отношении подрывных операций за рубежом. Некоторые из них не протоколировались, чтобы, как пишет известный американский журналист Сеймур Херш, «не оставлять бумажного хвоста».

25 марта 1970 года Комитет-40 одобрил ассигнование 135 тыс. долл. на деятельность, целью которой было не допустить избрания Альенде на пост президента Чили. 27 июня того же года на эти же цели было выделено еще 300 тыс. долл.— по рекомендации посла США в Сантьяго Э. Корри и ЦРУ.

Как сообщает С. Херш, на заседании в июне Киссинджер, одобряя последнее ассигнование, заявил: «Я не вижу, почему мы должны стоять в стороне и наблюдать, как страна превратится в коммунистическую из-за безответственности (!.— П. Х.) ее собственного народа».

У ЦРУ был и еще один канал для получения средств на подрывную деятельность — ИТТ и другие американские корпорации, которые были готовы дать деньги на тайные операции в Чили. ИТТ вступила в негласный союз с ЦРУ, обмениваясь информацией и поставляя официальному разведывательному агентству США сведения, добытые с помощью собственной агентуры. Любая инициатива ИТТ с целью нанести удар по демократии в Чили встречала полное одобрение со стороны руководства ЦРУ. В то же время хозяева ИТТ начали оказывать прямой нажим на правительство США, требуя решительного вмешательства в события в Чили.

очередь ее президентом Гарольдом Дженнином, и правительством выступил друг Дженнина Джон Маккоун, занимавший пост директора ЦРУ при Кеннеди и Джонсоне и «случайно» оказавшийся в 1970 году одним из директоров ИТТ. Его жена была одним из крупных держателей акций «Анаконда коппер». После того как 4 сентября 1970 года Сальвадор Альенде победил на общенациональных выборах, ИТТ и ЦРУ удесятирили усилия, чтобы сорвать его приход к власти. Времени оставалось мало: 24 октября 1970 года должно было состояться голосование в конгрессе Чили.

14 сентября 1970 года вице-президент ИТТ У. Мерриэм направил в Белый дом, Совет национальной безопасности и госдепартамент США предложения, целью которых было воспрепятствовать избранию Альенде президентом Чили. В этом меморандуме прямо предлагалось предоставить ЦРУ на проведение соответствующих операций в Чили сумму, размеры которой «могут достичь семизначной цифры».

Предложения ИТТ предусматривали финансирование американскими компаниями влиятельной правой газеты «Меркурио», владелец которой А. Эдвардс являлся фактически агентом ЦРУ; внедрение «своих людей» в средства массовой информации и активизацию подрывной деятельности информационной службы США (ЮСИА), а также финансовую помощь различным правым организациям. Предлагалось также оказать экономическое давление на правительство Альенде, чтобы довести страну до состояния «экономического краха». Эти меры (во многом осуществленные впоследствии) предусматривали приостановление кредитов Чили частными и международными банками, прекращение страховых операций, технической помощи, организацию беспорядков и конфликтов на предприятиях.

Как позднее выяснилось, одна лишь ИТТ ассигновала на подрывные операции в Чили около 600 тыс. долл. Но многие факты подрывной деятельности ИТТ в Чили до сих пор окутаны тайной. Когда в ходе расследования конгрессом деятельности ИТТ и ее сотрудников в Чили создавалась угроза, что некоторых руководителей ИТТ придется привлечь хотя бы к символической ответственности (был такой период после уотергейтского скандала, когда власти США вынуждены были для проформы сделать вид, что они 235

борются с незаконной деятельностью), руководство ИТТ пригрозило, что оно раскроет тогда всю свою деятельность «в глобальном масштабе» (!) по поручениям ЦРУ и Агентства национальной безопасности, и расследование было «спущено на тормозах».

Помимо планов экономического саботажа существовали и планы прямых действий, в частности план убийства Альенде. Один из помощников Киссинджера по СНБ, Чарльз Рэдфорд (приставленный к Киссинджеру руководством ВМС, с тем чтобы он тайно информировал последнее о кое-каких секретных решениях и поездках Киссинджера — вот они нравы «американской демократии»!), рассказал впоследствии корреспонденту «Нью Йорк таймс» С. Хершу о том, что среди вариантов действий по недопущению прихода Альенде к власти, циркулировавших в СНБ осенью 1970 года, было и предложение убить Альенде.

«Либо мы должны были найти кого-то в стране, кто бы сделал это, либо сделать это сами, — сказал Рэдфорд. — Я был потрясен. Я был в ужасе. Это сильно засело в моей памяти потому, что впервые в моей жизни я осознал, что мое правительство активно вовлечено в планирование убийств людей».

После выборов в Чили началась волна террористических актов, осуществление которых координировалось сообща двумя агентами ИТТ и ЦРУ в Чили — Хэлом Хендриком и Робертом Баррельесом. 8 октября 1970 года, когда кампания террора в Чили достигла высшей точки, Хендрикс и Баррельес оказались в Сантьяго. Они поселились в отеле «Каррера», который был штабом заговорщиков, и постоянно встречались с сотрудниками американского посольства. Через три дня они выехали из Чили, а 22 октября — за два дня до окончательного утверждения Альенде на посту президента — был убит командующий чилийской армией Рене Шнайдер. Убит потому, что он заявил: «Армия будет верна новому демократическому правительству Чили». Это был последний акт отчаяния агентов империализма, рассчитанный на то, чтобы помешать С. Альенде занять пост президента страны.

Посол Корри, как сообщают, был буквально взбешен победой Альенде. В телеграмме в Вашингтон он, драматически изображая ситуацию в Чили, писал, что «слышит танки, рычащие под своим окном».

что в Чили «наступает социализм». «Мы потерпели серьезнейшее поражение, — писал Корри, — последствия будут как внутренними, так и международными...» Читая эту телеграмму, президент Никсон, как рассказывает Киссинджер в своих мемуарах, подчеркнул эту фразу. «Никсон был вне себя», — добавил Киссинджер.

Сразу же после прихода к власти правительства Народного единства США объявили ему бойкот в экономической области. В 1971 году Экспортно-импортный банк США фактически лишил Чили права на займы и кредиты, переведя эту страну в низший разряд по кредитоспособности, а вскоре его примеру последовали Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Межамериканский банк развития (МБР), где решающее слово принадлежит американскому капиталу. Американские корпорации добились ареста чилийской меди на рынках Европы, попытались искусственно сбить мировые цены на медь — важнейший экспортный продукт Чили, прекратили поставку необходимого оборудования. После национализации медных рудников Чили покинуло, словно по команде, 100 высококвалифицированных иностранных специалистов. На самих рудниках начались аварии. В октябре 1972 года в стране была спровоцирована забастовка водителей грузовиков, нанесящая огромный ущерб экономике страны. Как признается в документах американского конгресса, забастовка финансировалась ЦРУ, которое таким путем добивалось дестабилизации обстановки в стране.

Все эти акции осуществлялись в соответствии с подписанным президентом Никсоном секретным меморандумом о решении в области национальной безопасности № 93 (НСДМ-93) «Политика в отношении Чили».

В меморандуме подробно излагалась стратегия «психологической войны» против Чили. Позднее кое-какие отрывки из этого меморандума были разглашены во время рассмотрения конгрессом «дела ИТТ». «В контексте публично прохладной и корректной позиции (США) по отношению к Чили», говорилось в нем, администрация предпримет «энергичные усилия... для того, чтобы другие латиноамериканские правительства полностью осознали, что Соединенные Штаты выступают против консолидации коммуни- 237

стического правительства в Чили, враждебного интересам Соединенных Штатов...»

Весной 1973 года правительство США согласилось на переговоры с Чили по поводу выплаты компенсации за собственность национализированных американских корпораций. Был назначен и глава американской делегации на переговорах. Им стал Джон Кримминс. Кто такой Джон Кримминс и случайно ли ему были поручены переговоры? Джон Кримминс — известный своими реакционными взглядами бывший посол Вашингтона в Доминиканской Республике, прибывший туда вслед за морской пехотой в 1965 году. Вполне понятно, что у него могла быть только одна задача — сорвать переговоры, которую он и выполнил.

Важным направлением борьбы Соединенных Штатов против правительства Народного единства была и непосредственная подрывная деятельность: организация диверсий, саботажа, подкуп государственных деятелей. По данным многих источников, ЦРУ истратило на подрывную деятельность в Чили, как минимум, 20 млн. долл. На страницы не только мировой, но и американской прессы попали многие материалы, раскрывающие сущность и характер необъявленной войны США против Чили в 1970—1973 годах, включая признания бывшего шефа ЦРУ У. Колби и других ответственных сотрудников.

Администрация Р. Никсона, стремившаяся задуть Чили экономически и политически, выступала в то же время как щедрый благодетель чилийской военины. Если экономическая помощь США Чили в годы правления С. Альенде практически свелась к нулю, то военная помощь в 1970—1973 годах резко возросла. В 1950—1970 годах средний объем ежегодной военной помощи Чили со стороны США составлял 8,5 млн. долл. За период правления С. Альенде он достиг 23 млн. долл. в год.

Более того, чилийские вооруженные силы тщательно готовились при поддержке Вашингтона к войне против собственного народа, поскольку Соединенные Штаты хотели избавить себя от необходимости прибегать к прямой агрессии. Высшие чины чилийской армии, известные своими реакционными взглядами, приглашались в столицу США для консультаций. И они быстро находили общий язык с руководителями Пентагона и ЦРУ: ведь более 70 процентов

командного состава чилийской армии и флота окончили американские военные академии и училища, среди них и А. Пиночет — выпускник печально известной школы «Лас Америкас» в зоне Панамского канала.

И другие генералы, ставшие затем главарями хунты или назначенные после переворота на важные административные посты, были «своими людьми» в «коридорах власти» США и других стран НАТО. Один из главарей хунты, генерал Густаво Ли, был в свое время военным атташе Чили в Вашингтоне, адмирал Мерино — военно-морским атташе в Лондоне, генерал Бонилья — военным атташе в Мадриде. Пиночет и Мерино служили офицерами связи НАТО. Генерал Сесар Бенавидес, занявший после переворота министерский пост, окончил специальные курсы в армейском центре службы связи США в Форт-Монмуте и т. д.

После прихода к власти правительства Народно-го единства ЦРУ, обновив свою агентуру в Чили и направив туда десятки новых оперативных сотрудников, начало активно готовить военный переворот, снабжая заговорщиков деньгами и оружием. Комплекс мероприятий по свержению правительства Народного единства получил в ЦРУ кодовое название план «Кентавр».

Не остались в стороне и вооруженные силы США. Проводились совместные маневры американского и чилийского флотов. В 1972 — 1973 годах в Чили приезжали командующий ВМС США адмирал Э. Замуолт, начальник штаба ВВС генерал Д. Райен и другие высокопоставленные американские военачальники. При этом Соединенные Штаты старались устранить патриотически настроенных офицеров, делали ставку на бездарных и продажных командиров чилийской армии. Советники ЦРУ обхаживали и обещали золотые горы самым жестоким и малообразованным чилийским офицерам, способствовали разворачиванию антиправительственной пропаганды среди солдат, которых пугали якобы готовящимся «красным переворотом» и разоружением армии.

Чилийская реакция с помощью США смогла добиться того, что к сентябрю 1973 года подавляющая часть командного состава армии и флота занимала враждебные правительству позиции. К этому времени в ее рядах не было прогрессивных лидеров: 239

убитого из-за угла генерала Р. Шнайдера, генерала Пратса, которого вынудили уйти в отставку, и др. С помощью ЦРУ и Пентагона чилийские вооруженные силы превратились в палача собственного народа.

11 сентября 1973 года в Чили был совершен военно-фашистский переворот — самый кровавый в истории Латинской Америки. Мятежные генералы фашистской хунты расстреляли ракетами «воздух — земля» резиденцию президента Чили — дворец «Ла Монеда». В перестрелке погиб Сальвадор Альенде. Впоследствии выяснилось, что президента застрелил капитан Гарридо, прошедший в числе сотен других чилийских офицеров подготовку в спецшколе США. Стрелял он из американского автомата, американскими патронами.

Немедленно после переворота в страну прибыло несколько десятков американских военных в штатском — специалистов по подавлению мятежей. Они прилетели для того, чтобы инструктировать чилийских генералов по технике подавления народных волнений, вспыхнувших после переворота.

Парадоксально, но факт: организация военно-фашистского путча против законного правительства суверенной страны оправдывалась в Соединенных Штатах необходимостью «укрепления демократии» в Чили! Насколько прочно укрепилась «демократия» в Чили после фашистского переворота, хорошо известно: десятки тысяч убитых и замученных, тысячи брошенных в тюрьмы, зверские расправы с деятелями науки и культуры, костры из книг... В Чили не только была запрещена вся прогрессивная литература — научная и художественная, изъятию и уничтожению подверглись даже книги о кубизме — направлении в изобразительном искусстве, поскольку само название книг вызвало у безграмотных вояк ассоциации с революционной Кубой.

Ну а как же с демократией, о восстановлении которой так заботились в Вашингтоне? В условиях развязанной кампании террора в Чили руководству Соединенных Штатов стало трудно говорить о возврате к демократии, и о ней в Вашингтоне попросту забыли.

Если правительству, избранному демократическим путем, было отказано не только в помощи, но и в займах, то узурпировавшие власть реакционные генералы лишь за 1974—1976 годы получили от

США и международных финансовых организаций, в которых запрашивает американский капитал, свыше 2 млрд. долл. в виде помощи, займов и кредитов. Были проведены отсрочки погашения долгов.

Военная хунта отменила все прогрессивные преобразования правительства С. Альенде, начала широкую денационализацию чилийской экономики. В руки иностранного капитала не только возвращались предприятия, принадлежавшие ему ранее, но и передавались новые. В Чили должна была заработать модель «рыночной экономики», разработанная американскими экономистами чикагской школы, превращавшая страну в заповедник иностранных корпораций.

Однако плоды правления фашистской хунты оказались не совсем такими, как ожидали в Вашингтоне. Модель «рыночной экономики», «лечение шоком», политика репрессий и террора привели страну на грань катастрофы. Уже через год после переворота промышленное производство в Чили резко сократилось, инфляция достигла 400 процентов, число безработных составило полмиллиона при 8-миллионном населении.

С начала 80-х годов в Чили развернулась широкая борьба против фашистской хунты. Страну сотрясают мощные забастовки, демонстрации, протесты. Администрация Рейгана лицемерно сокрушалась по поводу «нарушения прав человека» в Чили. Но, говоря о «желательности» восстановления демократии в этой стране, она продолжает тесное сотрудничество в военной области с режимом Пиночета. Щедрая финансовая и экономическая помощь этому режиму поступает и от международных банков и организаций.

С укреплением пиночетовской хунты правящие круги США связывали планы превращения так называемого южного конуса Латинской Америки в антикоммунистический бастион. По их мнению, выполнению этой роли лучше всего отвечают реакционные военные правительства, производящие насильственную модернизацию экономики латиноамериканских стран в интересах крупной монополистической буржуазии и тесно связанных с ней корпораций США.

Иными словами, военные режимы должны были преодолеть своего рода фазу «нестабильности развития» в Латинской Америке, подстраховать государ- 241

ственно-монополистическую модернизацию от «нежелательных» потрясений. Однако, как показывают последние события в Южной Америке, в частности развитие демократического процесса в Аргентине, в новых условиях Вашингтону становится все труднее осуществлять свою гегемонистскую стратегию даже в западном полушарии.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ПРОТИВ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

6 октября 1976 года самолет ДС-8 кубинской авиакомпания «Кубина де Авиясьон» сделал посадку в аэропорте Барбадоса. Там его борт спешно покинули два человека. Через несколько минут после взлета самолет взорвался в воздухе и рухнул в море. В результате погибли 73 человека, из них 57 кубинцев. Расследованием было установлено, что причина гибели самолета — взрыв бомбы, подложенной террористами — кубинскими контрреволюционерами, тесно связанными с ЦРУ... Как стало известно позднее, один из участников этой операции, контрреволюционер-кубинец Рикардо Моралес, признался, что диверсия против кубинского авиалайнера была разработана и совершена ЦРУ. Это признание дорого стоило Р. Моралесу, который сам являлся агентом одновременно и ЦРУ, и ФБР: он был убит при загадочных обстоятельствах в одном из баров Майами.

Это лишь один эпизод из самой длительной и самой планомерной из всех необъявленных войн Вашингтона в Латинской Америке. Тайная и явная война против Кубы длится без перерыва уже 25 лет, с момента победы революции. Методы и формы борьбы США против острова Свободы различны: организация прямых вооруженных вторжений, убийства кубинских граждан, покушения на лидеров кубинской революции, засылка подрывной литературы, ведение «психологической войны». В основе такой политики лежит отказ американских правящих кругов признать реальность, согласиться с существованием первого в западном полушарии социалистического государства.

Сразу же после установления народной власти на Кубе в январе 1959 года официальный Вашингтон начал оказывать грубое экономическое и политиче-

ское давление на молодую республику. Куба была исключена из программ американской помощи, американские нефтяные монополии прекратили ввоз нефти на остров, была сокращена, а затем ликвидирована кубинская сахарная квота на рынке США. 3 января 1961 года США разорвали дипломатические отношения с Кубой и установили эмбарго на экспорт любых американских товаров на остров Свободы. Учитывая теснейшие экономические связи обоих государств, действия администрации Эйзенхауэра стали началом открытой экономической агрессии против Кубы. Со своей стороны кубинское правительство национализировало все банки и собственность американских предприятий; вместе с тем оно выступило с предложением провести переговоры для урегулирования спорных вопросов. На это Соединенные Штаты ответили отказом — уже был взят курс на проведение широких антикубинских мер, включая подготовку вооруженной агрессии.

На пресс-конференции 12 апреля 1961 года президент Дж. Кеннеди заявил, что «вооруженные силы США ни при каких обстоятельствах не вмешаются в кубинские дела». Но, как вскоре выяснилось, это заявление было сознательным обманом. Пять дней спустя, 17 апреля, началось вторжение кубинских контрреволюционеров в районе Плайя-Хирон. Действительно, в составе сил вторжения не было американских солдат: американские спецслужбы, и прежде всего ЦРУ, убедили президента в том, что прошедшие в США подготовку кубинские контрреволюционеры сами смогут добиться цели, достаточно только им начать вооруженную борьбу и правительство Ф. Кастро рухнет.

Однако вторжению на Плайя-Хирон предшествовали налеты американских самолетов на кубинские города. После бомбардировки около полутора тысяч хорошо вооруженных наемников начали высадку на побережье. Исход операции известен — в течение трех суток силы вторжения были полностью разгромлены. Поражение бандитов было не только гигантским просчетом, связанным с недооценкой поддержки кубинским народом своего правительства, но и крупным международным провалом американского империализма. Огромную роль в том, что США не решились на прямую интервенцию против Кубы, сыграла международная солидарность с кубинским

народом. В послании Советского правительства президенту США от 18 апреля 1961 года говорилось, что Советский Союз окажет «кубинскому народу и его правительству всю необходимую помощь в отражении вооруженного нападения на Кубу».

Тем не менее этот провал не отрезвил американские правящие круги. Они по-прежнему были одержимы навязчивым стремлением уничтожить молодое социалистическое государство. Именно с этого времени подрывные действия и тайная война против Кубы получают новое развитие. С одной стороны, США начали закулисную кампанию по изоляции Кубы в Латинской Америке. Агенты и резиденты ЦРУ в различных странах Латиноамериканского континента провоцировали местные правительства на действия против Кубы, подбрасывали фальшивки, компрометировавшие руководство острова Свободы, фабриковали разные сенсационные материалы антикубинского содержания в печати. Как писал в своем дневнике тот же Ф. Эйджи, «мы подготовили материалы о вмешательстве кубинских дипломатов в профсоюзные дела. Если нам удастся добиться их опубликования в уругвайской печати... то в любом случае грандиозный скандал и высылка кубинцев неизбежны. Если же все сойдет гладко, то по крайней мере произойдет разрыв дипломатических отношений». Эта запись лишь один из множества примеров того, что делали США, чтобы заставить латиноамериканские страны порвать отношения с Кубой.

Для дестабилизации экономической и политической обстановки на Кубе американское руководство разработало операцию «Мангуста». Она предусматривала заброску на остров диверсантов, вооруженные провокации, террористические акции, взрывы и поджоги промышленных предприятий.

Тем не менее все попытки дестабилизировать Кубу экономически и политически, изолировать ее не удавались. Многие готовившиеся диверсии и акты саботажа были пресечены кубинским народом, проявившим выдержку и решительность перед лицом угроз и провокаций. Одновременно руководство республики обратилось за помощью к СССР.

И тогда США пошли на крайние меры. Утром 22 октября 1962 года к берегам Кубы были направлены 183 корабля, на борту которых находилось более 80 тыс. солдат. Их целью было начать полную

военно-морскую блокаду Кубы, а в случае попытки ее прорыва — вооруженные действия. Так возник карибский кризис.

Последовательная и твердая позиция правительств СССР и Кубы, всемирный взрыв возмущения акциями США заставили Вашингтон пойти на мирное урегулирование кризиса. Американское руководство дало обещание не нападать на Кубу и удерживать от этого другие страны западного полушария, а также прекратить блокаду острова Свободы.

Однако, как признает большинство американских специалистов, несмотря на это обязательство, опасность новой интервенции США против Кубы вовсе не миновала. Видный американский эксперт П. Уайден в своей книге «Залив Свиней», изданной в 1979 году, пишет: «Мотивы политики США в отношении Кубы не изменились настолько, чтобы возможность новой интервенции не существовала».

После карибского кризиса американское руководство сделало основную ставку на решение «кубинского вопроса» не вооруженным путем, а с помощью экономической и дипломатической блокады, «психологической войны». В конце 1963 года США поддержали инспирированную ими же жалобу Венесуэлы в Организацию американских государств (ОАГ) об угрозе ее безопасности со стороны Кубы. Целью данной акции, а точнее, провокации было убедить страны региона разорвать отношения с Кубой. В 1964 году Чили, Боливия, Уругвай и Венесуэла закрыли свои дипломатические и торговые представительства в Гаване. Еще раньше отношения с Кубой прервал военный режим Бразилии. Изоляция Кубы в ОАГ наряду с эмбарго по замыслу американского руководства должна была не только привести кубинский общественный строй к краху, но и шире открыть двери для диверсий и провокаций против республики.

Одной из наиболее преступных сторон подрывной деятельности США против Кубы являются неоднократные попытки ЦРУ организовать покушение на лидера кубинской революции Фиделя Кастро. Организация этих покушений подтверждена документально.

К каким только ухищрениям не прибегало ЦРУ, чтобы добиться своего — физической ликвидации Ф. Кастро. Кубинские пограничники задержали аквалангиста, в снаряжение которого входили яд, отрав-

ленные пули, винтовка с оптическим прицелом. Ф. Кастро в качестве подарка были посланы отравленные сигары. В мае 1966 года с целью убийства Ф. Кастро была высажена специальная группа командос во главе с А. Вальо. Будучи схваченным, он сознался в том, что его цель — уничтожить лидера кубинской революции. Таково задание ЦРУ. 17 марта 1967 года была задержана новая группа террористов, пытавшаяся высадиться в местечке Кайо-Фрагосо. В 1965 году быстроходные катера произвели обстрел резиденции президента Кубы О. Дортикоса... Список подобных провокаций можно продолжать без конца.

Более того, как выяснилось в середине 70-х годов, ЦРУ пыталось прибегнуть даже к услугам мафии для убийства Ф. Кастро. Бывший агент ФБР Роберт Мэхью установил контакт со средней руки мафиози Джоном Росселлини, который вывел его на своего босса — Сэма Джжанкомо, весьма известного в США гангстера и «хозяина» организованной преступности в Чикаго. Еще не достигнув и двадцатилетнего возраста, он успел несколько раз побывать за решеткой по подозрению в трех убийствах. Его могли, наверное, отправить в тюрьму еще раз, если бы мафия не ликвидировала его как «слишком многознающего» свидетеля. Но, как бы то ни было, выбирая «специалистов мокрых дел», «джентльмены» из Лэнгли выбирали профессионалов. Высшие чины ЦРУ одобрили выплату гангстерам 150 тыс. долл. для выполнения задачи убийства Ф. Кастро. Но операция сорвалась.

Террористическая подрывная деятельность против Кубы в основном осуществляется различными организациями кубинских контрреволюционеров, окопавшихся в Майами, на деньги и по указке ЦРУ. И это делается несмотря на то, что одно из условий советско-американской договоренности по урегулированию карибского кризиса прямо предусматривало ликвидацию лагерей «гусанос» и отказ правительства США от их поддержки.

«Бороться с кубинцами руками кубинцев» — этот принцип действия американских спецслужб преследовал цель обмануть мировое и латиноамериканское общественное мнение, создать у него впечатление, что на Кубе якобы существует активное сопротивление революционному правительству.

Агрессивные действия США приносили Кубе огромный ущерб. Американские руководители любят иногда порассуждать об определенных трудностях в развитии кубинской экономики. Однако они намеренно закрывают глаза на взаимосвязь этих трудностей с агрессивными действиями США. Видный специалист Р. Дюмонт в книге «Куба: социализм и развитие» отмечал, что трудное положение, сложившееся в экономике Кубы в 1967 году, было «во многом прямым результатом блокады, саботажа и нападений эмигрантов».

В начале 70-х годов становилось все более очевидным, что американская политика блокады Кубы терпит неудачу. Когда начался процесс разрядки международной напряженности, перед американскими правящими кругами неизбежно встал вопрос о нормализации отношений с Кубой. В середине 70-х годов активизировались научные и спортивные контакты между двумя странами, был заключен ряд соглашений, а в 1977 году в Гаване и Вашингтоне открылись дипломатические отделы интересов Кубы и США.

Даже эти скромные шаги вызвали бешенство кубинской эмиграции. В 1977 году в США был организован взрыв в помещении авиакомпании, установившей связи с Гаваной, были взорваны бомбы у представительства Кубы в ООН, раздавались угрозы в адрес всех, кто осмеливался поддерживать контакты с кубинцами. Как оказалось, идя на скромные шаги нормализации отношений с соседом, американское руководство не собиралось сворачивать подрывную деятельность против Кубы. Более того, очень быстро стало ясно, какими мотивами оно руководствуется, идя на развитие отношений с Гаваной: ослабить общественный строй, добиться «размягчения» социализма на Кубе, способствовать появлению оппозиции. Как откровенно писал видный американский специалист Р. Фонтен в работе «О переговорах с Кубой», долгосрочной целью США является не больше и не меньше как «ликвидация марксистско-ленинского режима, не прибегая к войне, подрывным действиям или эмбарго».

Как только после переговоров 1977—1978 годов Вашингтону стало ясно, что кубинское правительство не собирается уступать в вопросах, касающихся компетенции самой республики, и желает развивать от- 242

ношения с США на основе принципов равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, с американской стороны в адрес Гаваны посыпались новые угрозы и возобновились ничем не прикрытые провокации.

В мае — июне 1980 года посольства некоторых латиноамериканских стран в Гаване представляли собой растревоженный улей. Повсюду: на траве, ступеньках, дорожках — теснились люди, в основном молодые мужчины, неряшливо одетые, часто пьяные. Это были кубинцы, желавшие эмигрировать. Западные журналисты, аккредитованные на Кубе, были в состоянии ажиотажа, предвкушая грандиозные беспорядки: ведь тысячи кубинцев бегут с острова, а бесчеловечное правительство не дает им разрешения на выезд! Где право на свободное передвижение? Где права человека?

Однако правительство республики не стало препятствовать желающим покинуть Кубу. При этом оно предупредило США и другие страны, что среди отъезжающих преобладают асоциальные элементы. Как заявил по поводу эмиграции Ф. Кастро, «строительство социализма — дело абсолютно добровольное. Это подразумевает и свободу выезда с Кубы. Что скажут об этом Соединенные Штаты, которым доставляет такое удовольствие разглагольствовать о правах человека и свободе передвижения граждан всего мира? Куба готова прийти к разумному и конструктивному соглашению по этому вопросу».

Еще в 1977 году Белый дом развязал кампанию по поводу мнимых нарушений прав человека на Кубе, стал подбивать антиобщественные элементы на Кубе на выступления и беспорядки. Одновременно были приняты меры по дестабилизации сахарного рынка, чтобы нанести экономический ущерб республике, на остров были занесены возбудители болезни сахарного тростника и табака, погубившие около четверти всего урожая. Более того, на Кубе вспыхнула «лихорадка Денге» — редкая болезнь, давно не встречающаяся в республике, жертвой которой стали тысячи кубинцев.

Договориться с Гаваной о каких-то разумных условиях эмиграции Вашингтон не захотел. Но, спровоцировав эмиграцию, США вскоре сами пожалели об этом. Когда во Флориду и другие южные штаты стали прибывать кубинские отщепенцы, американ-

ские жители смогли убедиться, что представляют собой эти «любители свободы», которых правительство Картера так долго и упорно выманивало с Кубы.

Многие «беженцы» перво-наперво занялись погромами, грабежами, убийствами. Напряженность достигла такого уровня, что в июне 1980 года президент Картер сделал поворот на 180 градусов и запретил американским судовладельцам перевозку кубинских «беженцев» в США под угрозой тюремного заключения и штрафа в 50 тыс. долл.

Негативные для самих США результаты этой провокации вынудили американское руководство выступить с заявлением, что бежавшие — это преступники и душевнобольные, которым не место на американской территории, и что Куба должна забрать их обратно. Эти требования были отклонены кубинской стороной, заранее предупреждавшей США о том, что представляют собой «беженцы».

Тогда Вашингтон обрушился с грубыми нападками в адрес Гаваны; были возобновлены полеты американских самолетов над островом, у берегов Кубы начались американские военно-морские маневры «Солид шилд-80». Наконец, правительство Картера свернуло даже те скромные связи, которые начали устанавливаться между Кубой и филиалами американских корпораций. Развернувшаяся в США антикубинская кампания напоминала худшие времена начала 60-х годов. В экстремистских кругах раздавались даже призывы к немедленной интервенции против Кубы.

Приход к власти администрации Рейгана означал дальнейшую эскалацию антикубинской кампании, усиление провокаций, организацию прямых вооруженных нападений на кубинских граждан. Согласно взглядам творцов новой латиноамериканской политики, всякие переговоры и соглашения с Гаваной не нужны, а вместо этого необходимы постоянное давление, угрозы и — если все это не подействует — конкретные акции.

Основное внимание администрации Рейгана было приковано в это время к Сальвадору, где она рассчитывала быстро разгромить повстанцев, преподав тем самым «урок» всему революционному движению.

Но повстанцы («террористы», по терминологии Вашингтона) не поддавались, несмотря на колоссальную американскую помощь сальвадорскому режиму. Не поддавались потому, что в Сальвадоре речь идет об **249**

освободительном движении, о народном восстании против прогнившего, коррумпированного режима. Для того чтобы оправдать свою неспособность справиться с «террористами», вашингтонские лидеры вновь начали разнузданную антикубинскую кампанию. Если верить бывшему государственному секретарю А. Хейгу или министру обороны США К. Уайнбергеру, гражданская война («терроризм») в Сальвадоре продолжается исключительно по причине... вмешательства Кубы, ее помощи повстанцам.

В 1981—1982 годах усиленно распространялись слухи о том, что вот-вот появится «неопровержимое» доказательство того, что за спиной революционеров в Центральной Америке стоят Куба и Советский Союз, что многие повстанцы — это переодетые кубинцы, что существует воздушный мост, по которому перебрасываются десятки тысяч тонн оружия. Это должно было убедить сомневающихся латиноамериканцев и европейцев в том, каких масштабов достигли «происки международного коммунизма».

Так появилась на свет «Белая книга» США — сборник документов, составленный из отрывков чьих-то дневников, каких-то непонятных фотографий, свидетельств сомнительных авторов, который должен был убедить мир в существовании «международного заговора» в Центральной Америке. Но увы, фальшивка была сработана столь топорно, что вызвала недоверие и скептические улыбки.

В 1983—1984 годах спираль тайной войны против Кубы стала быстро раскручиваться, грозя перерасти в войну явную.

Прежде всего США решили усилить «психологическую войну» против Кубы. С этой целью было решено создать специальную радиостанцию, которая бы вещала на Кубу, изливая потоки лжи и клеветы. Назвать радиостанцию предполагалось «Радио Марти», по имени героя кубинского народа. Эта идея вызвала недоумение и протесты в США. Зачем новую радиостанцию? Ведь есть же «Голос Америки», пусть увеличит количество часов вещания — таково было мнение многих конгрессменов. Это не устраивало администрацию Рейгана. «Голос Америки» — станция все же известная, официальная, хотя она ведет пропаганду и клеветает на Кубу, но это все не то. Правительству нужна специальная радиостанция, главной целью которой должно было быть ведение «психоло-

гической войны», распространение слухов, лжи, паники и провокационных призывов. Несмотря на оппозицию широких слоев общественности в США, радиостанция в конце концов была создана.

Одновременно в администрации Рейгана зрел и новый план ведения явной войны против Кубы. Планировалось нанести вооруженный удар по кубинцам, но не по самому острову. По острову — это опасно, считали даже «ястребы» в Вашингтоне, памятуя уроки карибского кризиса 1962 года. А ударить по кубинцам за рубежом — дело нетрудное. Этим преследовалась цель и «наказать» Гавану, и ограничить влияние Кубы.

С весны 1983 года в выступлениях государственных деятелей США стали раздаваться призывы остановить «идеологическую и политическую экспансию Кубы», поймать «в западню африканские легионы Кастро». Официальный Вашингтон усиленно искал предлог для того, чтобы нанести косвенный удар по Кубе, а заодно и по освободительному движению в регионе. Мишенью было избрано крошечное государство в Карибском море с населением 120 тыс. человек — Гренада.

«ВСПЫШКА ЯРОСТИ» ПРОТИВ МИРНОГО ОСТРОВА

Могла ли Гренада представлять угрозу «жизненно важным интересам Соединенных Штатов»? Нелепа даже сама постановка вопроса. Однако в Вашингтоне заявляют, что думают иначе.

Почему? Да потому, что на Гренаде строился современный аэродром и участвовали в этом строительстве кубинские специалисты. Аэродром был нужен стране для приема современных самолетов с туристами, ибо туризм — основная статья дохода Гренады. Но Вашингтону нет дела до дела до туристов (в том числе и тысяч американцев, ежегодно приезжавших на роскошные пляжи острова), если все это строительство можно представить как «неоспоримое свидетельство» советско-кубинского проникновения на Гренаду и подготовку стратегического плацдарма против США на их южных границах. Именно такую версию распространяли американские средства массовой информации задолго до 25 октября 1983 года — рокового для Гренады дня.

С момента прихода Р. Рейгана к власти ЦРУ стало серьезно изучать вопрос о свержении прогрессивного правительства М. Бишоп. Американская морская пехота в 1981 году даже инсценировала вторжение в страну под кодовым названием «Эмбер и эмбердины» (Янтарь и янтарчики), высаживаясь на о. Вьекес, близ Пуэрто-Рико. Это название было весьма прозрачным, поскольку всем было ясно, что речь шла о Гренаде и находящихся под ее юрисдикцией островах Южные Гренадины.

Планы агрессии просочились в печать, и операцию пришлось отложить. И все же многим не верилось, что США решатся на прямую вооруженную агрессию. Думали о действиях по «чилийскому образцу», о тайных операциях, о провокациях. Не верил в это и М. Бишоп, совершивший поездку в США и получивший в Вашингтоне заверение высокопоставленных лиц в администрации Рейгана, что «США намерены развивать нормальные отношения с Гренадой». Однако действительность показала другое. Соединенные Штаты искали лишь предлог для вторжения на Гренаду. Такой предлог вскоре представился: внутреннее развитие событий на Гренаде привело к трагической гибели М. Бишоп. То, что произошло на Гренаде,— это ее внутреннее дело, и это понимали даже в США, тем более что к погибшему премьер-министру американские лидеры не испытывали никаких симпатий.

Однако сложившаяся на острове обстановка оказалась удобным поводом для реализации давно вынашиваемых США агрессивных планов. И вот американская эскадра получает приказ двигаться к Гренаде. Нужно было найти повод и оправдание для агрессии— ведь развитие внутренних событий на острове еще не причина для вмешательства. Но у США, как известно, всегда есть «законный повод»— защита жизни американских граждан. А поскольку в любой латиноамериканской стране всегда есть хоть несколько сот американцев, то и повод у Вашингтона всегда имеется. И все же администрация Рейгана понимала, что нужно что-то еще, чтобы «оправдать» агрессию против беззащитного государства.

Тогда-то стратеги из госдепартамента и Пентагона состряпали другую «вескую причину»: «просьбу» от столь же крошечных, но находящихся под влиянием США восьми других островных государств Ка-

рибского бассейна. Они попросили Вашингтон защитить их от... Гренады. Липовый характер этой «просьбы» был настолько очевиден, что в него не поверила даже премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, имевшая все основания интересоваться судьбой Гренады как члена Британского содружества. Белый дом даже не счел нужным поставить в известность Уайтхолл о планировавшейся акции, не говоря уже о том, чтобы проконсультироваться с британским посольством. Малейшие колебания исчезли 23 октября, когда в результате взрыва в Бейруте погибли две с половиной сотни американских морских пехотинцев. Президент считал, что на волне шовинизма, охватившей Америку, его авантюра пройдет.

На рассвете 25 октября 1983 года в 5 часов утра по местному времени гренадцев разбудили вой и рев вертолетов и самолетов, взрывы бомб. В районе аэропорта Пойнт-Сэлайнз были сброшены два батальона парашютистов, вслед за которыми на взлетную полосу стали приземляться самолеты с морскими пехотинцами. Почти одновременно вертолеты с десантниками приземлились на небольшом аэродроме Пирлз на северо-востоке острова. Так, 1200 солдат морской пехоты и 700 рейнджеров, прославившихся своими зверствами во Вьетнаме, начали операцию под кодовым названием «Вспышка ярости».

В водах Гренады США сосредоточили 11 боевых кораблей, с которых осуществлялась не только высадка десантов, но и артобстрел столицы Гренады — Сент-Джорджеса. Были разрушены сотни домов, десятки административных зданий, радиостанция, резиденция премьер-министра, детские учреждения, больница.

Интервенция против суверенного государства в Карибском море вызвала осуждение во всем мире. Практически единодушным было осуждение США в ООН (108 против 9). В девятке — сами США, шесть членов Организации восточнокарибских государств, участвовавших во вторжении, Израиль и Сальвадор. Даже ближайшие американские союзники не поддержали действия правительства Р. Рейгана. М. Тэтчер заявила, что нельзя вторгаться в другие страны лишь потому, что там происходят события, которые кого-то не устраивают. А тогдашний премьер-министр Франции П. Моруа заявил еще категоричнее: «Ничто не может оправдать прямую интервенцию **251**

США и ряда государств Карибского бассейна против суверенитета Гренады...»

Однако в ответ на критику со стороны союзников вице-президент Дж. Буш сказал: «Прошу прощения. США — лидер свободного мира, и при нынешней администрации мы вновь начинаем действовать так, как ему положено». Так союзникам было указано на их место.

В ходе интервенции под угрозой оказалась жизнь сотен иностранных граждан, среди которых были и советские люди. Что касается кубинцев, то именно на них обрушили свою ярость интервенты. Когда парашютисты 82-й дивизии высадились на острове, первым объектом их нападения стали кубинские строительные рабочие. Это было не случайно — ведь агрессия против Гренады явилась и своего рода антикубинской демонстрацией Вашингтона. Администрация Рейгана явно пыталась спровоцировать Кубу. Перед лицом этой акции, приведшей к гибели десятков кубинских граждан, руководство республики продемонстрировало выдержку и решительность, что помогло эвакуации раненых и захваченных в плен специалистов. США же сначала задерживали эту эвакуацию, подвергали кубинцев издевательствам, допросам, пытались склонить к невозвращению на родину.

После захвата Гренады там был установлен жестокий оккупационный режим: сотни патриотов были брошены в тюрьмы без суда и следствия, проводились бесконечные облавы, аресты, обыски. Спустя год после начала агрессии на Гренаде все еще находятся части экспедиционного корпуса карибских стран. И при этом администрация Рейгана осмеливалась утверждать, что она «освободила целый народ». После любой военной операции подсчитывают потери. Людские потери США были невелики — всего несколько десятков убитых и раненых. Но как измерить другие потери? Для США моральные — падение престижа, презрение многих народов, осуждение мирового общественного мнения! Для Гренады — тысячи жизней граждан, ни в чем не повинных, большие разрушения, растоптанный суверенитет, унижение и отчаяние!

Р. Рейган назвал солдат, совершивших интервенцию против Гренады, «героями на службе дела свободы». А героев принято награждать. И вот в США

были выпущены награды, которых удостаивались оккупанты. По недоразумению количество выпущенных наград превысило число солдат, участвовавших во вторжении. Эта нелепость хотя и случайна, но вместе с тем и символична. В Вашингтоне ставят с ног на голову понятия чести, геройства, достоинства. И если в истории героями назывались всегда люди, мужественно защищавшие свою родину, то президент США готов хоть дважды наградить каждого головореза, растоптавшего свободу маленькой страны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ ПРОТИВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Центральная Америка... Самая экономически отсталая часть континента. Уровень промышленного производства здесь намного ниже, чем в среднем по Латинской Америке, а детская смертность в несколько раз выше. Именно в этом районе Соединенные Штаты совершили больше всего интервенций. Именно местные диктатуры Гондураса, Сальвадора, Гватемалы больше других стран региона зависят от США, и именно здесь нарушение прав человека и подавление демократических свобод наиболее сильно.

По американским подсчетам, в середине 70-х годов количество политических заключенных в Сальвадоре и Никарагуа (при режиме диктатора Сомосы) составляло 6 тыс. человек — самое большое число заключенных на душу населения в мире, исключая, пожалуй, Южную Африку.

У центральноамериканских диктаторов всегда были свои представления о правах человека и демократии. Например, в Гватемале, как утверждало правительство, «вообще нет» политических заключенных. В эту страну даже приглашались эксперты международных организаций... Дело в том, что правительство Гватемалы просто физически уничтожало активных противников режима и патриотов. Арест любого человека в Гватемале без всяких объяснений возможен на основе закона «О защите демократических институтов».

Впрочем, сильно ли эти представления отличаются- 255

ся от взглядов правительства Соединенных Штатов? На протяжении многих лет эти страны Центральной Америки получали американскую помощь в расчете на душу населения в несколько раз больше, чем буржуазно-демократические Ямайка и Колумбия.

Долгое время в условиях жесточайшего террора и репрессий в Центральной Америке было относительно спокойно, и это вполне устраивало Вашингтон. Конечно, не все там было так, как хотелось американскому руководству, но пока американские корпорации регулярно получали свои сверхприбыли, Сомоса, не рискувавший появляться перед своими соотечественниками иначе как под бронированным колпаком, был более приемлем для США, нежели подлинно народное правительство, пришедшее к власти в Никарагуа в июле 1979 года,— правительство Фронта национального освобождения имени Сандино.

Крах одиозной диктатуры Сомосы означал провал ставки США на диктаторские режимы в Центральной Америке, где на рубеже 80-х годов развернулось мощное революционное движение, направленное как против местной реакции, так и против «империализма янки». В таких условиях Вашингтон был вынужден признать новое правительство Никарагуа и одновременно начал лихорадочно принимать меры, чтобы предотвратить повторение никарагуанских событий в других центральноамериканских странах. Еще при администрации Картера было усилено военное присутствие США в Центральной Америке. Осенью 1979 года в Ки-Уэст (штат Флорида) было создано Карибское командование для сил, находящихся в регионе. Президент Картер подписал меморандум № 52, который предусматривал повышение американской военной помощи проамериканским режимам и увеличение численности американских войск на базах в Карибском море.

Однако, с точки зрения правых, укрепивших свои позиции в США на рубеже 80-х годов, эти меры были запоздалыми и недостаточными. Вся политика администрации демократов в Центральной Америке подверглась беспощадной критике. Если прочитать документ «Комитета Санта-Фе» — подготовленный для администрации специальный доклад, написанный с крайне правых позиций, и допустить, что все в

американцам нужно или строить бомбоубежища, или, если нет денег, прямо ползти на кладбище. ...Оказывается уже сейчас мы переживаем... «третий этап мировой войны»! Не первый и не второй, а уже третий. Латинская Америка — «один из двух главных театров военных действий», где русские одерживают победу с помощью своих «сателлитов и марионеток». Карибское море стало «марксистско-ленинским». Потерял же Центральную Америку Картер. Характерно, что такую дикую нелепость писали не малограмотные расисты из «общества Джона Бэрча», а уже известный нам Р. Фонтен, советник Р. Рейгана, и отставной генерал Г. Самнер, специальный советник госсекретаря А. Хейга.

Впрочем, согласно их взглядам, «в Центральной Америке еще не все потеряно, если принять энергичные меры, вооружиться самим, вооружать союзников и проводить политику вмешательства во внешние и внутренние дела любой латиноамериканской страны, которая помогает и попустительствует агрессивному империализму внеконтинентальных держав».

В общем яснее не скажешь, все точки над «i» были поставлены — документ «Санта-Фе» давал зеленый свет американским интервенционистам в Центральной Америке. И этот документ был положен в основу латиноамериканской политики Р. Рейгана, явился ее теоретическим обоснованием и оправданием.

Стоит ли после этого удивляться, что вся центральноамериканская политика республиканской администрации была направлена на силовое решение проблем, рассматривала конфликты в регионе исключительно сквозь призму противоборства Восток — Запад. Всякие разговоры о развитии демократии, правах человека были сняты с повестки дня. Военно-репрессивные режимы Сальвадора, Гватемалы, Гондураса стали получать широкую военную и экономическую помощь, в Сальвадор были посланы десятки военных советников. Одновременно была удвоена агентура американских спецслужб в Центральной Америке, на подрывные действия было выделено 19 млн. долл. Прямые военные угрозы раздавались в адрес Никарагуа, куда стали засылаться агенты ЦРУ, диверсанты.

Во Флориде и на территориях Гондураса и Гватемалы под руководством инструкторов США стали **257**

проходить подготовку тысячи сомосовцев, бежавших из Никарагуа, наемников из других латиноамериканских стран.

Фактически Сальвадор и Гондурас были превращены в огромный военный лагерь. Боевая техника, стрелковое оружие, десятки военных инструкторов, совместные маневры «Биг Пайн-1», «Биг Пайн-2», «Гренадеро-1», «Унидис-84». Как писала газета «Вашингтон пост» весной 1984 года, «абсурдно считать военное присутствие, которое наращивается вокруг Центральной Америки нашей страной, обычными маневрами. В них участвуют три боевых соединения, группирующиеся вокруг двух авианосцев и линкора «Нью-Джерси». Это составляет около четверти действующего флота. Эти соединения, вероятно, обладают большей огневой мощностью, чем те, которые использовались в таких крупных сражениях, как войны на Тихом океане, как сражение за Иводзиму».

Все делалось для того, чтобы запугать революционно-освободительное движение, заставить его отступить. Однако «подвести черту в Сальвадоре», как обещал государственный секретарь США А. Хейг, было не так просто. Действия повстанцев продолжаются, они наносят тяжелые удары войскам хунты. Сальвадорский режим не раз оказывался на грани поражения, и он потерпел бы крах, если бы не щедрая американская экономическая и военная помощь. Как отмечал журнал «Тайм», «администрация доказывала, что расширение военного участия США необходимо и оправдано тем «беспрецедентным потоком» оружия, которое попадает к повстанцам с Кубы и из Никарагуа. Но она не хочет — или не может — документально подтвердить это обвинение». Когда Рейгана прямо спросили об этом, он запротестовал: «Мы не можем обнародовать наши сведения, не скомпрометировав наши источники. Поверьте, мы не сомневаемся в этих фактах». А если фактов нет, то их можно заменить ложью или придумать. Фактически вмешавшийся в конфликт в Сальвадоре Вашингтон ведет необъявленную войну против народа этой страны.

Одной из последних и наиболее грязных страниц в истории необъявленных войн Вашингтона в Латинской Америке является тайная война против Никарагуа. После провала попыток предотвратить прогрессивные преобразования в этой стране, заставить ее следовать в русле своей внешней политики Вашинг-

тон перешел к массивному давлению на Никарагуа, широкомасштабным подрывным действиям.

1980 год — приостановлена экономическая помощь США под лживым предлогом нарушения прав человека в Никарагуа, администрация Картера требует срочной выплаты долгов Сомосы, выражает свое неодобрение по поводу развития отношений этой страны с Кубой и СССР.

1981 год — администрация Рейгана прекращает военную и экономическую помощь сандинистам, обвиняет их в экспорте революции, выделяет деньги на дестабилизацию Никарагуа. Начинается широкая засылка диверсантов на территорию этого государства, формируются отряды наемников-сомосовцев, число которых достигает 1 тыс. человек. В Гондурасе создается целая сеть тренировочных лагерей, где сомосовцы проходят подготовку под руководством американских инструкторов.

1982 год — ЦРУ выделяет уже 19 млн. долл. на подрывные действия против правительства сандинистов. Резко усиливается враждебная кампания США против Никарагуа в связи с провалом попыток администрации Рейгана навязать Никарагуа свои условия. Вашингтон предпринимает усилия по сколачиванию оппозиции в этой стране, начинает непосредственно контролировать действия контрреволюционных сил, число сомосовцев в отрядах достигает 5 тыс. человек. Никарагуа отказано в международных займах и кредитах. На международной арене США стремятся столкнуть Никарагуа с соседними странами — Гондурасом и Коста-Рикой. На границе растет число инцидентов.

1983—1984 годы — США организуют фактически непрерывные бандитские нападения на Никарагуа. Израсходовано уже 50 млн. долл. на подрывные акции против этой страны. Число наемников ЦРУ достигает 15 тыс. человек. У границ Никарагуа не прекращаются американско-гондурасские военные маневры. В Гондурас переброшено 2 тыс. американских морских пехотинцев, происходит расширение сети тренировочных лагерей для контрреволюционеров, или «контрас», как их именуют в Латинской Америке. Совершаются авиационные налеты на никарагуанские города и селения. В налетах принимают участие американские самолеты. Наконец, проводится минирование портов Никарагуа, подрываются суда многих

государств. Террористическо-диверсионные группы ЦРУ совершают налеты на никарагуанские промышленные центры. Специалисты ЦРУ обучают своих центральноамериканских помощников диверсиям и тактике подрывной деятельности.

До прихода к власти администрации Рейгана сомосовцы не представляли сколько-нибудь значительной угрозы народу Никарагуа, поскольку никакой серьезной социальной опоры в стране они не имели. ЦРУ объединило различные группировки контрреволюционеров, одновременно проводя вербовку своей агентуры среди подонков никарагуанского общества. В начале 1982 года были сколочены так называемые никарагуанские демократические силы (НДС), которым была отведена функция «респектабельной политической вывески для контрреволюционеров».

К 1984 году численность сотрудников ЦРУ в Гондурасе — опорной базе «контрас» — возросла в 4 раза и достигла 200 человек. ЦРУ выделило для работы в этой стране многих агентов своего отдела специальных операций. В широких масштабах начались поставки оружия сомосовцам с американских баз в Панаме, а в лагерь «контрас» в Гондурасе направлены новые американские инструкторы. Во Флориде и Калифорнии открыт ряд военных учебных лагерей для врагов никарагуанского народа.

Одновременно по указанию Вашингтона налаживается тесное сотрудничество контрреволюционеров с гондурасской военщиной. Группы гондурасских солдат и офицеров были направлены в учебные лагеря в Панаме для обучения диверсионным операциям и последующего участия в подрывных вылазках против Никарагуа.

Акции ЦРУ и других ведомств США в Гондурасе курирует американский посол в этой стране Д. Негропonte, который согласовывает свои действия с директором ЦРУ У. Кейси.

Официальный Вашингтон пытается обмануть мир, оправдывая подрывные операции против Никарагуа — через ставленников из Гондураса и напрямую из США — необходимостью «перерезать доставку вооружений сальвадорским и гватемальским повстанцам». Как отметил никарагуанский руководитель Д. Ортега, «заявление Рейгана о переброске оружия через Никарагуа в Сальвадор является не чем иным, как надуманным предлогом для активизации помощи военной

хунте». «США,— сказал он,— просто требуется внутри- и внешнеполитическое обоснование для оказания военной и экономической помощи Сальвадору».

Измышлениям Рейгана часто не верит даже американская печать. «Можно видеть, как в глазах администрации Рейгана появляется блеск, вызванный политическими амбициями. По ее мнению, ликвидация левого режима в Никарагуа была бы крупным козырем в борьбе Рейгана против «международного коммунизма»,— писала газета «Вашингтон пост».

Трезво оценивают ситуацию в Центральной Америке и некоторые союзники США. Так, в интервью газете «Монд» президент Франции Ф. Миттеран сказал: «...народы этого района (Центральной Америки.— П. Х.) хотят покончить с олигархиями, которые при помощи кровавых диктатур недопустимо жестоко эксплуатируют и подавляют их. Ничтожной части населения принадлежат почти все материальные блага. Как тут не понять возмущение народа? Дело тут не в подрывной работе коммунистов, а в нежелании мириться с нищетой и унижением».

В своей речи 22 апреля 1983 года перед конгрессом Р. Рейган заявил, что «США не будут защищать сандинистов от оппозиции».

Ранним утром в маленький никарагуанский поселок ворвались сотни вооруженных до зубов «контрас». Запылали хижины, закричали дети и женщины — людей выбрасывали на улицу. Бандиты искали бойцов и активистов Фронта национального освобождения имени Сандино, но их не оказалось — деревню некому было защищать. Тогда все мужское население старше 14 лет бандиты вывели за околицу и расстреляли.

Каждый день приходят сообщения о таких налетах «контрас», о гибели солдат-сандинистов, мирных жителей, о взрывах на электростанциях и складах. В 1982 году в результате налетов «контрас» были убиты 273 солдата и 53 мирных жителя. В 1983 году сандинисты потеряли в сражениях 300 солдат и 346 мирных жителей. Так действуют в Никарагуа «борцы за свободу».

Но, как твердят Рейган и его команда, наемники ЦРУ, засылаемые на территорию Никарагуа, оплачиваемые на деньги американских налогоплательщиков, вооруженные американским оружием и обученные

американскими инструкторами, являются-де политической оппозицией!

Эта «политическая оппозиция» не только сеет смерть и разрушения, она, как видно, преднамеренно выбирает жертвами гражданских лиц, выполняющих специальные программы. Из 346 мирных граждан, погибших в 1983 году от рук «контрас», 104 — преподаватели, врачи, агрономы. За последние годы «контрас» разрушили 22 сельских диспансера, убили 19 медработников, в том числе врачей из ФРГ и Франции. Один из главарей бандитов признался, что раздробил пулями головы супругов-священников Мэри и Феликса Базреда только за то, что они были активистами и участвовали в кампании по ликвидации неграмотности. «Контрас» своими действиями нанесли ущерб Никарагуа, измеряемый 100 млн. долл. В 1983 году они уничтожили до 35% урожая хлопка и кофе — главных экспортных культур. 55 тыс. крестьян были вынуждены бросить свои земли и податься в глубь страны.

Как все это похоже на то, что было в Чили. Недавно многие обозреватели сравнивают действия империализма США против сандинистской Никарагуа с его подрывными акциями против правительства Сальвадора Альенде в Чили. Но в то же время есть и различия. Если в Чили американские спецслужбы действовали скрыто, через подставных лиц, использовали такие приемы, как подкуп, шантаж, саботаж, подстрекательство, то против Никарагуа «тайная война» ведется открыто — диверсии, убийства, прямые вооруженные вылазки. Многие из своих операций «контрас» проводили, переодевшись в форму бойцов сандинистской народной армии. Посеять вражду, недоверие к правительству тоже составная часть «тайной войны» против Никарагуа.

Однако ни трудности, ни происки «контрас» не могут подорвать популярности сандинистов, которых, даже по американским подсчетам, поддерживает $\frac{4}{5}$ населения республики. В неравной борьбе с империализмом США народ Никарагуа одержал немало внушительных побед. За пять лет, минувших после победы революции, правительство Национального возрождения добилось больших успехов в ликвидации неграмотности, в подъеме общеобразовательного уровня никарагуанцев, в создании доступной для всех системы здравоохранения, претворении в жизнь аграрной

реформы. С каждым годом растут государственные ассигнования на различные социальные программы. Стремясь положить конец подрывной деятельности американского империализма и его наемников, революционное правительство Никарагуа не раз выступало с предложениями о переговорах. И такие переговоры начались. В июне 1984 года Никарагуа посетил государственный секретарь США Дж. Шульц. И что же? Как оказалось, Вашингтон вовсе не стремится к политическому урегулированию и рассматривает переговоры как возможность оказать новый нажим на Никарагуа. Более того, он фактически не дал ответа на серьезные и конструктивные предложения сандинистов.

Шульц вновь изложил позицию администрации Рейгана по проблеме Центральной Америки, включая требования к Никарагуа прекратить «экспорт революции» в другие страны, сократить численность своей армии, выслать советских и кубинских военных советников, провести «свободные выборы».

Однако, как известно, Никарагуа не осуществляет никакого экспорта революции. Наоборот, с полным основанием можно говорить об экспорте контрреволюции, который осуществляет Вашингтон. Что же касается размеров армии Никарагуа, то они определяются необходимостью давать отпор постоянной агрессии против никарагуанского народа со стороны США и их подручных. Столь же надуманно требование о высылке советских и кубинских советников из Никарагуа, под которыми, очевидно, в Вашингтоне подразумевают советских и кубинских врачей, помогающих молодой республике ликвидировать наследие прошлого.

И наконец, свободные выборы, которые предстоят 4 ноября 1984 года. Разве не Вашингтон делает все возможное, чтобы помешать их нормальному проведению?

Тайная и явная война против Никарагуа продолжается...

Советский Союз предлагает...

Достаточно перелистать любой учебник истории, чтобы убедиться, что войны — величайшее бедствие для человеческой цивилизации. По подсчетам историков, за последние три с половиной тысячелетия мир на всей нашей планете царил только на протяжении 227 лет, а остальное время говорило оружие. В истории в этот период зафиксировано 14,5 тыс. войн, в огне которых погибло 4 млрд. человек — почти столько, сколько живет сегодня на Земле.

В прошлые исторические эпохи война была «продолжением политики иными средствами», «политикой, сменившей перо на меч». Это положение, высказанное еще в XIX веке немецким военным теоретиком К. Клаузевицем, подтверждается всем предшествующим опытом истории. Испокон веков война служила внешней политике господствующих классов, будучи одновременно и ее продолжением, и средством достижения поставленных целей. Насилие во всех его разновидностях, в том числе и в форме вооруженной агрессии, неизменно оставалось преимущественным, а чаще всего единственным инструментом экспансионистских устремлений властвующих элит. Военное преимущество сравнительно легко могло быть реализовано в преимущество политическое. «Большие батальоны всегда правы» — эти ставшие крылатыми слова Наполеона на протяжении многих десятилетий казались бесспорными.

В современную эпоху эта некогда однозначная формула неприменима. Появление в арсенале крупных государств ракетно-ядерного оружия коренным образом изменило и традиционные представления о войне, и сам ее характер. В огне ядерной войны может сгореть не только «побежденный», но и «победитель». Последние изыскания авторитетных ученых

мира — физиков, медиков, биологов — убедительно свидетельствуют о том, что всеобщая ракетно-ядерная война будет означать конец мировой цивилизации, поставит под вопрос само выживание человека как биологического вида. Даже общества, не участвующие в войне, могут погибнуть вследствие так называемой ядерной зимы, которая наступит на земле в результате одновременной детонации нескольких сот ядерных боеголовок мегатонной мощности.

Однако американский империализм не склонен считаться с этими научно обоснованными прогнозами. Узурпировав достижения современной науки и техники, военно-промышленные комплексы западных держав, и прежде всего США, раскрутили маховик гонки ядерных вооружений в беспрецедентных масштабах.

И все же и в западных столицах не могут полностью игнорировать катастрофические последствия ядерной войны для ее инициаторов. Коллективное самоубийство не входит в планы мирового империализма. И потому, не отказываясь в принципе от возможности использования ядерного оружия в противоборстве с социализмом, правящие круги стран Запада, и в первую очередь США, все больший акцент делают на ведение так называемых малых войн. Они рассчитывают в ходе таких войн получить и нарастить военно-стратегические преимущества, создать «позицию силы», повернуть вспять историческое развитие человечества, «отбросить» и разгромить социализм, силы национально-освободительного и революционного движения. Резкое увеличение числа и масштабов таких войн после второй мировой войны является попыткой империализма как-то приспособить свою политику к реальностям ядерного века, не допустить, чтобы политика силы была окончательно сдана в архив.

«Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма, — отмечалось на XXVI съезде КПСС. — Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных измене-

ний в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»*.

При этом даже самую «малую войну» империалисты стремятся вести полувоенными-полуполитическими средствами, в оптимальном варианте — не объявляя ее, втайне от обеспокоенной общественности, понимающей, куда ведут подобные акции в современной международной обстановке, ведь теперь изолированных конфликтных ситуаций в мире практически не существует. В современную эпоху любая взрывоопасная ситуация, любая необъявленная война чревата эскалацией на уровень глобального конфликта. Каждая искра локальной войны может стать причиной мирового пожара, и только всеобщий мир может гарантировать подлинную безопасность народов.

Поэтому исключение из практики международных отношений института войны, в том числе и излюбленных империализмом необъявленных войн, является столь же важным и насущным вопросом, как и ограничение ядерных вооружений. Однако империализм, в первую очередь американский, усиленно противится этому, не желая отказываться в своей внешней политике от инструмента военной силы. Более того, республиканская администрация Рейгана пытается ликвидировать даже такое минимальное условие, установленное встревоженным конгрессом после поражения США в грязной войне во Вьетнаме, которое требует, чтобы президент официально испрашивал согласия конгресса на ведение военных действий через месяц (!) после того, как Белый дом начнет использование за рубежом американских вооруженных сил.

Этой политике и практике империализма Советский Союз, содружество социалистических государств, поддерживаемые всей прогрессивной мировой общественностью, противопоставляют призыв поставить твердый международно-правовой заслон объявленным и необъявленным войнам, не допускать новых вспышек военных действий на мировой арене.

«Советский Союз вообще отвергает точку зрения тех, кто пытается внушить людям, будто сила, оружие решают и всегда будут решать все,— отмечал Ю. В. Андропов. Ныне на авансцену истории, как никогда ранее, выходят народы. Они обрели право голоса, который никому не заглушить. Они способны ак-

тивными и целеустремленными действиями устранить угрозу ядерной войны, сберечь мир, а значит, и жизнь на нашей планете. И Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство будут делать все, чтобы так оно и было» *

Среди многочисленных предложений Советского Союза и других социалистических государств на этот счет следует выделить предложение о заключении всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии было заявлено: «Чтобы еще больше ослабить угрозу войны и создать благоприятные условия для продвижения к разоружению, мы предлагаем теперь заключить всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях» **. Проект этого договора был внесен Советским правительством в 1976 году на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Суть предлагаемого договора состоит в том, чтобы все его участники строго следовали «обязательству не применять в своих взаимных, как и вообще в их международных, отношениях силу или угрозу силой как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

Исходя из выработанного ООН в 1974 году определения агрессии, советский проект договора предусматривает запрещение любых форм агрессии — как прямых, так и косвенных. Вместе с тем этот проект ни в коей мере не затрагивает право государств на законную самооборону, которая предусмотрена статьей 51 Устава ООН. Наряду с этим проект договора не противоречит праву колониальных народов на самоопределение, независимость и свободу, а также их праву вести борьбу в этих целях и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава ООН. СССР подчеркнул, что положение о неприменении силы в проекте охватывает межгосударственные отношения, не затрагивая неотъемлемого права народов на борьбу за свое социальное и национальное освобождение.

Предложение СССР о заключении всемирного

* Разоружение — веление времени. Документы и материалы. М., 1983, с. 6.

** Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 25.

договора о неприменении силы в международных отношениях, несмотря на упорное противодействие Соединенных Штатов и других империалистических держав, не желающих расставаться с привычными средствами ведения внешней политики, получило широкую международную поддержку. XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН, обсудив и одобрив в целом эту советскую инициативу, призвала государства — члены ООН продолжать изучение внесенного Советским Союзом проекта договора. XXXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1977 год) учредила Специальный комитет по усилению эффективности принципа неприменения силы в международных отношениях и поручила ему рассмотреть предложения и замечания государств с целью разработки всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Специальный комитет уже проделал полезную работу по продвижению выдвинутой СССР идеи о заключении договора. Однако США до сих пор не отказались от попыток воспрепятствовать выработке и принятию договора, дабы сохранить за собой «право» на использование силы в международных отношениях.

США и их союзники по НАТО блокируют аналогичное предложение социалистических стран, внесенное на Стокгольмской международной конференции по мерам доверия и безопасности в Европе.

Комплекс инициатив Советского Союза, направленных на исключение войны из международных отношений, включает в себя далеко идущие меры по укреплению доверия и безопасности, которые имеют максимально широкий географический охват. Этот комплекс инициатив нацелен на снижение напряженности и устранение очагов конфликтов на громадных пространствах — от Центральной Европы до Дальнего Востока, включая Средиземное море, Ближний Восток, зону Персидского залива и Индийский океан.

Но Вашингтон упорно отказывается от любых переговоров, которые хоть как-то могли бы ограничить свободу рук США в осуществлении необъявленных войн. Так, США в одностороннем порядке прекратили советско-американские переговоры по ограничению военной деятельности в районе Индийского океана. Вашингтон прервал и переговоры с СССР по ограничению продажи и поставок обычных вооружений. Правящие круги США не желают отказываться ни от

наращивания американского военного присутствия в Индийском океане, ни от создания там постоянных военных баз, ни от поставок американского оружия реакционным режимам, различного рода агрессорам в разных районах мира. Иными словами, Вашингтон не желает отказываться от старых средств и методов внешней политики, разработанных и апробированных еще в годы «холодной войны».

Однако, гальванизируя стратегию необъявленных войн, вашингтонские руководители упускают из виду одно важное обстоятельство. Ныне, в середине 80-х годов, империализм США не имеет ни экономических, ни военных возможностей для того, чтобы отбросить мир назад, повернуть вспять ход истории. Соотношение сил в мире со времен 50-х годов кардинально изменилось: неизмеримо выросли мощь и международное влияние мировой системы социализма; развивающиеся страны все более настойчиво проводят свою самостоятельную линию в вопросах международного развития; в западном лагере уже давно не чувствуется готовности слепо следовать за всеми зигзагами внешней политики Вашингтона; в самих Соединенных Штатах и в других странах Запада активизируются политические силы, выступающие против нагнетания международной напряженности, против необъявленных войн и милитаризма.

Мир неудержимо меняется, и любые попытки затормозить социальный прогресс с помощью военной силы неизбежно оборачиваются против их организаторов. Ни колоссальная военная машина США, ни изощренные тайные операции ЦРУ, ни кровавые злодеяния американских наемников, ни даже постоянно нагнетаемая угроза ядерной войны — ни один из силовых инструментов внешней политики Белого дома не способен дать вашингтонским руководителям власть над ходом истории.

В ответах на вопросы газеты «Правда», опубликованных 2 сентября 1984 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко отмечал, что, «как бы в США ни напрягали военные мускулы, мир им изменить не удастся, не станет он жить по американским стандартам» *.

* Правда, 1984, 2 сентября.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РИТОРИКА И ПОЛИТИКА	3
Глава первая	
ИНДУЛЬГЕНЦИИ НА ИНТЕРВЕНЦИИ	8
Метаморфозы «американской исключительности»	—
«Биполярный мир» или «игра с нулевой суммой»	18
Чем заполнить «вакуум силы»?	28
Глава вторая	
РЕЙГАНИЗМ: ПОЛИТИКА ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	36
От «вьетнамского синдрома» — назад, к «большой дубинке»	—
Под флагом «борьбы с международным терроризмом»	45
Непосильное бремя «глобальной ответственности»	53
Глава третья	
НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ: ЦЕЛИ И СРЕДСТВА	60
Дамоклов меч ядерной войны	—
Силы общего назначения	67
«Пожарная команда» Пентагона	75
Силы специального назначения	83
Глава четвертая	
ДИПЛОМАТИЯ «ПЛАЩА И КИНЖАЛА»	92
«Джентльмены» из Лэнгли	—
Убийцы на экспорт	104
Троянский конь империализма	112
Глава пятая	
«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» В АФРИКУ	122
Первая необъявленная война США против Африки	—
Заговор против Конго	125
Вмешательство, не прекращавшееся никогда	140
Операция «А — будущее»	144

Цербер на мысе Доброй Надежды «Забывтая война», о которой вспом- нил Рейган	152 158
Глава шестая	
ОТ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ДО ЮГО- ЗАПАДНОЙ АЗИИ: КУРСОМ АГРЕС- СИИ И АВАНТЮР	165
Кровь и боль Вьетнама	—
Война против Кампучии	171
«Вьетнамизация» в Лаосе	179
Тайная война в Афганистане	183
Глава седьмая	
БЛИЖНИЙ ВОСТОК — ЗОНА ПЕР- МАНЕНТНОЙ АГРЕССИИ США	193
От Бейрута до Бейрута: рецидивы агрессии	—
Нет мира на земле ливанской	197
Персидский залив: тучи сгущаются	207
Вашингтон против Ливии: путь про- вокаций и авантюр	216
Глава восьмая	
«ДОБРЫЙ СОСЕД» С БОЛЬШОЙ ДУ- БИНКОЙ	224
Традиция интервенций	—
Пули и доллары	228
План «Кентавр»	233
Четверть века борьбы против кубин- ской революции	242
«Вспышка ярости» против мирного острова	251
Государственный терроризм против стран Центральной Америки	255
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПРЕДЛАГАЕТ	264

Хлебников П.

X 55 Необъявленные войны США.— М.: Мысль, 1984.— 271 с.— (Империализм: хроника преступлений).
1 р. 10 к.

В книге рассказывается о необъявленных войнах США в так называемых горячих точках планеты — в Центральной и Южной Америке, в Африке, Азии и на Ближнем Востоке как одном из инструментов агрессивной военно-политической стратегии и глобальной политики Вашингтона.

В книге разоблачаются американские идеологические, политические и военно-стратегические доктрины и концепции, призванные оправдать ведение необъявленных войн.

X 0302030103-191
004(01)-84 Без объявления

ББК 66.2(7США)
32И

П. Хлебников

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ США

Заведующий редакцией **А. Л. Ларонов**
Редактор **Н. И. Калашникова**
Младший редактор **Т. М. Найденова**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **Л. В. Барышева**
Корректоры **Г. В. Борисова, В. С. Матвеева,**
С. С. Новицкая

ИБ № 3027

Сдано в набор 10.08.84. Подписано в печать 10.09.84. А 10322. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 14,28. Усл. кр.-отт. 14,94. Учетно-издательских листов 15,2. Тираж 100 000 экз. Заказ № 502. Цена 1 р. 10 к.

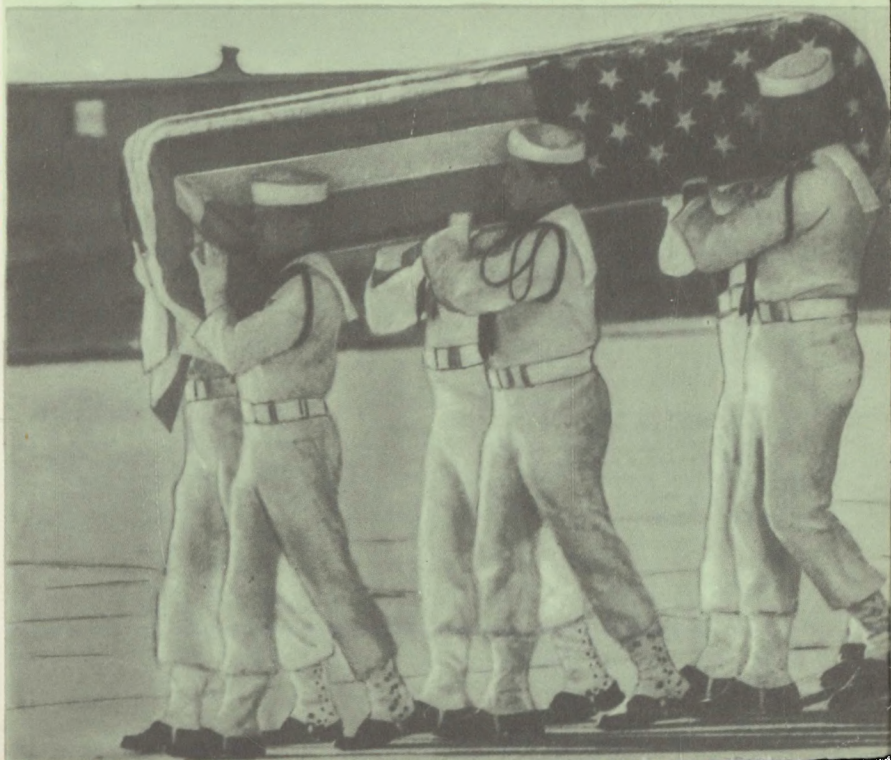
Издательство «Мысль», 117071, Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.

Americans At War

U.S. Paratrooper in Grenada

ИМПЕРИАЛИЗМ: хроника преступлений

Какова роль Белого дома в убийстве лидера Конго Патриса Лумумбы? Как Вашингтон готовил свержение правительства Альенде в Чили? Какова роль американских спецслужб в непрекращающихся попытках дестабилизации обстановки в Анголе, Афганистане, Никарагуа? На эти вопросы отвечает книга "Необъявленные войны США". Особое внимание уделяется необъявленным войнам администрации Рейгана — вторжению на Гренаду, военному вмешательству на Ближнем Востоке, экспорту контрреволюции в Центральной Америке. На большом фактическом материале автор раскрывает темные стороны деятельности ЦРУ, сил специального назначения, транснациональных корпораций и других инструментов внешней политики США.

